

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

1

ОГИЗ
СОЦЭКГИЗ
1936

По недосмотру типографии и издательской корректуры вкратись следующие опечатки:

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
79	3 сверху	показано	показать
121	7 и 8 снизу	160 $\frac{2}{3}$	106 $\frac{2}{3}$
202	3 снизу	Главторге	Главторфе
206	5 сверху	мышленной	промышленной

Проблемы экономики № 1

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

1

С О Ц Э К Г И З

1936

Содержание

	<i>Стр.</i>
План и наши задачи.—Доклад председателя СНК Союза ССР тов. В. М. Молотова о народнохозяйственном плане 1936 года на 2-й сессии ЦИК Союза ССР 10 января 1936 г.	3
Я. Чубарь — Речь тов. Сталина на I Всесоюзном совещании стахановцев и задачи работников науки. Доклад на общемосковском собрании научных работников 2 декабря 1935 г.	27
А. Мендельсон — Тысяча девятьсот тридцать пятый год	36
Э. Бронштейн — Проблема кадров и стахановское движение (на опыте машиностроительной промышленности)	53
Б. Боринин — Задачи преподавания политической экономии	70
М. Рубинчик — Рабочий контроль и национализация промышленности в первые месяцы советской власти	87
—————	
Я. Сегалл — Германский фашист в роли «критика» Маркса	110

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

И. Дворкин — Некоторые экономические итоги фашистской диктатуры в Германии	131
М. Спектатор — Что дает сельскохозяйственная перепись США для характеристики процесса развития капитализма в земледелии?	148

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Э. Локшин — Книга о наиболее жизненном и неопреодолимом движении современности	175
И. Бородин — Стахановские методы использования комбайнов	182
И. Блюмин — Давид Рикардо, Сочинения, т. II	190
М. Фейгельсон — В. В. Савин, Основы экономики социалистической торфяной промышленности	200
В. Виргинский — Louis Mumford, Technics and Civilisation	205
Я. Сегалл — Новинки иностранной литературы	210

Адрес редакции: Волхотка 14, Тел. 1-25-81

Сдано в производство 10—26/Д 1936 г.
 Подписано к печати 20/ДТ 1936 г.
 Уполн. Главлита В — 12811
 Формат 72x105/16 Союзгиз. № 5 (п)
 Заказ типографии № 99
 Объем 1 3/4 п. л. 67 000 экз. в п. л.
 Тираж 12700.
 Выпускающий А. Н а л и м о в

РЕДАКЦИЯ

}

Г. И. Крумин (отв.)
 Л. М. Гатовский
 Э. И. Квиринг
 М. М. Кривицкий
 М. М. Шурыгин

План и наши задачи

Доклад председателя Ст.К. Союза ССР тов. В. М. Молотова о народнохозяйственном плане 1936 года на 2-й сессии ЦИК Союза ССР 10 января 1936 г.

I. К итогам прошлого года

Товарищи!

Итоги 1935 года, действительно, замечательного года, мы подведем несколько особым способом. Многочисленные и нередко очень широкие совещания с местными товарищами по различным вопросам промышленности, транспорта и сельского хозяйства были в значительной мере посвящены этим итогам и, вместе с тем, дальнейшим задачам, которые стоят теперь перед нами.

Первое Всесоюзное совещание стахановцев промышленности и транспорта положило, так сказать, начало подведению этих итогов. Совещание по строительству сыграло большую роль в постановке новых задач в этой области. Недавний пленум Центрального Комитета ВКП(б) не только подвел первый итог стахановскому движению, но и наметил новые задачи громадной важности по промышленности и транспорту.

Каждому также понятно, какое большое значение имели совещания с передовыми комбайнерами, а затем с трактористами, машинистами молотилок и с работниками колхозов и совхозов, давшими высокую урожайность по зерновым культурам. Только что закончилось совещание с работниками машинно-тракторных станций по вопросам улучшения производственно-финансовой деятельности МТС.

Громадное значение для популяризации лучших людей деревни, стлчившихся в борьбе за высокую урожайность свеклы и хлопка, имели встречи руководящих работников партии и правительства с пятисотницами свекловичных районов, а также с представителями хлопковых колхозов и совхозов из Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Казакстана и Кара-Калпакии.

Что в данном случае мы имеем дело действительно с итогами крупнейшего значения, видно уже из того факта, что сотни и даже тысячи низовых работников сельского хозяйства, промышленности и транспорта вернулись из Москвы награжденными высшей наградой Советского Союза — орденом Ленина, орденом Трудового Знамени и орденом Знака Почета. (А п л о д и с м е н т ы.)

Перейду к конкретным данным о результатах прошлого года.

Начну с промышленности.

План 1935 года намечал увеличение продукции по всей промышленности против предшествовавшего года на 16%. Данные об итогах прошлого года говорят о том, что наша промышленность увеличила

свою продукцию не на 16, а на 20,7%. Это означает, что по промышленности в целом план перевыполнен на 5%.

Особенно важно то обстоятельство, что в прошлом году по всем союзным наркоматам промышленности план перевыполнен: по Наркомтяжпрому план выполнен на 107%, по Наркомлесу — на 103%, по Наркомлегпрому — на 102% и по Наркомпищепрому — на 111,5%. Перевыполнили также свои планы крупнейшие наркоматы местной промышленности: как по РСФСР, так и по УССР планы местной промышленности выполнены на 103%.

По транспорту мы также имеем перевыполнение установленного плана транспортными наркоматами.

Железнодорожный транспорт дал общее увеличение перевозок грузов за прошлый год на 23% и перевыполнил установленный план на 9%. Водный транспорт дал увеличение перевозок на 21% и перевыполнил план на 9%. Такие успехи по транспорту, особенно по железнодорожному, мы имеем впервые за последние годы.

По сельскому хозяйству мы также имеем выдающиеся успехи по решающим отраслям.

Урожай зерновых дал нам свыше 5,5 миллиарда пудов хлеба, причем заготовки, включая и закупки зерновых культур, обеспечили значительное увеличение государственных запасов хлеба и были проведены в более короткий срок, чем раньше.

Особенно значительно возросла продукция хлопка и сахарной свеклы.

По хлопку-сырцу мы получили увеличение против прошлого года на 45%, что дало возможность перевыполнить установленный государственный план на 12%. По сахарной свекле мы получили увеличение против прошлого года на 43%, что позволило перевыполнить государственный план на 6% с лишним. Хотя план заготовок по льну еще целиком не выполнен, главным образом из-за плохой работы некоторых областей, но выполнение общегосударственного плана по заготовкам льна можно считать обеспеченным.

Крупнейшее значение имеют успехи в области животноводства.

По сравнению с 1934 годом мы получили следующее увеличение поголовья скота: по лошадям почти на 5%, по крупному рогатому скоту — на 18%, по овцам и козам — на 25%, по свиньям — на 38%. Правда, план 1935 года по лошадям выполнен только на 94%, но по крупному рогатому скоту, свиньям, овцам и козам этот план перевыполнен. Таким образом, животноводство в нашей стране окончательно стало на путь быстрого подъема. Большинство областей Советского Союза никогда еще не имело такого быстрого роста поголовья скота, как в истекшем году.

Наша страна за прошлый год получила громадный прирост продукции как по промышленности, так и по сельскому хозяйству, и хотя есть еще немало слабых мест и отсталых отраслей народного хозяйства, — результаты истекшего года превзошли наметки плана.

Но самым важным итогом прошлого года является стахановское движение в промышленности и на транспорте. Оно является результатом победы социализма в нашей стране и ведет к целой революции в промышленности и на транспорте, открывая первую страницу высокого подъема социалистической производительности труда рабочих и работниц.

Ярким примером того, что дает стахановское движение на практике, может служить Донбасс, где зародилось это движение.

В августе месяце прошлого года, еще, следовательно, до стахановского движения, добыча угля в Донбассе составила 5 500 тыс. тонн. Между тем, в декабре месяце, когда стахановское движение уже развернулось, было добыто 7 125 тыс. тонн угля в Донбассе. Это значит, что за каких-нибудь четыре месяца, без увеличения количества занятых рабочих, месячная добыча угля в Донбассе поднялась на 1 625 тыс. тонн, т. е. на 100 миллионов пудов. Значение такого увеличения добычи угля видно хотя бы из того, что в декабре 1913 года, когда Донбасс был известен во всем мире как крупнейший добытчик каменного угля, вся добыча угля в Донбассе составляла только 2 275 тыс. тонн. Напомню еще один факт, что за декабрь 1925 года Донбасс дал всего 1 604 тыс. тонн, т. е. меньше, чем та прибавка угля, которую дало стахановское движение в декабре 1935 года по сравнению с августом того же года.

Результаты работы промышленности в прошлом году обеспечили перевыполнение соответствующего задания второй пятилетки по крупной промышленности на 3%, по промышленности в целом — на 1%. Это перевыполнение произошло за счет промышленности Наркомтяжпрома, где оно составляет 10%, и промышленности Наркомпищепрома, где перевыполнение составляет 12%. Наряду с этим мы имели недовыполнение заданий второй пятилетки на 1935 год как по Наркомлегпрому (94% плана), так и по Наркомлесу (также 94% плана).

Значительно перевыполнил план второй пятилетки железнодорожный транспорт, перевозки грузов которого в прошлом году превысили задания второй пятилетки на 16%.

В отношении сельского хозяйства погодные задания давались только по животноводству. Данные за 1935 год показывают, что мы еще не выполняем заданий второй пятилетки по поголовью скота, но, по крупному рогатому скоту мы уже перевыполнили задание второй пятилетки (101%).

Чем объяснить большие успехи прошлого года в подъеме народного хозяйства? Где их основа?

Ответ на этот вопрос вытекает из живых фактов и, прежде всего, из того, чему нас учит стахановское движение. Стахановское движение показало, что мы не только технически перевооружили народное хозяйство, но и создали уже известные кадры, хорошо владеющие новой техникой.

Товарищ Сталин в речи на стахановском совещании сказал:

«Новые люди из рабочих и работниц, освоившие новую технику, послужили той силой, которая оформила и двинула вперед стахановское движение».

Сколько этих новых людей мы уже имеем в данное время, в каких районах и в каких областях, можно судить по успехам стахановского движения. Но именно эти кадры новых людей своей стахановской работой подтвердили указание товарища Сталина, что «упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на рабочих, овладевших техникой», что теперь «кадры решают все».

Известные кадры новых людей, овладевших новой техникой, были созданы за последний год. Они и были решающей силой в последних крупнейших успехах в народном хозяйстве.

Стахановское движение, охватившее все отрасли промышленности, транспорт, а также в известной мере и сельское хозяйство, и за короткое время выдвинувшее вперед тысячи новых людей, за кото-

рыми нельзя не признать больших достижений в овладении техникой, — это стахановско-виноградско-кривоносовско-демченковское движение всем своим размахом показало, что здесь мы имеем дело с началом общего культурно-технического подъема рабочего класса, а отчасти уже и колхозного крестьянства.

Итак, мы знаем, в чем заключается ключ быстрого подъема народного хозяйства в теперешний период. Но чтобы полнее характеризовать условия, обеспечившие успехи истекшего года, надо остановиться еще на следующих важных моментах.

Во-первых, большое значение для подъема всего народного хозяйства имели успехи железнодорожного транспорта. Благодаря этому значительно улучшилось снабжение промышленности сырьем и топливом, поднялись перевозки стройматериалов, налажилось обслуживание транспортом сельского хозяйства, транспорт стал успешно справляться с удовлетворением предъявляемых к нему заданий по перевозкам. Ускоренное кровообращение в народнохозяйственном организме во многом способствовало росту народного хозяйства.

Железнодорожный транспорт добился этого громадным размахом организаторской работы, упорной борьбой за трудовую мобилизацию сил и за дисциплину, настойчивым проведением мер по технической реконструкции и всемерному материально-техническому оснащению железных дорог. Всем нам хорошо известна роль тов. Кагановича в этом деле. (Продолжительные аплодисменты.)

Я не говорю уже о роли товарища Сталина в этой первой за последнее время крупной победе железнодорожного транспорта. Это и без того всем нам хорошо известно. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.)

Железнодорожный транспорт перестал тормозить рост народного хозяйства и все больше становится одной из решающих, по-настоящему ведущих сил подъема нашего строительства.

Во-вторых, крупную роль в успехах прошлого года играло развитие денежного хозяйства. Это развитие имело тем большее значение, что в истекшем году мы имели значительное укрепление рубля.

Для развития денежного хозяйства имели решающее значение ликвидация карточной системы на хлеб и другие продукты и замена системы отоваривания сельскохозяйственных заготовок переходом к новым ценам. Ликвидация карточек и установление единых цен на продовольственные продукты сделали денежную зарплату основным стимулом для рабочего. Быстро стала внедряться прогрессивно-сдельная оплата труда на фабриках и заводах. Это сыграло большую роль и в развитии стахановского движения. Без развития денежного хозяйства и связанного с этим усиления роли зарплаты, и особенно прогрессивно-сдельной оплаты труда, мы не имели бы такого быстрого развития стахановского движения. Интерес рабочих к повышению своего заработка имел немаловажное значение для развертывания стахановского движения, и действительно заработки стахановцев стали рекордными.

Ликвидация карточек и установление единых цен на продовольственные продукты привели к значительному снижению рыночных цен на эти продукты. Подсчеты показывают, что снижение этих цен достигло в течение прошлого года не менее, чем 25—30%. Понятно, что это намного подняло роль денег в глазах населения.

Развитие денежного хозяйства сказалось и в развернувшейся борьбе за рентабельность в промышленности. В связи с этим за работой Макеевского металлургического завода имени тов. Кирова следили все заводы.

Развитие денежного хозяйства нашло свое выражение и в росте денежных вкладов как в городе, так и в деревне. Особенно быстро стали расти вклады колхозов в Государственном Банке.

О развитии денежного хозяйства говорит также быстрый рост товарооборота во всей стране.

Поскольку ценность рубля за истекший год значительно повысилась, а наряду с этим быстро росли денежные доходы рабочих и колхозников, постольку понятно, что развитие денежного хозяйства в истекшем году сыграло большую положительную роль в успехах народного хозяйства.

В-третьих, ускорение подъема народного хозяйства стало возможным потому, что оно опиралось на быстрый рост материального благосостояния рабочего класса и колхозного крестьянства.

Указывая на корни стахановского движения, товарищ Сталин говорил:

«Основой стахановского движения послужило, прежде всего, коренное улучшение материального положения рабочих. Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». (А п л о д и с м е н т ы.)

Что это действительно так, что жить действительно стало лучше и веселее, это после речи товарища Сталина на стахановском совещании подтвердили рабочие и работницы, колхозники и колхозницы во всех уголках нашей страны. Об этом свидетельствуют и указанные мною, в связи с развитием денежного хозяйства в стране, факты: укрепление рубля, снижение цен на продовольственные продукты, рост вкладов в банки со стороны колхозов, увеличение сбережений городского и деревенского населения и др.

Улучшение материального положения рабочих сыграло громадную роль в подъеме производительности труда и в ускорении всего нашего хозяйственного роста. Увеличение доходов колхозов и колхозников, особенно в районах технических культур, а также животноводства, в большой мере способствовало развертыванию борьбы за высокий урожай хлопка, свеклы и т. д.

Правильной политикой большевистской партии нам удавалось до сих пор найти нужную жизненную связь между интересами народного хозяйства в целом и улучшением материального положения рабочих и колхозников. Особое значение в этом отношении имеют итоги прошлого года.

К числу главных итогов этого года надо отнести следующее: стахановско-виноградовско-кривоносское движение, движение пятисотниц в свекловичных районах и «тридцатников» в хлопковых районах Узбекистана, большие успехи комбайнеров и т. п., — все это свидетельствует о том, что в 1935 году больше, чем когда бы то ни было, широкие массы трудящихся сами почувствовали неразрывную связь успехов развития народного хозяйства с подъемом их материального благосостояния.

В этом мы видим предпосылку величайшей важности для еще больших успехов в 1936 году. (А п л о д и с м е н т ы.)

II. Задачи четвертого года второй пятилетки

1. Новый подъем народного хозяйства, техническая реконструкция и стахановское движение

Народнохозяйственный план 1936 года представляет собою гигантскую программу.

По промышленности ставится задача увеличения валовой продукции на 23%, что должно обеспечить стране получение промышленной продукции на 81 миллиард рублей. Годовое задание 1936 года больше чем на 4% превышает соответствующее задание второй пятилетки.

За один год крупная промышленность должна дать прирост продукции в размере 15 миллиардов рублей (в ценах 1926/27 г.). Следует эту цифру сравнить с 1927 годом, когда вся валовая продукция крупной промышленности оценивалась в 13,6 миллиарда рублей.

В соответствии с интересами технической реконструкции народного хозяйства наибольший абсолютный прирост продукции должна дать тяжелая промышленность.

У нас идет создание ряда новых отраслей промышленности и строительство многих новых предприятий, а также большое строительство в области транспорта и сельского хозяйства. У нас еще есть ряд отраслей промышленности, не говоря уже о сельском хозяйстве, которые находятся на низком техническом уровне (лесогаготовки), или сильно отстали от передовой заграничной техники, что особенно относится к ряду отраслей легкой промышленности. Все это определило большой темп прироста продукции тяжелой промышленности, который составляет в этом году 26%. Особенно большой прирост продукции должны дать следующие отрасли: грузовые автомобили — 86%, машиностроение — 31%, прокат — 30%, сталь — 28%, каменный уголь — 24%. В этом году чугуна должно быть произведено 14,5 миллиона тонн, стали 16 миллионов тонн, проката 12,2 миллиона тонн. Этим планом обеспечивается перевес производства стали над чугуном, а также значительное подтягивание проката.

Но наибольший темп роста валовой продукции должна дать легкая промышленность, сильно отстававшая до последнего времени в темпах подъема. По Наркомлегпрому мы должны получить увеличение промышленной продукции свыше чем на 29%, чего мы еще никогда не имели в легкой промышленности и что требует большей организованности от работников легкой промышленности.

По Наркомпищепрому и Наркомлесу намечено увеличение валовой продукции не менее чем по 22%.

План капитальных работ по народному хозяйству на 1936 год определен в 32,4 миллиарда рублей. Из этой суммы на промышленность идет 14 миллиардов рублей, на железнодорожный транспорт — 4,8 миллиарда рублей, на водный транспорт — 1,5 миллиарда рублей, на сельское хозяйство — 2,6 миллиарда рублей (не считая капиталовложений самих колхозов), на культурно-бытовое строительство, включая коммунальные дела, жилища, просвещение, здравоохранение — 8 миллиардов рублей.

План капитальных работ по тяжелой промышленности дает особенное увеличение вложений в цветную металлургию, нефтяную промышленность и электростроительство. По плану промышленного строительства в целом особое внимание уделено разворачиванию промышленности, производящей предметы потребления, в связи с чем

план капитальных работ по легкой и местной промышленности увеличен почти в два раза, а по пищевой — в полтора раза против 1935 года.

В строительном плане этого года займет важное место Москва, а также Ленинград, с их планами общей реконструкции, что будет иметь большое значение для повышения культуры нашего строительства во всей стране.

Особой и крупнейшей задачей этого года является создание строительной промышленности, как особой отрасли индустрии, и удешевление производства стройматериалов и строительства в целом, для чего теперь имеются особенно благоприятные условия в связи с укреплением рубля.

В отношении транспорта план устанавливает следующие задания: по железным дорогам увеличение грузовых перевозок на 15% и среднесуточная погрузка в течение года 78,5 тыс. вагонов; по водному транспорту план грузовых перевозок увеличивается на 18% по реке и на 21% по морскому транспорту.

Строительная программа железнодорожного транспорта характерна рядом крупных реконструктивных мероприятий, что крайне важно с точки зрения его дальнейшего роста.

Главной задачей промышленности и транспорта в этом году является умелое, организованное развертывание стахановского движения на основе решений декабрьского пленума Центрального Комитета ВКП(б). Если промышленность и транспорт сумеют по-настоящему выполнить возложенные на них этим решением задачи, то гигантская программа этого года будет не только выполнена, но и перевыполнена. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Достигнутые уже нами успехи по технической реконструкции промышленности не малы. Благодаря новой технике появились уже у нас и новые кадры, овладевшие этой техникой.

«Задача состоит в том, — говорится в решении пленума ЦК, — чтобы, пользуясь всеми научными знаниями и техническим опытом, накопленными промышленностью, отрешиться от недоиспользования техники, неизбежного в капиталистическом обществе, где рабочий работает не на себя, не на коллектив, а на капиталиста, где хозяйство развивается не по плану, в интересах всего народа, а стихийно, в интересах отдельных капиталистов, пойти в ногу со стахановским движением, возглавить его и помочь ему создавать новую, высшую, по сравнению с капитализмом, производительность труда».

Партия указывает вместе с тем на необходимость «сломить оставшееся сопротивление стахановскому движению» со стороны отсталой части хозяйственников и инженерно-технических работников промышленности и транспорта, а также решительно разоблачать классово-враждебные элементы, которые попытаются делать враждебные вылазки против стахановцев.

Организовать и возглавить стахановское движение по всей промышленности и транспорту — такова наша задача. Тогда ряды стахановцев будут расти, а вместе с этим еще быстрее будет подъем народного хозяйства.

Стахановцы показали на деле, что установленные ранее технические нормы и проектные мощности, а также нормы выработки во многих случаях теперь уже не подходят, как устарелые, как заниженные. Мы имеем уже в некоторых случаях такие образцы работы стахановцев, которые превосходят лучшие заграничные образцы по высокой производительности труда и по умелому использованию техники.

Некоторые доменные печи у нас стали работать не хуже и даже лучше зарубежных. Стахановцы в Донбассе в ряде случаев дали гораздо более высокую производительность, чем, скажем, в лучших шахтах Рурского бассейна. В автотракторной промышленности стахановско-бусыгинское движение также дало образцы более высокой производительности, чем на американских заводах.

Но таких образцов у нас еще очень мало.

Средний уровень производительности труда и себестоимость продукции у нас еще значительно отстает от американского и европейского. Это отставание закреплялось теми устаревшими техническими нормами и заниженными для теперешнего времени нормами выработки, которые у нас существовали.

Поэтому партия и правительство поставили перед рабочими, инженерно-техническими работниками и хозяйственными руководителями промышленности и транспорта задачу пересмотра технических норм в сторону повышения, соответственно — пересмотра норм выработки также в сторону некоторого повышения. Это должно обеспечить и удешевление продукции, что очень важно. К выполнению этой задачи надо в ряде отраслей приступить уже в ближайшее время, рассмотрев эти вопросы на соответствующих производственных конференциях. Крупнейшее значение имеет решение провести пересмотр технических норм и норм выработки без изменения расценок и с увеличением фонда зарплаты.

Проведение этого решения отвечает как интересам государства, так и интересам рабочих и работниц. Старые технические нормы, а соответственно и нормы выработки были приспособлены к отсталым рабочим, не представлявшим еще себе новой техники. Теперь эти отсталые нормы в некоторых случаях уже лишают рабочих стимула к дальнейшему повышению производительности труда и тем самым тормозят также развитие промышленности. Они подлежат пересмотру в соответствии с ростом кадров, овладевших новой техникой, могущих работать не по-отсталому, а по-новому, по более передовым нормам.

Перед нами, как известно, стоит задача догнать передовые по технико-экономическому уровню капиталистические страны. Мы успешно двигаемся в этом направлении за все эти годы. Стахановское движение позволяет сделать новый крупный шаг в решении задачи «догнать и перегнать». Вслед за наиболее передовыми стахановцами за эту задачу берутся все новые и новые группы рабочих, новые цеха и заводы. Например, Макеевский им. Кирова, о чем недавно писал тов. Гвахария. У нас уже началось движение за стахановские смены, за стахановские сутки, за стахановские пятитдневки. Надо опереться на это растущее движение для того, чтобы мобилизовать как можно больше сил на борьбу за решение задачи догнать и перегнать передовые по освоению техники капиталистические страны. (А п л о д и с м е н т ы.) У нас уже не мало людей, которые могут поставить перед собой задачу — работать не хуже, а лучше, чем за границей; использовать машины и орудия не хуже, а лучше, чем за границей; обеспечить производительность труда на заводах и фабриках не меньшую, а большую, чем за границей. (А п л о д и с м е н т ы.)

Успехи технической реконструкции и растущие кадры людей, владеющих техникой своего дела, дают нам возможность все более успешно решать эту задачу. В наших условиях в решении этой задачи кровно заинтересованы сами рабочие и работницы, потому что это лучший путь не только к подъему народного хозяйства, но и к бы-

строму повышению материального и культурного уровня трудящихся в нашей стране.

По сельскому хозяйству план 1936 года намечает крупнейшие задачи.

Валовая продукция сельского хозяйства должна увеличиться всего на 24%, причем более быстро должна расти продукция животноводства. Это значит, что рост валовой продукции сельского хозяйства должен идти даже быстрее, чем рост промышленной продукции.

По зерну планом поставлена задача обеспечить получение 6,3 миллиарда пудов, что будет означать большое продвижение вперед в выполнении выдвинутой партией задачи: добиться через три — четыре года урожая в 7—8 миллиардов пудов зерна. При этом должны быть приняты некоторые дополнительные меры по стимулированию производства пшеницы в основных зерновых районах.

По хлопку темп прироста продукции намечен на уровне зерна, т. е. в 14%. Это требует того, чтобы в среднем по СССР урожайность орошаемого хлопка поднялась с 10,2 до 11,2 центнера с гектара.

Наиболее высокие задания по увеличению продукции даются льну—с приростом в 42%, и сахарной свекле—с приростом в 57%. Это объясняется тем, что урожайность льна, а также свеклы, у нас еще совершенно недостаточная, и мы имеем здесь большие резервы. Урожайность по льну должна быть повышена с 2,6 до 3,7 центнера с гектара, а урожайность по сахарной свекле против фактической средней прошлого года в 132 центнера должна быть повышена до 204 центнеров с гектара.

Планом намечены большие задания по животноводству. поголовье лошадей должно увеличиться за этот год на 9,5%, крупного рогатого скота—на 17%, овец и коз—на 22%, свиней—на 34%. Обеспечить такой подъем поголовья скота—значит добиться больших успехов в подъеме животноводства и в подъеме народного хозяйства в целом. Испытанный в прошлом году метод подъема животноводства установлением государственного плана выращивания скота по областям дал свои положительные результаты. В этом году мы должны использовать метод государственного плана по животноводству еще более организованно и мобилизовать вокруг этого дела лучшие силы колхозов.

О росте технического вооружения сельского хозяйства говорит миллиардная программа производства сельхозмашин в 1936 году, задание о 61 тысяче комбайнов, увеличение мощности тракторного парка на 30% и план организации новых 575 МТС. Значительно растет также снабжение сельского хозяйства минеральными удобрениями.

Таким образом, народнохозяйственный план дает невиданную еще по размаху программу подъема сельского хозяйства. Дело теперь в организации работы в колхозах и совхозах, дело в том, чтобы вовремя и хорошо провести подготовку к севу, организованно провести агротехнические мероприятия в течение всего периода сельскохозяйственных работ и развернуть соревнование масс и отдельных колхозников и работников совхозов вокруг задач повышения урожайности зерна, хлопка, свеклы, льна и других культур.

В нашем сельском хозяйстве тоже немало новых людей, овладевших новой сельскохозяйственной техникой. Достаточно привести пример с комбайнерами, которые в прошлом году дали уже в среднем удвоенную производительность труда против предыдущего года,

а в некоторых случаях довели уборку комбайном за сезон до тысячи гектаров и больше.

Пятисотницы свекловичных районов при отъезде дали обещание приехать на будущий год шестисотницами, а некоторые и семисотницами. И мы знаем, что движение за высокую урожайность свеклы разрастается.

В передовых хлопковых районах растет большое движение за 25—30 центнеров хлопка с гектара, а есть и такие колхозы, которые ставят перед собой задачу получения урожаев хлопка в 40—50 и 60 центнеров с гектара.

В конце концов, и в сельском хозяйстве тон сейчас задают новые люди, работающие не по-старинке, а по новым нормам, с использованием передовой машинной техники и агротехники в целом. От них прежде всего будет зависеть успех в деле дальнейшего подъема сельского хозяйства, так как они являются вожаками большого и быстро растущего массового движения в колхозах и совхозах.

Наши успехи в деревне пойдут теперь тем быстрее, чем лучше мы приведем в действие новый устав сельскохозяйственной артели, принятый вторым колхозным съездом. Этот устав, закрепляя навечно землю за колхозами и устанавливая правильные взаимоотношения между колхозом и его отдельными членами, а также правильные взаимоотношения между колхозниками и его руководящими органами, является могучим средством укрепления колхозов и подъема благосостояния колхозников. Привести этот устав в действие, т. е. на деле обеспечить работу колхозов в соответствии с этим уставом, — значит развить активность колхозников и колхозниц в подъеме колхозного производства и поднять сознательность их участия в борьбе за свою зажиточную, культурную жизнь.

Все это говорит за то, что пришло время быстрого подъема сельского хозяйства, что колхозы ведут деревню к счастливой жизни, что главное теперь в самих колхозниках, и особенно в колхозниках, овладевших по-настоящему техникой своего дела, и в нашем руководстве колхозным строительством.

Новый подъем народного хозяйства должен опереться на развернутую теперь техническую реконструкцию и на те кадры новых людей, овладевших техникой и стремящихся перекрыть не только наши, но и заграничные нормы, опереться на тех новых людей, которые составляют ядро стахановского движения. Если стахановское движение за короткое время в прошлом году уже показало немало замечательных образцов социалистического труда, то 1936 год должен стать стахановским годом во всех отраслях народного хозяйства. (Бурные аплодисменты.)

2. Ликвидация классов, общий подъем благосостояния, подъем культуры рабочих и колхозных масс

План этого года дает программу большого нового хозяйственного подъема. Народное хозяйство может теперь взяться за выполнение этой гигантской программы, так как оно стало полностью социалистическим хозяйством.

У нас не осталось ни в одной отрасли хозяйства капиталистов, не осталось и капиталистиков. Мы успешно осуществляем основную политическую задачу второй пятилетки — ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще.

Это не значит, что у нас перевелись враждебные нам по своей классовой природе элементы. Их еще осталось не мало. И малейшее ослабление революционной бдительности они используют, чтобы пакостить и бросать нам палки в колеса. Нельзя также забывать о том, что мелкобуржуазная стихия живуча, что даже среди трудящихся крестьян-колхозников, в массе служащих нашего госаппарата, а иногда и среди рабочих, они легко находят своих выразителей, то в виде всякого рода спекулянтов, то в виде рвачей в отношении колхозного и государственного добра, то в виде антисоветских сплетников и т. п.

Но если взять теперешнюю социальную основу нашего государства, то она полностью соответствует тому факту, что все народное хозяйство страны стало социалистическим. (А п л о д и с м е н т ы.) В этом смысле задачу ликвидации классов мы решили. (А п л о д и с м е н т ы.)

Ликвидация капиталистических элементов, т. е. уничтожение паразитов, живущих за счет народных масс, и сделала возможным направить все доходы страны в распоряжение самих трудящихся и их государства. (А п л о д и с м е н т ы.) На этом основан быстрый подъем благосостояния рабочего класса и колхозного крестьянства, который идет на наших глазах.

Все говорит за то, что 1936 год станет годом общего подъема благосостояния рабочих и колхозных масс в большей мере, чем это было раньше. Программа нового подъема народного хозяйства является, вместе с тем, программой нового общего подъема благосостояния рабочих, служащих и колхозников нашей страны.

Мы уже знаем, какой рост народного хозяйства намечен планом этого года. Значительно увеличивается также государственный бюджет (на 21,5%), расходы которого, за исключением нужд обороны и управления, целиком идут на обслуживание хозяйственного и культурного подъема страны. В еще большей мере увеличивается народный доход в нашей стране, возрастая почти на 27% против предыдущего года.

Насколько быстро должны расти доходы населения в этом году, видно из следующих данных. План предусматривает увеличение денежного фонда заработной платы всех рабочих и служащих на 13%, при росте средней заработной платы на 8,5% против уровня прошлого года. Должно увеличиться и общее количество занятых рабочих и служащих на 1 миллион человек.

Затраты на жилищное строительство в этом году достигнут 3 065 миллионов рублей, что дает рост на 60%. Бюджет социального страхования рабочих и служащих поднимается до 8 миллиардов рублей, что дает увеличение больше, чем на 19%. Все другие данные о средствах, которые будут направлены на обслуживание культурно-бытовых нужд рабочих и служащих, на коммунальное строительство, здравоохранение, просвещение, говорят также о быстром росте затрат государства на эти цели.

Поскольку мы держим твердый курс на дальнейшее укрепление советского рубля, значение этих крупных затрат еще больше возрастает. В связи с этим для рабочего и служащего особенно важен тот факт, что при дальнейшем росте его денежной заработной платы будет в еще большей мере расти его ре а л ь н а я заработная плата. Добавьте к этому, что теперь будет шире применяться прогрессивно-сдельная и премиальная оплата труда, а также то, что развитие ста-

хановского движения, над которым мы будем усиленно рабстать, несет с собой и высокие стахановские заработки.

О росте благосостояния в деревне говорят уже приведенные цифры подъема всех отраслей сельского хозяйства, который как известно, должен дать увеличение валовой продукции сельского хозяйства на 24%.

Из года в год растут денежные доходы колхозников, увеличиваются выдачи денег по трудодням. Растут также доходы самих колхозов. Сумма денежных доходов колхозов должна в этом году подняться с 9,4 миллиарда рублей прошлого года до 11,9 миллиарда рублей. Такой рост денежных доходов будет иметь особенно большое значение ввиду указанного укрепления советского рубля.

Быстро идет ликвидация бескоровности у колхозников. Целые области уже ликвидировали эту бескоровность, обеспечив колхозников коровой или по крайней мере телкой.

Показателем роста благосостояния является также предоставление отпусков беременным колхозницам, согласно новому колхозному уставу, который и в этой части должен быть полностью проведен в этом году.

Улучшение материального положения рабочих и колхозников должно теперь пойти быстрее, чем раньше. Осуществление этой задачи, однако, не совместимо со срывом финансовой и бюджетной дисциплины в наших предприятиях и учреждениях, что имело место в виде значительных перерасходов по фондам заработной платы в прошлом году. Проведение политики подъема общего благосостояния не мирится также с расхлябанностью в выполнении государственных планов по заготовкам сельскохозяйственных продуктов, что имело место в прошлом году в некоторых областях, например, по льну, конопле и подсолнуху.

У нас полным ходом идет подъем промышленности и сельского хозяйства, а с прошлого года и транспорта. Следовательно, мы имеем все предпосылки для дальнейшего подъема общего благосостояния населения в стране. Теперь дело упирается в развитие торговли.

На XVII съезде партии товарищ Сталин говорил:

«Задача развертывания товарооборота и решительного улучшения транспорта является той очередной и актуальнейшей задачей, без разрешения которой мы не можем двигаться вперед».

Товарищ Сталин разъяснял:

«Если развитие нашей экономики упирается в развитие товарооборота, в развитие советской торговли, то развитие советской торговли в свою очередь упирается в развитие нашего транспорта как железнодорожного и водного, так и автомобильного».

Теперь мы можем сказать, что часть поставленной партией два года тому назад задачи, а именно часть, касающаяся транспорта, успешно в общем решена. Этого еще нельзя сказать в отношении товарооборота.

Поэтому в центре хозяйственных задач 1936 года должна стоять задача развития советской торговли, от которого теперь многое зависит.

Для развития советской торговли в этом году создаются исключительно благоприятные условия. Товарная масса и рыночные фонды возрастают в огромной степени. Доходы населения увеличиваются, как никогда. Денежное хозяйство у нас находится в периоде широкого развития. Советский рубль крепнет.

Теперь дело в организации торговли, в ее культурности, в ее кадрах. Карточная система отучила торговый аппарат от некоторых элементарных обязанностей, которые прививаются теперь довольно туго. Промышленность за время острого дефицита в промтоварах во многих случаях отвыкла считаться с требованиями и вкусами потребителей. Коммунисты, которые несут ответственность и за эту отрасль социалистического хозяйства, относились зачастую барски-пренебрежительно или по-мещански близоруко к делу торговли.

Теперь с таким положением мириться нельзя. А самое главное, что с такими порядками уже не хочет мириться как городской, так и деревенский потребитель.

«Потребитель» в нашей стране стал жить лучше и веселее, а хочет он жить еще лучше и еще веселее. На этом основании он предъявляет к нам новые, вполне законные требования, между прочим, и по улучшению торговли.

После отмены карточек, а также в связи с развитием колхозной торговли, торговля продовольственными товарами заметно улучшилась. Сильно отстает торговля промтоварами.

В этом году производство промтоваров расширяется очень значительно. Надо только добиться решительного улучшения качества промтоваров, должного ассортимента, а также лучшей упаковки и т. п. О большом спросе рабочих на культтовары: радио, патефоны, музыкальные инструменты, мебель, спортивные вещи часто напоминали нам недавно товарищи стахановцы. Наши колхозники своим спросом на, так называемые, городские товары часто напоминают о том, что они уже не прежние крестьяне. Теперь в деревне велик спрос на железные кровати, стенные часы, вязаное белье, шелковые платья, пальто с меховым воротником, свитеры, велосипеды, а также растет спрос на чертежные линейки, циркули, готовальни, фотоаппараты и т. п.

Надо, чтобы эти новые запросы получили широкое удовлетворение уже в ближайшее время.

Но дело не только в подъеме благосостояния, а и в росте культурно-технического уровня рабочего класса и культурности всей массы населения страны.

Товарищ Сталин в речи о стахановцах говорил, что стахановское движение «содержит в себе первые начатки, правда, еще слабые, но все же начатки такого именно культурно-технического подъема рабочего класса нашей страны». Надо признать, что, если бы не было этого культурно-технического подъема рабочего класса в нашей стране, стахановское движение не могло бы одновременно и быстро развертываться и в Донбассе, и в Москве, и в Вичуге, и в Ленинграде, и на Украине, и в Сибири. Из этого следует, что каждый успех нашей борьбы за дальнейший подъем культурно-технического уровня рабочего класса и за повышение культурности всей массы трудящихся будет давать нам новые тысячи и тысячи стахановцев и демченковцев, бусыгинцев и виноградовцев, кривоносовцев и проницев, а от роста этих кадров и зависят теперь настоящие успехи в подъеме народного хозяйства.

В подготовке новых кадров промышленности и транспорта большую роль сыграли введенные 3 года тому назад экзамены по техническому минимуму для рабочих. Теперь эта задача выросла в большое дело. Наша партия требует «сделать обучение техническому минимуму всеобщим и обязательным для всех рабочих и работниц, подчинив это важнейшее дело задаче подъема культурно-

технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда». (Декабрьский пленум ЦК ВКП(б)).

Товарищ Сталин разъяснил значение задачи культурно-технического подъема рабочего класса, как задачи, от решения которой зависит переход от социализма к коммунизму. Таким образом, раскрыта великая перспектива дела подъема культурно-технического уровня рабочего класса.

Эта задача становится все более актуальной и для колхозного крестьянства.

Наше сельское хозяйство перестраивается на базе современной техники. Там растут многочисленные кадры новых людей — знатоков новой техники. Эти люди стоят уже близко к передовикам рабочего класса. Число их растет с каждым днем. Возможность такого быстрого роста объясняется тем, что растет и общий культурный уровень колхозной массы.

Наша партия уделяла исключительное внимание вопросам культуры в прошлом году.

По инициативе товарища Сталина вопросы школы ставились особенно часто за это время. Тут и вопрос о школьном строительстве в городах, тут и вопрос о переработке учебников для начальных и средних школ, и вопрос о тетрадях, и о школьных принадлежностях и другие. В этом году в еще большей мере расширяется школьное строительство, и всем вопросам улучшения школы должно быть уделено еще большее внимание.

Специальным декретом правительство недавно сняло всякие ограничения, связанные с социальным прошлым, для поступающих в высшие школы и техникумы. Теперь нет нужды в этих ограничениях, но зато должны повыситься наши требования в отношении действительных знаний и качественного уровня учебы.

С другой стороны, все делается для того, чтобы ускорить темпы культурной работы в отсталых районах и, прежде всего, в тех республиках и национальных областях, которые вплоть до революции обрекались царской властью на отсталость.

Правительство уделяет теперь большое внимание организации научной работы, деятельности Академии Наук и других научных учреждений. Правительство приняло также решение о создании Комитета Искусств при Союзном Совнарком, считаясь с ростом культурных потребностей трудящихся и с необходимостью придать делу развития искусств должный государственный размах.

Все это отвечает интересам подъема культурно-технического уровня рабочего класса и подъема культурности всего населения страны.

Нам нужны и другие меры по поднятию культурного уровня народных масс. Сюда, в особенности, относятся меры в области здравоохранения, жилищного дела, организации городского хозяйства и т. п. Нельзя, в самом деле, мириться с таким положением, что наши органы здравоохранения совсем не интересуются внедрением простейших лекарств не только в городе, но и в деревне. Сейчас в этой области нет элементарного порядка, а между тем нужно обеспечить даже глухие деревни простейшими лекарствами, производство которых у нас может быть поставлено в неограниченном количестве, путем их активного внедрения в деревню и, если хотите, путем хорошей советской рекламы, — и этим будет сделано хорошее, культурное дело.

У нас недавно еще безобразно строились жилища для рабочих. Теперь мы накопили достаточно опыта, чтобы строить хорошо и

создавать действительно культурные условия жизни для семей рабочих. У нас уже довольно развито автомобильное сообщение в городах, но недостаточна забота, например, в отношении развития такси, что имело бы свое значение для городского населения.

Конечно, благосостояние и культурный уровень населения нашей страны растут быстрее, чем в любой другой стране. Достаточно указать на простой факт высокой рождаемости и большого сокращения смертности, чего нет в других странах, и что не могло бы иметь места без роста благосостояния и без подъема культурного уровня населения.

Но в наших руках имеются теперь такие могучие средства подъема культурно-технического уровня рабочего класса и культуры всего населения, что надо только по-настоящему захотеть ими пользоваться, и мы пойдем вперед еще быстрее.

Мы успешно осуществляем задачу ликвидации классов и неуклонно идем по пути преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей, но мы должны помнить то, что говорил Ленин о полном уничтожении классов.

Ленин говорил:

«Для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить и их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда». (Т. XXIV, стр. 337.)

Ленин указывал, что это дело трудное и долгое. Нам особенно понятны теперь эти указания Ленина. Но нам должно быть понятно и то, что решение указанных Лениным задач зависит, прежде всего, от нашего умения организовать подъем культурно-технического уровня рабочего класса и подъем культуры колхозной деревни.

В этом году, в связи с большим ростом народного хозяйства и общим подъемом благосостояния в стране, мы можем и должны сделать настоящий большевистский шаг вперед в решении этих важнейших задач. (А п л о д и с м е н т ы.)

Все это означает, что и задачи руководства стали иными.

Стахановское движение обнаружило ряд слабых мест в нашем хозяйственном и, особенно, в техническом руководстве. Для некоторых хозяйственников и, особенно, для некоторых инженеров, стахановцы оказались полной неожиданностью. Они еще равнялись на старые, отжившие нормы, а передовые рабочие уже стали на новый путь.

Вместо того, чтобы подхватить и взять в свои руки руководство стахановским движением, некоторые товарищи руководители оказались даже в плачевном положении живого тормоза. Куда уж дальше идти!

Конечно, это не значит, что наше хозяйственное руководство стало хуже или ослабло. Дело не в этом. Фактами снова и снова доказано, что иногда даже хозяйственник с хорошим именем и инженер с большой практикой отстают от передовых элементов рабочего класса. Это происходит, между прочим, потому, что приспособление организации хозяйственного управления к производственной жизни не всегда происходит своевременно.

Из этого мы должны сделать практические выводы.

Главный вывод заключается, по-моему, в том, что наши промышленные и транспортные наркоматы, а также наркомат совхозного строительства должны на деле превратиться в п р о и з в о д с т в е н н о.

технические штабы по руководству своими предприятиями. Для этого требуется более непосредственная связь с заводами и фабриками. Этому, с другой стороны, нередко мешают промежуточные звенья хозяйственного аппарата, например, некоторые тресты, потерявшие уже положительное значение.

Вот почему партия и правительство признали целесообразным ликвидировать трестовскую систему в Наркомсовхозов и связать наркомат через его территориально-производственные управления непосредственно с совхозами. Поэтому же СНК принял решение о ликвидации трестов в бумажной и спичечной промышленности. Этим, очевидно, объясняется также, что в Наркомтяжпроме увеличивается количество предприятий, непосредственно подчиненных наркому и главным управлениям.

Стать на деле производственно-техническим штабом по управлению той или иной отраслью промышленности или транспорта — это значит взять на себя настоящую ответственность за технику и экономику предприятия и доказать на деле свое умение руководить по производственно-технической линии. К этому наши хозяйственные наркоматы теперь гораздо больше подготовлены, чем 2—3 года тому назад. Такое развитие хозяйственного управления идет по линии соответствующих решений XVII съезда партии.

В связи с задачами общего подъема благосостояния, и особенно в связи с задачами подъема культурности населения, большое значение имеет вопрос об улучшении работы советов в городе и деревне.

Было период, когда некоторые функции, как, например, снабжение рабочих, жилищное дело, культурное строительство в значительной мере находились в непосредственном ведении хозорганов. Это вытекало из положения дел. Теперь, когда задачи хозяйственного руководства усложнились, а людей с хозяйственным опытом стало у нас больше и потребности рабочих выросли, — нужно внести некоторые изменения в это положение. Во всяком случае, указанные функции во все большей части должны переходить от хозорганов к советам и их органам.

Между тем, у нас имеются городские советы, руководство которыми, включая и состав их работников, является из рук вон слабым. В результате мы имеем такие факты, как в Харьковском горсовете.

Наконец, о советах в деревне. К сожалению, до сих пор имеется немало районов, в которых работа с сельсоветами совершенно запущена. Нельзя же сводить работу сельсоветов к выполнению отдельных государственных заданий по налогам и т. п. Да и сами районные центры требуют, по крайней мере, того, чтобы они были обеспечены элементарными культурными условиями: центральными и местными газетами, хорошей библиотекой, налаженными радио- и кино-установками, электричеством. Тогда будут лучше закрепляться руководящие кадры в районах.

Задачи 1936 года предъявляют серьезные требования к рабочему классу, к колхозному крестьянству и к руководящим кадрам. Эти задачи гигантского масштаба, но они по плечу нашей стране.

Новый подъем народного хозяйства, общий подъем благосостояния и дальнейший подъем культурности нашей страны мы полностью можем обеспечить, последовательно проводя политику ликвидации классов и остатков капитализма в экономике и сознании людей, политику завершения технической реконструкции и всемерной под-

держки новых людей рабочего класса, получивших славное имя стахановцев.

Проходившие в последнее время в Москве совещания с работниками промышленности, транспорта и сельского хозяйства во многом послужат делу трудовой мобилизации строителей социализма для полного выполнения народнохозяйственного плана. Мы должны поставить перед собой задачу не только выполнить, но и перевыполнить этот план. (А п л о д и с м е н т ы.)

III. Международное положение, нарастание угрозы войны и наша политика

Перехожу к вопросам международной политики.

Взаимоотношения Советского Союза с другими странами развивались в истекшем году в общем нормально. В подавляющем большинстве случаев наши взаимоотношения с иностранными государствами развивались в хорошем для дела мира направлении. Во всяком случае все, что зависело от Советского правительства, было сделано для укрепления дела всеобщего мира и, прежде всего, для укрепления мира в Европе и в Азии. (А п л о д и с м е н т ы.)

Сейчас нет необходимости подробно говорить о взаимоотношениях СССР с отдельными странами. По сравнению с периодом VII Съезда Советов здесь не произошло каких-либо существенных изменений, а на отдельных важных моментах мне еще придется остановиться в дальнейшем.

В качестве примера, характеризующего смысл внешней политики Советского Союза, можно указать хотя бы на наши взаимоотношения с непосредственными соседями, с пограничными государствами.

На протяжении всех наших громадных сухопутных границ на Западе, на Юге и на Востоке, составляющих в общей сложности около 20 тыс. километров, расположено достаточно больших, средних и малых государств, и не всегда таких дружественных к СССР, как, скажем, Турция. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.) Ни одно из этих государств за все это время не имело оснований испытывать какое-либо беспокойство с нашей стороны. Напротив, даже самые малые государства, в том числе и те, политика которых нередко вихляет под нажимом антисоветских сил более крупных империалистических держав, не имели и не имеют повода выражать беспокойство в отношении Советского Союза. Придется, впрочем, особо остановиться на наших взаимоотношениях по линии дальневосточных границ, где в связи с оккупацией Манчжурии Японией создалось, как известно, особое положение.

С точки зрения обеспечения мира в Европе Советское правительство, а также правительства Франции, Чехословакии и некоторых других государств придавали особое значение заключению так называемого Восточноевропейского пакта о взаимопомощи, который по проекту Франции должны были подписать, кроме СССР, Франции и Чехословакии, также Германия, Польша, Латвия, Эстония и Литва. Однако, ввиду противодействия Германии, а вслед за нею и Польши, Восточноевропейский пакт о взаимопомощи не имел успеха.

Это не помешало тому, что в мае месяце прошлого года был подписан советско-французский договор о взаимной помощи. Во время приезда в Москву господина Лавалля, теперешнего премьер-министра

Франции, было снова подтверждено совместное желание СССР и Франции содействовать осуществлению регионального Восточно-европейского пакта в составе ранее намечавшихся государств и содержащего обязательства ненападения, консультации и неоказания помощи агрессору.

Вслед за этим был подписан договор о взаимной помощи между СССР и Чехословакией. При этом представители Советского Союза и Чехословакии заявили, что считают как договор СССР с Францией, так и договор СССР с Чехословакией лишь частичной реализацией задачи обеспечения мира в Восточной Европе.

В известном сообщении о беседах, происходивших в Москве с господином Бенешем, теперешним президентом Чехословакии, было указано, что представители обеих стран в настоящее время придают исключительное значение «действительному осуществлению всеобъемлющей коллективной организации безопасности на основе неделимости мира». На почве этой политики стояло и стоит правительство Советского Союза.

Отмечу еще визит в Москву господина Идэна, теперешнего министра иностранных дел Великобритании. Значение этого визита видно уже из того, что беседы представителей СССР с Идэном позволили установить, что «в настоящее время нет никакого противоречия интересов между обоими правительствами ни в одном из основных вопросов международной политики». Следовательно, налицо имеются благоприятные предпосылки для дальнейшего развития англо-советских отношений.

Отношения Советского Союза с Соединенными Штатами Америки развивались в общем нормально, главным образом, в торгово-экономической области. Наряду с этим нельзя пройти мимо повторяющихся попыток искусственно раздувать антисоветские кампании в некоторой части американской печати, что делается определенными реакционными и склонными к фашизму кругами с целью подрыва политики сближения между СССР и США, которое имеет огромное значение с точки зрения сохранения всеобщего мира.

В истекшем году установлены дипломатические отношения СССР с Бельгией, Люксембургом и Колумбией.

С другой стороны, правительство Уругвая под давлением бразильских и, говорят, также кое-каких европейских, реакционеров превратило дипломатические отношения с Советским Союзом.

Если поверить господам уругвайцам, то можно подумать, что Советскому правительству нечем больше заниматься, как внутренними делами Бразилии и Уругвая (смех, аплодисменты), в которых господа бразильские и уругвайские правители, видимо, неважно разбираются, если валят свои беды на других. Если вы читали новогодний фельетон Демьяна Бедного «Политический Гаврик», в котором дано достаточное разъяснение уругвайского инцидента (общий смех, аплодисменты) и связь его с вопросом об уругвайском сыре и пр., то на господах уругвайцах больше можно не останавливаться. (Смех. Аплодисменты.)

Однако, Советское правительство не может проходить мимо таких актов, хотя бы и со стороны Уругвая, которые являются не только совершенно не обоснованными в отношении нашего государства, но и являются прямым нарушением пакта Лиги Наций, в которую входит как СССР, так и Уругвай. Поэтому Наркоминдел обратился в Лигу Наций с жалобой на действия уругвайского правительства (смех), выразившиеся в разрыве дипломатических отношений с

СССР без предварительной передачи спора на разрешение арбитражного суда или Совета Лиги, как это требуется уставом Лиги Наций. (А п л о д и с м е н т ы.)

Перехожу к взаимоотношениям с Германией и Японией, которые привлекают к себе, по понятным причинам, особое внимание трудящихся нашей страны.

Начну с Германии.

Скажу прямо, Советское правительство желало бы установления более хороших отношений с Германией, чем те, которые существуют теперь. Нам это кажется бесспорно целесообразным с точки зрения интересов народов и СССР и Германии. Но осуществление этой политики зависит не только от нас, но также и от правительства Германии.

А в чем заключается внешняя политика теперешнего германского правительства? Об основном направлении этой внешней политики я говорил на VII съезде Советов, когда цитировал программную книгу господина Гитлера «Моя борьба», распространяемую в Германии в миллионах экземпляров. В этой книге господин Гитлер прямо указывает на необходимость перехода «к политике территориальных завоеваний». При этом господин Гитлер без стеснения заявляет: «Когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства».

С тех пор, как были прочитаны эти заявления г. Гитлера с трибуны съезда советов, германское правительство не сделало никакой попытки к отказу от этих планов захвата в отношении Советского Союза и, наоборот, своим молчанием полностью подтвердило, что указанные заявления г. Гитлера остаются в силе. Для нас это не было неожиданностью. Зарвавшиеся в своих планах господа национал-социалисты ведут подготовку, как всем известно, именно в этом захватническом направлении, хотя и не в одном этом направлении.

Эта преступная пропаганда захватов чужих территорий имеет уже и новых последователей за пределами Германии. Находятся уже всякие подголоски германского капитала и в соседней Польше, вроде пана Студницкого и безголовых панов из краковской газеты «Час», которые настолько распоясались, что открыто болтают в печати о захвате некоторых территорий СССР, что в пьяном бреду снилось разным чудакам уже не раз. (С м е х . А п л о д и с м е н т ы.) Подобные же бредни не чужды некоторым элементам соседней с нами Финляндии, все больше ориентирующейся на наиболее агрессивные империалистические государства.

Всем известно, что германский фашизм не ограничивается только простой выработкой захватнических планов и готовится действовать в ближайшее время. У всех на глазах германские фашисты превратили попавшую сейчас в их распоряжение страну в военный лагерь, который благодаря своему расположению в самом центре Европы и является угрозой отнюдь не только для Советского Союза. Если даже не говорить о других странах, то кому не известно, что, например, над Чехословакией, никому из своих соседей не угрожающей и занятой мирным трудом, что над ней уже нависла черная туча германского фашизма, обтыканного солдатскими штыками и жерлами пушек, оснащенного всеми возможными и вчера еще невозможными отравляющими и поражающими людей химическими припасами, быстроходной и для неожиданности нападения бесшумной

военной авиацией, снаряженного всем тем, что превращает теперешнюю войну в массовое убийство не только солдат на фронте, но и простых мирных граждан, женщин и детей.

Все это представляет растущую опасность для мира не только в Европе.

Насколько противоречиво положение в современной Германии, видно из следующего.

Наряду с беспардонной антисоветской внешней политикой определенных правящих германских кругов, по инициативе германского правительства Советскому Союзу был предложен и 9 апреля 1935 г. подписан договор между Германией и СССР о кредите в 200 млн. марок на пятилетний срок. Этот кредит в общем успешно нами реализуется, как и пятилетний кредит в 250 миллионов крон, предоставленный нам в прошлом году Чехословакией. В последние месяцы представители германского правительства ставили перед нами вопрос о новом более крупном кредите — уже на 10 лет. Хотя мы не гоняемся за иностранными кредитами и в отличие от прошлого времени в значительной мере уже перешли за границу на покупки за наличный расчет, а не в кредит, мы не отказывались и не отказываемся обсудить и это деловое предложение германского правительства.

Развитие торгово-экономических отношений с другими государствами, независимо от временного господства в них той или другой политической силы, отвечает политике Советской власти. Мы думаем, что это отвечает и интересам германского народа, а сделать практические выводы из этого, разумеется, — дело правительства Германии.

Наконец, о взаимоотношениях с Японией.

Свое миролюбие и уступчивость Советский Союз демонстрировал заключением соглашения о продаже Китайско-Восточной железной дороги в Манчжурии. Соглашение о продаже К.-В. ж. д. подписано в марте прошлого года. Дорога передана японо-манчжурским властям. Выплата Советскому Союзу полагающихся за К.-В. ж. д. сумм и покупка на них в Японии и Манчжурии товаров идет нормально. По всем другим практическим вопросам Советский Союз также находил до сих пор пути к соглашению с Японией.

Однако, остается нерешенным главный вопрос во взаимоотношениях СССР с Японией. От сделанного нами три года тому назад предложения о заключении советско-японского договора о ненападении Япония до сих пор уклоняется. Такое поведение нельзя не считать подозрительным.

С другой стороны, попытки новых и новых нарушений наших границ со стороны японо-манчжурских военных отрядов не прекращаются и не сокращаются. Укажу хотя бы на инцидент, имевший место 12 октября в районе Ново-Алексеевки, когда на советскую территорию на расстоянии свыше 1—2 километров от линии границы перешло около 50 японо-манчжурских солдат, открывших ружейный и пулеметный огонь по нашим пограничным нарядам. В результате перестрелки с нашей стороны был убит пограничник, командир отделения, Котельников и ранено двое других пограничников. Получив энергичный отпор и понеся соответствующие потери, нарушители границы вернулись на манчжурскую территорию, но провокационный характер таких инцидентов понятен и без дальнейших пояснений.

Вот еще один пример поведения представителей японского правительства, причем это поведение тоже не укладывается в рамки нормальных отношений.

Прошло уже почти полгода, как наш посол в Японии т. Юренев передал проект соглашения о советско-японо-манчжурских пограничных комитетах, которые могли бы рассматривать и ликвидировать пограничные инциденты. Но до сих пор на наш проект японское правительство не дало своего ответа.

Говорят, что определенным кругам японской военщины нужны пограничные инциденты на советской границе для того, чтобы отвлекать чье-то внимание от ее хозяйничания в Манчжурии и от тех экспансионистских действий, которые проводятся ею в Северном Китае и вообще на территории Китайской республики. Будто бы также эти и подобные им пограничные инциденты нужны кое-кому в Японии для того, чтобы продемонстрировать перед внешним миром «твердость» и «силу» японской политики. Ясно одно, что игра с огнем вдоль наших дальневосточных границ не прекращается и что японская военщина подбирается к нашим границам как непосредственно, так и через другие территории.

За последнее время появились сообщения о заключенном между Японией и Германией военном соглашении и о связи с этим делом Польши. Ничего неожиданного для нас в этом нет. Недаром как Япония, так и Германия вышли заблаговременно из Лиги Наций, чтобы развязать себе руки, и по понятным причинам во всем мире считаются наиболее агрессивными по своей внешней политике державами.

Фашистские правители Германии пытаются иногда отвести глаза наивных людей от своих захватнических планов в отношении Советского Союза тем, что ссылаются на отсутствие общих границ между Германией и СССР. Но мы знаем, с другой стороны, что Германия, поощряемая некоторыми иностранными державами, лихорадочно готовится занять господствующее положение в Балтийском море и вошла в особые отношения с Польшей, имеющей достаточно большие границы с Советским Союзом.

Поэтому как в отношении восточных, так и в отношении западных границ мы должны поставить на должную высоту дело обороны. (А п л о д и с м е н т ы.)

За последние годы сделано в этом отношении не мало. Но там, где дело касается защиты мирного труда рабочих и колхозников нашей страны от нападения извне, там, где идет речь об обороне наших завоеваний и великого социалистического строительства, мы на достигнутых результатах по обороне не можем успокоиться. (А п л о д и с м е н т ы.)

Мы должны безотказно найти все необходимые для этого материальные средства, и поэтому нам необходимо в этом году значительно увеличить ту часть государственного бюджета, которая связана с обороной страны. (А п л о д и с м е н т ы. Товарищ Сталин подходит ближе к столу президиума, его встречают долго несмолкающими аплодисментами. Все встают. Раздаются крики «ура».) Мы вырастили крепкую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (а п л о д и с м е н т ы) и должны теперь еще упорнее работать над тем, чтобы вся наша армия состояла из преданных и знающих до конца свое дело бойцов — летчиков, артиллеристов, химиков, танкистов, стрелков и бойцов всех других необходимых видов оружия. (А п л о д и с м е н т ы.) Мы ввели лич-

ные звания для начальствующего состава Красной Армии, чтобы еще больше укрепить и поднять значение руководящих кадров нашей армии. (А плодисменты.) Только такая Красная Армия будет с честью служить делу мира, делу обороны границ Советского Союза, делу социализма. (А плодисменты.)

Нам нужно укреплять и дальше нашу Красную Армию и, вместе с тем, использовать всякую возможность для поддержания мира и для разъяснения трудящимся всех стран нашей особой принципиальной линии в международной мирной политике.

Наше вхождение в Лигу Наций отнюдь не означает, что отныне не существует коренного принципиального отличия советской международной политики от политики капиталистических держав. На примере итало-абиссинской войны мы уже видим обратное.

Итало-абиссинская война — типичная империалистическая война за колонии. Итальянский фашизм открыто защищает политику захвата Абиссинии и превращения ее в итальянскую колонию. Считаю себя державой, обиженной по части колониальной добычи, которую делили между собой главные империалистические государства после окончания мировой войны, Италия начала новую войну, чтобы силой оружия расширить свои колониальные владения за счет Абиссинии. Фашистская Италия выступает в данном случае в качестве застрельщика нового частичного передела мира, что чревато большими событиями и многими неожиданностями для господствующих капиталистических классов в Европе. Фашистское правительство требует при этом от других империалистов и от Лиги Наций в целом поддержки ее колониального наступления.

На отношении держав к итало-абиссинской войне демонстрируется действительная их политика. В первую очередь, здесь надо иметь в виду крупные, решающие державы.

С поверхностной точки зрения может показаться, что между этими державами существуют разногласия принципиального значения в отношении к политике колониального захвата. На самом деле это, конечно, не так. Различие в позиции отдельных капиталистических государств, участвующих в Лиге Наций, сводится отнюдь не к принципиальной разнице в отношении колониальных захватов. Это различие объясняется, прежде всего, разной заинтересованностью отдельных крупных держав в степени усиления империалистического могущества Италии. Это можно сказать также и в отношении держав, не входящих в Лигу Наций. Среди капиталистических держав нет таких держав, которые ставили бы независимость той или другой слабой страны выше интересов своего корыстного участия в дележе колоний.

Только Советский Союз занял в итало-абиссинской войне особую принципиальную позицию, чуждую всякому империализму, чуждую всякой политике колониальных захватов. Только Советский Союз заявил о том, что он исходит из принципа равноправия и независимости Абиссинии, являющейся к тому же членом Лиги Наций, и что он не может поддержать никаких действий Лиги Наций или отдельных капиталистических государств, направленных к нарушению этой независимости и равноправия. Эта политика Советского Союза, принципиально отделяющая его от других членов Лиги Наций, имеет исключительное международное значение и еще принесет свои большие плоды.

Советский союз продемонстрировал в Лиге Наций свою верность этому принципу, принципу государственной независимости и нацио-

нального равноправия всех государств, на примере одной из малых стран — Абиссинии. Советский Союз использовал также свое участие в Лиге Наций для того, чтобы на практике проводить свою линию в отношении империалистического агрессора.

Первый же год участия Советского Союза в Лиге Наций полностью подтвердил правильность нашего решения о вступлении в Лигу. При всех недостатках, которые присущи Лиге Наций, как организации капиталистических государств, Лига в известной мере выполняла сдерживающую роль в отношении поджигателей войны, в отношении агрессора. Можно и должно критиковать Лигу Наций за то, что она не принимала достаточных мер, например, в связи с итало-абиссинской войной, в отношении которой Лига должна была в конце концов сказать свое мнение об агрессоре. Следует также признать, что Лига ничего не сделала для предупреждения этой войны. Однако, нельзя не видеть того факта, что в данном случае Лига Наций стесняла не тех, кто служил делу мира, а тех, кто хотел помогать агрессору. В этом свете надо рассматривать участие СССР в решениях Лиги по вопросу об итало-абиссинской войне и, в частности, в проведении экономических санкций в отношении Италии, которая была признана Лигой агрессором.

Итало-абиссинская война показывает, что угроза мировой войны все больше нарастает, все больше захватывает Европу.

Эта война только еще началась, и сейчас невозможно предвидеть, когда и чем она кончится. Кому, однако, не видно, что итальянский фашизм поставил большую ставку в этой игре.

Тот факт, что не задачи внутреннего хозяйственного и культурного подъема, а рискованную войну за новые колонии господствующие силы Италии рассматривают как главный путь к своему дальнейшему усилению, говорит сам за себя. Даже теперь, когда капиталистические страны в большей или меньшей мере, — весьма, впрочем, неравномерно, — выходят из экономического кризиса последних лет, — даже теперь они уже сами не верят в возможность значительного своего роста на основе развития своих внутренних сил. Только в этой связи можно понять развязку новых империалистических войн за колонии. В этом же и глубокая основа итало-абиссинской войны.

Такие страны, как Япония и Германия, а теперь и Италия, уже вышли или готовы завтра выйти на авансцену новой схватки между империалистическими державами всего мира. Нет такого капиталистического государства, которое не было бы затронуто в той или иной мере активностью внешней политики указанных трех держав. В этой международной обстановке особенно велика ответственность Советского Союза.

Тот, кто ввязывается в новую империалистическую войну, может успеть сломать себе шею и до осуществления своих захватнических планов. (А п л о д и с м е н т ы.) Не исключено такое положение, что расчеты империалистических клик на пассивность народных масс могут провалиться в самый неожиданный момент, как это уже бывало раньше. (А п л о д и с м е н т ы.) Нам, большевикам, нетрудно понять такого рода стремления народных масс. Мы знаем также, что народным массам капиталистических стран чужды захватнические планы империалистов всех мастей, особенно же империалистов фашистского лагеря.

Но мы, трудящиеся Советского Союза, должны рассчитывать в защите своего дела на свои силы, а в обороне нашей родины — прежде всего на свою Красную Армию. (А п л о д и с м е н т ы.) Мы при-

мам все меры к тому, чтобы ещё и еще раз подорвать возможность внешнего нападения на нашу страну со стороны империалистов. А если все же нападут, мы не сомневаемся, что наша Красная Армия даст им должный отпор. (Аплодисменты.)

Рабочий класс России вместе с революционным крестьянством сбросил со своей шеи помещиков и капиталистов и помог национальному освобождению всех народов бывшей царской империи. Теперь трудящиеся Союза Советских Социалистических Республик в дружном труде строят новую жизнь, идут действительно к счастливой жизни.

И после этого все еще находятся господа империалисты, которые живут мечтой насильно оседлать свободные народы Советского Союза и посадить нам на шею иностранных помещиков и капиталистов. Мы скажем на это: господа хорошие, протрите глаза, вы опоздали родиться! (Бурные продолжительные аплодисменты.)

Мы пережили в свое время трудную пору иностранных военных интервенций, но тогда мы были слабы, голодны и еще по-настоящему не успели глотнуть чистого воздуха. Но и тогда империалистические планы разгрома нашего государства провалились с треском.

С тех пор дело в нашей стране круто изменилось.

Народное хозяйство уже не похоже на то, что было 10 — 15 лет тому назад. Проведена техническая реконструкция всех важных отраслей промышленности и уже выросли на этой новой базе новые люди, освоившие технику и по-стахановски быстродвигающие вперед производительность социалистического труда.

С тех пор до основ перестроилась самая отсталая часть нашей страны — деревня. Колхозы и ликвидация последнего капиталистического класса — кулачества — закрепили дело ликвидации классов в нашей стране. Вместе с уничтожением последних капиталистических классовых прослоек в деревне, которые, как мелкие паразиты, были особенно живучи, все доходы нашей страны идут целиком в руки трудящихся и их государства. Улучшилась жизнь, и теперь, как никогда, широко распахнулись двери к счастливой, культурной жизни для народов нашего Союза. Первыми плодами нашей победы мы уже пользуемся и видим, что впереди нас ожидает невиданный рост материального благосостояния и культуры всех народов Советского Союза.

И даже после этого не перевелись еще на свете такие господа, которые в слепой ненависти к новому миру строят планы захватов и расчленения Советского Союза. Ну, что им на это сказать? Мы, действительно, появились на свет без разрешения этих господ (смех, аплодисменты) и безусловно против их воли... (Смех. Аплодисменты.)

Значит, пришло время, когда старый мир должен уступить дорогу новому миру. (Бурная овация. Звонки председателя вызывают только новые взрывы бурных аплодисментов. Все встают.)

Голос с места: «Да здравствует маршал Советского Союза тов. Ворошилов!» Крики «ура» и продолжительные аплодисменты.

Голос с места: «Да здравствует товарищ Сталин!» Крики «ура», бурные продолжительные аплодисменты.)

Речь т. Сталина на I Всесоюзном совещании стахановцев и задачи работников науки

(Доклад на общемосковском собрании научных работников 2 декабря 1935 г.)

Товарищи, я буду исходить из предположения, что все присутствующие, во-первых, внимательно следили за работой I Всесоюзного совещания стахановцев промышленности и транспорта, и, во-вторых, не только прочитали, но уже основательно обдумали речь, произнесенную на этом совещании нашим руководителем, любимым вождем трудящихся всего мира, вдохновителем стахановского движения в нашей стране, великим гением пролетарской революции — т. Сталиным (бурные продолжительные аплодисменты).

Стахановское движение, по выражению т. Сталина, прорвало преграды, сдерживающие его, и разлилось широкой волной по нашей Советской стране.

Стахановское движение приковало к себе внимание всего мира, ибо оно (стахановское движение) имеет колоссальное историческое значение, показывающее воочию преимущества социалистической системы над капиталистической. Оно не может не интересоваться как наших друзей, так и наших врагов.

Вся Страна советов изо дня в день следила и следит за теми передовиками, революционерами в нашем социалистическом производстве, которые, сломав технические нормы, поставили рекорды производительности труда, превышающие достижения передовой техники, достижения имеющего многовековой опыт промышленного производства капиталистических стран.

Стахановское движение проникает во все уголки Советского союза, во все слои трудящихся города и села; оно затронуло и людей науки.

Но не только в нашем Советском союзе это движение вызывает заслуженный интерес. Вне пределов Советского союза тысячи и десятки тысяч людей интересуются этим историческим явлением. Там одни с радостью, другие с бешеной злобой встречают победы социалистического труда, мировые достижения наших скромных рабочих — Стаханова, Бусыгина, Виноградовых и сотен других.

Нужно сказать, что не все в нашей стране сразу поняли всю суть, весь смысл и все значение стахановского движения. Пожалуй, не будет большой ошибкой утверждать, что даже сегодня, после Всесоюзного совещания стахановцев промышленности и транспорта, значение стахановского движения еще крепко не вошло в сознание всех. Оно должно войти в сознание всех потому, что этому помогает историческая речь вождя народов Советского союза т. Сталина на совещании стахановцев.

Тов. Сталин замечательно просто и гениально глубоко осветил зна-

чение стахановского движения, корни этого движения, вскрыл роль новых людей и новой техники и поставил ближайшие задачи, вытекающие из стахановского движения.

Для нас — граждан Советской страны, не раз видевших проявление трудового героизма на всех фронтах борьбы за социализм, это новое проявление борьбы за высокую социалистическую производительность труда в нашей промышленности не должно являться чем-то неожиданным.

К сожалению, стахановское движение началось без должного руководства со стороны администрации наших предприятий. Однако трудящиеся Советской страны должны чувствовать глубочайшее удовлетворение от того, что созданы были предпосылки, обеспечивающие бурное развитие этого революционного движения. Не могло бы так быстро развиться это величайшее движение, если бы наша большевистская партия, если бы советская власть, если бы диктатура пролетариата не обеспечили тех материальных и технических предпосылок, которые создают условия для невиданных в мире достижений.

Это движение — результат упорной и настойчивой большевистской борьбы за перестройку нашей страны, за создание мощной передовой, социалистической индустрии. Это — результат борьбы за повышение культурного уровня миллионных трудящихся масс, это — результат борьбы за настоящее массовое использование достижений Великого Октября.

Речь т. Сталина на Всесоюзном совещании стахановцев показала не только трудящимся Советского союза, но и трудящимся всего мира, как нужно бороться за лучшее будущее человечества.

Речь т. Сталина осветила пути дальнейшей борьбы за социализм как партийных, так и беспартийных большевиков нашей великой родины; пути борьбы за социализм не только передовых стахановцев, но и всех трудящихся Советского союза, страны диктатуры пролетариата, страны, где руководство всеми процессами борьбы, всеми процессами строительства и развития общества, принадлежит партии Ленина — Сталина, партии коммунистов, партии, несущей в массы и претворяющей в жизнь учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина (а п л о д и с м е н т ы).

Только в нашей стране возможны проявления такого трудового героизма, преданности делу социализма и понимание задач, стоящих перед каждым трудящимся, ибо у нас господствует пролетариат, труд свободен, социализм победил в городе и на селе, обеспечено завершение строительства социалистического общества на одной шестой части земного шара.

Призыв т. Сталина о развитии стахановского движения найдет в массах трудящихся Советского союза такой же живой отклик, как его слова о кадрах, о технике и другие. Он вызовет новый подъем, новый прилив сил, энергии на всех участках работы. Он вызовет новые невиданные образцы проявления героизма, он даст новый подъем самодеятельности масс, проявления инициативы как отдельных трудящихся, так и целых коллективов.

Лозунги партии, выраженные в словах т. Сталина о кадрах и о том, что техника и люди, овладевшие техникой, решают на данном этапе все, вызвали небывалый подъем, небывалое проявление инициативы во всех уголках нашего Советского союза. Еще больший подъем, еще большее наступление на наши недостатки вызовет призыв вождя народа о необходимости расчистки дороги стахановско-

му движению, о необходимости возглавления стахановского движения, руководства им и всемерного развития его на всех участках работы.

Тов. Сталин в своей исторической речи подчеркнул, что «стахановское движение нельзя рассматривать, как обычное движение рабочих и работниц, стахановское движение — это такое движение рабочих и работниц, которое войдет в историю нашего социалистического строительства, как одна из самых славных ее страниц».

Действительно, это движение — «новый, высший этап социалистического соревнования» — показало, что стремление работать социалистическими методами, социалистическими темпами, стремление отдать делу социалистического строительства все свои знания, все свое умение, все свои способности, захватило передовых работников многих и многих отраслей производства.

Стаханов в Донбассе, Бусыгин в машиностроении, Виноградовы в текстильной промышленности, тысячи других стахановцев почти одновременно, как искры электрического тока, зажглись во всех концах нашей страны.

Первые рекорды производительности стахановцев через неделю, через две были перекрыты другими стахановцами, другими передовыми рабочими. Сегодня уже ставятся новые рекорды. Предела борьбы за высокие производственные нормы еще не видно.

Вчера только происходило совещание комбайнеров, в большинстве своем колхозников. Один из этих комбайнеров т. С. В. Полагутин дал на комбайн 1 005 гектаров уборочной площади за сезон. Какие конструкторы, какие научные институты, какие плановики могли представить себе такую производительность труда? А ведь этот комбайнер работает не так уже давно, притом — на новой машине, которая начала внедряться в массовом порядке в наши колхозы и совхозы лишь два—три года назад.

Стахановское движение будет одной из славных страниц борьбы за социализм. И т. Сталин, раскрывая смысл и значение стахановского движения, указывает нам, что «...значение состоит еще в том, что оно подготавливает условия для перехода от социализма к коммунизму».

Наша страна борется с отсталостью, борется за окончательное построение социалистического общества. В этой борьбе мы имеем уже значительные успехи. Мы перегнали в экономическом отношении не одну из считавшихся передовыми капиталистических стран. Но нам нужно нашу вековую отсталость, наследие царизма, полностью ликвидировать и обогнать все капиталистические страны в кратчайшие исторические сроки. Эта задача поставлена партией большевиков перед трудящимися Советского союза. Эту задачу взяли решить многомиллионные массы народов нашей Советской страны, и эта задача решается успешно.

Вторую пятилетку мы выполняем так же успешно, как и первую. На совещании рабочих-стахановцев не один голос слышался о том, что отдельные отрасли промышленности выполнят вторую пятилетку в четыре года. Залогом этого является бурный рост стахановского движения, рост культурного уровня трудящихся масс, залогом этого является и то, что партия большевиков, советская власть в состоянии овладеть стахановским движением, ввести его в организованное русло, направить его по пути, который обеспечивает правильное использование этого величайшего подъема, этой величайшей инициативы низовиков, рабочих производства, рабочих колхозных и совхозных полей.

Наши успехи бесспорны, и они видны на каждом шагу. На базе этих успехов мы можем и обязаны ставить новые задачи и, решая их, двигать вперед дело социализма, дело укрепления нашей страны, первой в мире страны диктатуры пролетариата, находящейся во враждебном капиталистическом окружении.

Партия Ленина—Сталина ведет массы от победы к победе. Партия Ленина—Сталина делает все для того, чтобы победное шествие стахановцев превратить в победное шествие всего многомиллионного трудящегося населения нашей великой Советской страны (а п л о д и с м е н т ы).

Тов. Сталин очень метко, в коротких определениях, выразил причины и источники такого бурного роста стахановского движения. Он сказал, что «основой стахановского движения послужило прежде всего коренное улучшение материального положения рабочих. Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». И тысячи стахановцев, присутствовавших на совещании, бурно приветствовали это меткое, глубоко правильное определение тех сдвигов, которые за последний год произошли в нашей стране и которые явились результатом проведения политики партии и всей той практической работы, которую партия вела среди массы трудящихся.

Тов. Сталин отметил и то, что «вторым источником стахановского движения является у нас отсутствие эксплуатации. Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения тунеядцев, а на себя, на свой класс, на свое советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса. Поэтому-то труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы».

В стране строящегося социализма, в стране диктатуры пролетариата свободный труд в союзе с наукой ведет наступление на пережитки старого строя, ведет наступление на вековую отсталость народов, населявших царскую Россию, крепит позиции социализма, уничтожает остатки старого капиталистического строя и готовит могилу капиталистическим врагам, организующим нападение на социалистическое отечество трудящихся всего мира.

Германский и мировой фашизм, взявшийся за спасение капиталистического строя, написал на своих знаменах призыв к борьбе против марксизма, против коммунизма, против большевиков. Для того, чтобы облегчить себе эту борьбу, он разгромил науку, он разгромил ученых, сжег прекрасные образцы литературы и искусства; он концентрирует внимание населения на одной задаче — вооружиться для борьбы за господство германской нации, для борьбы за господство капитализма.

Фашизм, который прикрывается названием «национал-социализма», ведет в мировом масштабе пропаганду и борьбу по организации всех враждебных сил против Советской страны. Но пусть знают враги социализма, враги трудящихся, враги свободного труда, что их отживающая гнилая система капитализма не может победить в борьбе с новыми революционными силами, выращаемыми на почве диктатуры пролетариата под руководством марксистов, большевиков, коммунистов.

В борьбе двух миров—победа за коммунизмом, за марксизмом. Стахановское движение, имеющее не только социалистическое содержание, но и подготовляющее условия для перехода от социализма к коммунизму, является ярким показателем того, что дело социализма находится в твердых, крепких руках, что социалистическая производительность труда обеспечит такую силу и мощь пролетарскому го-

сударству и его вооруженным частям, что всякий фашизм разобьет себе голову о твердые границы нашей великой социалистической родины (а п л о д и с м е н т ы).

Тов. Сталин говорил, что «третьим источником стахановского движения следует считать наличие у нас новой техники. Стахановское движение органически связано с новой техникой. Без новой техники, без новых заводов и фабрик, без нового оборудования стахановское движение не могло бы у нас зародиться».

У нас выросла техника в промышленности и в сельском хозяйстве, у нас выросла техника обороны страны. Технику мы не только приобрели в передовых капиталистических странах, мы научились создавать технику у себя и создаем ее такими темпами, что недалеко то время, когда заграничная техника будет плестись в хвосте нашей советской социалистической техники (а п л о д и с м е н т ы), созданной собственными руками наших пролетариев и наших советских ученых.

«Но, — говорит т. Сталин, — на одной лишь новой технике далеко не уедешь. Можно иметь первоклассную технику, первоклассные заводы и фабрики, но если нет людей, способных оседлать эту технику, техника так и останется у вас голой техникой. Чтобы новая техника могла дать свои результаты, надо иметь еще людей, кадры рабочих и работниц, способные стать во главе техники и двинуть ее вперед».

Такие люди у нас создаются. В создании этих людей величайшая роль принадлежит т. Сталину, указывавшему на всех этапах нашей борьбы, как нужно выращивать людей, как нужно воспитывать передовиков борьбы за социализм.

Действительно, вспомните предложение т. Сталина о подготовке кадров, о разделении единой системы образования на систему специальных институтов, переданных отдельным ведомствам и учреждениям. Казалось бы, это предложение носило узко организационный, технический характер. На самом деле в этом предложении было заложено глубочайшее предвидение необходимости создания кадров, способных овладеть передовой техникой. Тов. Сталин видел, что при бурном росте народного хозяйства нам нужны тысячи и тысячи людей, изучающих технику, изучающих науку. Он видел, что нужно спешить с подготовкой людей, и он крепко нажимал на всех, кто не понимал этого, кто сопротивлялся этим мероприятиям.

Мы имеем сейчас тысячи молодых советских ученых. Сегодня здесь присутствует только часть научных работников, созданных и воспитанных, а частью перевоспитанных новыми условиями, новыми задачами, новыми требованиями, предъявляемыми партией и Советской страной к нашим научным работникам. Я говорю, что здесь присутствует часть, и притом не особенно большая часть, научных работников, потому что даже Москва с ее насыщенностью научными учреждениями является только частицей в той густой сети научных учреждений, которая имеется в Стране советов на одной шестой части земного шара.

Советская власть создавала научные кадры, внедряла науку во всех районах нашего необъятного отечества. В угольном Донбассе, в нефтяном Баку, во второй угольно-металлургической базе на Урале и в Кузбассе, на Дальнем Востоке, в далекой Арктике — всюду и везде есть научные работники, ведется упорная научная работа, изучаются процессы производства, наша экономика, обогащаются отдельные участки теоретической науки.

Наука у нас получила все предпосылки, для того чтобы бурно развиваться и расцветать, чтобы в сочетании с трудом обогащать миллионные массы в борьбе за высокую производительность труда, за освоение новой техники, за решение новых сложнейших задач.

Наука и труд в СССР идут в общем нога в ногу, разрыва нет. Однако нужно прямо сказать, в порядке самокритики, в порядке вскрытия недостатков, что наука у нас, особенно в части прикладных дисциплин, частенько отстает от требований жизни. Как показало развитие стахановского движения, она не всегда идет в ногу с передовиками производства, которые открывают новые возможности, закрытые для некоторых наших научных учреждений. Эти недостатки стоят и будут стоять в центре нашей большевистской самокритики.

В то же время мы должны твердо подчеркнуть, что организационные недостатки в повседневной работе не могут опровергнуть того, что наша советская наука и в области теории и в области прикладных дисциплин на многих участках стоит на уровне высот, достигнутых мировыми учеными передовых капиталистических стран. Мы имеем крупнейших ученых, и старых и молодых. Мы имеем достижения в приложении науки на практике. Можно было бы назвать не одно открытие, которое стоит впереди достижений ученых передовых капиталистических стран. Взять хотя бы синтетический каучук, являющийся продуктом работы наших ученых, наших научных институтов.

В наших советских условиях наука может и должна играть крупнейшую роль в развитии стахановского движения, должна помочь стахановцам овладеть новыми высотами производительности труда, внедрить высокую производительность труда в каждое предприятие.

Людям науки Союза советских социалистических республик — по пути со стахановским движением, ибо мы заинтересованы в том, чтобы поднять на недосыгаемую высоту производительность труда рабочего, облегчить этот труд правильным применением и использованием машин, химических средств и т. п. Мы все заинтересованы в том, чтобы техника двигалась вперед и вперед, так как мы боремся за социалистическое общество, боремся за освобожденный труд, боремся за сокращение рабочего времени, за сокращение расхода энергии человека.

В капиталистических странах многие ученые не могут работать над техническими проблемами такого порядка, ибо там — огромная безработица, там капиталисты не заинтересованы в применении и распространении достижений техники в целом ряде производств. Они заинтересованы только в сохранении своей прибыли. Они часто заинтересованы в том, чтобы душить новую техническую мысль. Имеется немало примеров того, как в капиталистических странах душат технические новшества и как на этом общем фоне удушения инициативы и технической мысли поощряют только мысль, направленную на создание средств уничтожения людей, мысль, обогащающую капитализм орудиями борьбы против масс, против рабочего класса, против пролетарской революции.

Наша наука имеет перед собой другие задачи. Наши научные работники имеют все предпосылки, для того чтобы идти в ногу со стахановцами, взяться, засучивши рукава, за скорейшее приспособление научных достижений к нашей практике, к нашей повседневной борьбе.

А в этой части у нас есть что критиковать. Очень многие наши

институты работают медленно, поворачиваются туго, не вооружают соответственные отрасли производства тем, в чем есть особо острая нужда.

Можно привести немало примеров такой не совсем удовлетворительной работы. Взять хотя бы работу нашего Автотракторного института, разрабатывавшего почти три года конструкцию нового гусеничного трактора. Или взять наш Институт лесной промышленности, который очень часто не доводит до конца того, над чем работает.

Может быть встречаются какие-либо затруднения в распространении научных достижений? Это не так. Если научный работник понимает смысл, полезность и необходимость своей работы, он находит пути для того, чтобы свою работу претворить в жизнь немедленно, как только он приходит к соответствующим выводам.

Можно назвать также целый ряд институтов легкой промышленности, которые ушли с головой в неактуальные проблемы и просмотрели важнейшие участки работы. А некоторые рабочие, инженеры, изобретатели, которые нашли удачные решения задач, не встретили достаточного отклика, достаточной поддержки в том, чтобы эти решения распространить на производство.

Перед нами например стоял вопрос о том, как увеличить производственную мощность нашей льняной промышленности, потому что растущий колхозный строй обеспечивает все больший и больший приток сырья. Как будто бы это актуальная задача. Решение ее многие видели в раздувании плана капитального строительства. Вместе с тем годами маринвалось приспособление инженера Вершинина, которое на 50% (а Вершинин считает, что на 80%) увеличивает производительность льнопрядильной машины.

Такие факты, нужно прямо сказать, являются позором для нашей практики. У нас решаются величайшие проблемы, мы осваиваем такие вещи, как синтетический каучук, мы освоили производство сложнейших измерительных приборов, мы проделали в области машиностроения колоссальнейшую работу. И вместе с тем на этом общем фоне хорошей работы у нас еще много прорывов, много недостатков. Ликвидация этих недостатков вдвое, втрое, может быть в пять раз повысила бы эффективность работы наших научных институтов, в сотню раз повысила бы их роль и значение в деле подъема нашей социалистической промышленности до уровня, который оставит позади уровень производства капиталистических стран.

Нам нужно нашу вековую отсталость преодолеть в 10—20 лет. Мы имеем все условия, для того чтобы эту задачу решить успешно. Но над решением этой задачи должны работать не только рабочие-стахановцы, должны работать все наши научные учреждения и весь тот многотысячный коллектив нашей пролетарской технической интеллигенции, который уже вырос, который растет в повседневной борьбе и который систематически пополняется новыми молодыми силами из рабочего класса (а п л о д с м е н т ы).

Никита Изотов — известный орденоносный забойщик Донбасса — пошел пополнять свои знания в Промакадемию. Артюхов, давший рекордную добычу угля — свыше 300 тонн на отбойный молоток, — сейчас готовится дома с теми же учителями, которые готовили Изотова, чтобы тоже поступить учиться в Промакадемию или какой-нибудь другой вуз. Все стахановцы, которые выступали на совещании, говорили о жажде учебы. Это является залогом того, что в ряды научных работников будут вливаться новые силы из пролетариев,

прошедших школу производства, с их пролетарской настойчивостью, пролетарской напористостью, которой еще нехватает некоторым ученым.

Эта пролетарская большевистская напористость является обязательным условием осуществления передовых, необходимых пролетарскому государству, технических открытий, технических новшеств.

Тов. Сталин в своей речи подчеркнул, что «данные науки всегда проверялись практикой, опытом. Наука, порвавшая связи с практикой, с опытом, — какая же это наука? Если бы наука была такой, какой ее изображают некоторые наши консервативные товарищи, то она давно погибла бы для человечества. Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики».

Нашим научным работникам, нашей технической интеллигенции недостаточно рукоплескать стахановцам, передовым революционерам производства. Нужно помочь стахановцам вооружиться еще больше, помочь им использовать в борьбе за высокую производительность труда все достижения науки, все знания, какие есть у наших научных работников и в архивах наших научных учреждений.

Нам нужно поддерживать, развивать, расширять стахановское движение. Нам нужен метод Стаханова, метод вдумчивого, сознательного отношения к своей работе перенести в лаборатории, в институты, в научные учреждения.

К научным работникам, больше чем к кому бы то ни было, относится указание т. Сталина: «Вот почему я думаю, что наши инженерно-технические и хозяйственные работники, успевшие уже порядочно поотстать от стахановского движения, сделали бы хорошо, если бы они перестали цепляться за старые технические нормы и перестроились по-настоящему, по-научному, на новый, стахановский лад».

Эту задачу нужно решать, к ней нужно подойти организованно. Надо, чтобы каждый научный коллектив поставил перед собой конкретную задачу: чем можно вооружить рабочих энтузиастов для того, чтобы закрепить наши достижения, дать трудящимся возможность скорее освоить ту высокую производительность труда, какую освоили передовики, революционеры социалистического производства.

Каждый научный коллектив, каждый научный работник может и должен поставить перед собой задачу: чем я могу быть полезен в деле борьбы за перенос стахановских методов, перенос высокой социалистической производительности труда в многомиллионные массы трудящихся, чем я могу помочь в деле закрепления стахановского движения, подготовляющего условия для перехода от социализма к коммунизму.

Научные работники Советского союза могут и обязаны взяться за решение задач, посильных только для нашей великой славной страны. Партия Ленина—Сталина не ставит непосильных задач. Партия Ленина—Сталина ставила и ставит задачи, решение которых по силам организованному трудящимся. Задача расширения стахановского движения, задача превращения его в движение миллионов, задача вооружения стахановцев всем необходимым, как со стороны организации производства, так и со стороны вооружения дополнительной техникой, — эти задачи стоят как боевые, и эти задачи мы можем и должны решать.

Задачи, которые ставит партия, подхватил ленинский комсомол. Характерно, что среди стахановцев очень много нашей советской

молодежи, сверстников Октября, молодежи, воспитанной ленинским комсомолом, молодежи, воспитанной партией Ленина—Сталина, молодежи, выпестованной нашим великим учителем — гениальным Сталиным (а плодисменты).

Эту молодежь мы имеем не только на производстве, она есть и в наших научных институтах, она есть на всех участках нашего социалистического строительства. И задача, которая стоит перед институтами, должна быть поднята и той молодежью, которая в области науки может дерзать и осваивать новые проблемы так же смело, как дерзал Стаханов, как дерзали другие из молодежи, ломая технические нормы, ломая старые навыки, ломая все то, что стояло на пути их революционного движения.

Научные работники, и молодые, и старые, могут и должны сделать советскую науку мощнейшим орудием в руках миллионных масс, передовиков-стахановцев социалистической стройки.

Задачи, которые стоят перед нашими научными институтами, не могут быть сформулированы, охарактеризованы в одном докладе, универсально для всех наших научно-исследовательских организаций, но одна общая задача стоит перед вами: задуматься над производительностью вашего труда, задуматься над эффективностью работы ваших коллективов, ваших учреждений, над результатами и эффективностью затрачиваемого вами труда, затрачиваемых вами средств.

Вскрыв все недостатки своей работы, сметая на своем пути все препятствия, вы станете стахановцами научной работы, вы станете теми передовиками, революционерами борьбы за социализм, которыми хочет вас видеть великая партия и советская власть (а плодисменты). Для этого есть все данные. Со стороны партии и советской власти будет оказано такое же внимание стахановцам научной работы, какое оказано стахановцам-производственникам за высокую социалистическую производительность труда (а плодисменты).

Позвольте же пожелать вам успеха в этой организованной борьбе научных учреждений за развитие стахановского движения, за увеличение выпуска промышленной продукции, за богатую, счастливую жизнь в СССР. Позвольте также выразить надежду, что научные работники Москвы под руководством Московского комитета партии большевиков, под руководством партии Ленина—Сталина сумеют занять в деле развития стахановского движения передовые позиции, что московские научные работники смогут по-революционному откликнуться на призыв вождя народов Советского союза т. Сталина—помочь развернуться стахановскому движению, помочь этому великому историческому процессу и помочь тем самым скорейшему разрешению тех задач, которые стоят перед нашей страной.

Наш вождь, учитель т. Сталин всегда внимательно следит за работой, за успехами, за достижениями на научном фронте. Из всей жизни, из всей нашей многогранной работы он умеет взять то ценное, то здоровое, что заслуживает внимания и требует поддержки.

Я уверен, что если научные работники московских учреждений, наши ученые, инженеры, техники, конструкторы возьмутся серьезно, по-большевистски за работу, они выйдут победителями и помогут социалистической стройке, помогут развитию социалистического общества, помогут окончательной победе социализма над капитализмом (бурные аплодисменты, все встают, зал стоя аплодирует).

Тысяча девятьсот тридцать пятый год

Успешно начатая борьба за выполнение плана третьего года второй пятилетки блестяще закончилась. Одно за другим предприятия, управления, важнейшие отрасли народного хозяйства рапортовали о досрочном выполнении годового плана.

Руководители партии и правительства на ряде совещаний с лучшими борцами на хозяйственном фронте — рабочими, колхозниками, инженерами, хозяйственниками и учеными — в порядке осуществления новых, советских форм демократии подытожили результаты проделанной работы, вскрывая огромные резервы социалистического строительства, намечая пути дальнейшей борьбы за выполнение заданий второй пятилетки.

Тысяча девятьсот тридцать пятый год насыщен фактами огромной политической и экономической значимости. Самое важное, самое замечательное, что характеризует третий год второй пятилетки, это — стахановское движение. В мае истекшего года т. Сталин с гениальной прозорливостью сформулировал лозунг очередного этапа социалистического строительства — «кадры решают все». Многомиллионная масса строителей социализма — рабочие и колхозники — ответила выдвижением из своей среды Стахановых, Бусыгиных, Виноградовых, Демченко и многих других, ряды которых растут с каждым днем. Стахановское движение, охватывающее все большие массы строителей социализма, — показ на деле того, как реализуется лозунг вождя народа в практике социалистического строительства. Начавшись во второй половине истекшего года, стахановское движение сыграло большую роль в успешном выполнении плана последнего квартала и тем самым — в том перевыполнении плана третьего года второй пятилетки по основным, решающим позициям, которое выделяет 1935 г. из ряда предшествующих лет, отмеченных большими победами и достижениями. Год ознаменовался отменой карточек, установлением единых розничных цен и снижением их, развертыванием борьбы за рентабельность и первыми практическими результатами в этой области, переломом в работе железнодорожного транспорта, подъемом всего народного хозяйства на основе роста производительности труда и достижений в области освоения новой техники. По праву 1935 год вошел в историю как год замечательный, год исключительных успехов социализма.

Победы третьего года второй пятилетки подготовлены всей предшествующей борьбой и в частности успехами выполнения плана 1934 г. Второй год второй пятилетки прошел под знаком больших достижений в области промышленности. Впервые за ряд лет про-

мышленность с начала до конца года работала ровно, высоким темпом. Огромнейшими успехами была отмечена работа сельского хозяйства — были сделаны дальнейшие значительные шаги в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов. К началу 1935 г. около $\frac{4}{5}$ крестьянских хозяйств было в колхозах. На 1934 г. приходится перелом в развитии животноводства. В качестве итога успешной работы промышленности и сельского хозяйства — рост ресурсов в руках пролетарского государства и решение октябрьского пленума ЦК ВКП(б) об отмене карточек на хлеб и другие продукты с начала 1935 г.

Особенностью плана 1935 г. является упор на решение одной из важнейших задач второй пятилетки — повышение в 2—3 раза материального и культурного уровня рабочего класса и широких масс трудящихся. Это нашло свое выражение в проектировке одинакового примерно темпа роста валовой продукции промышленности и сельского хозяйства — 16,0% и 16,3%, а также в проектировке одинакового темпа роста производства средств производства и производства предметов потребления — 16,1% и 15,8%.

В решении этой задачи, равно как и в решении основной политической и основной хозяйственной задачи второй пятилетки, истекший год отмечен крупнейшими успехами. Расширены позиции социалистического хозяйства, коллективизацией охвачено к началу 1936 г. около 90% крестьянских хозяйств. Успешно переделывается сознание миллионов строителей социализма, многое уже достигнуто в выработке нового социалистического отношения к труду, в борьбе с пережитками капитализма в экономике и сознании людей. Огромными шагами подвигается вперед техническая реконструкция всего народного хозяйства. Уже в 1934 г. продукция новых и целиком реконструированных заводов составила 64,5% продукции всей промышленности при задании в 80% на 1937 г. по второму пятилетнему плану.

План третьего года второй пятилетки наметил очередной этап расширенного социалистического воспроизводства. Масштаб и характер воспроизводства в 1935 г. определялись по плану ростом народного дохода в 1935 г. по сравнению с 1934 г. на 16,1% при достижении удельного веса социалистических форм хозяйства в народном доходе в 97,5% по сравнению с 96,0% в предыдущем году.

Своеобразие истекшего года с точки зрения расширенного воспроизводства сказалось в темпах развертывания работы отраслей народного хозяйства, в соотношениях между отраслями, сложившихся в итоге этих темпов, в нарастании ресурсов и резервов, значительно облегчающих решение задачи дальнейшего ускорения процесса расширенного воспроизводства.

Проблема темпов сохраняет всю свою актуальность с точки зрения стоящих перед социалистическим строительством задач, в частности задачи догнать и перегнать в техно-экономическом отношении передовые капиталистические страны. Своеобразие текущего года в области темпов состоит в том, что в высокий темп развертывания работы втянуты наряду с промышленностью и такие отрасли, как сельское хозяйство, транспорт, товарооборот. Более детальное рассмотрение работы отдельных отраслей народного хозяйства с точки зрения темпов вскрывает следующие характерные черты.

Начиная с февраля темп развертывания производства промышленности, союзной и местной, превышает из месяца в месяц годовое плановое задание: при годовом задании увеличить продукцию на 17,1% фактический рост продукции на протяжении года колебался

от 18,6% в феврале до 21,8% в январе — ноябре. На этом высоком уровне промышленность держалась все время, работая ровно, без срывов, что свидетельствует о больших достижениях в плановом руководстве работой промышленности. Значение высокого темпа развертывания работы промышленности в истекшем году тем больше, что этот высокий темп достигнут после высокого темпа прошлого года. Темп работы промышленности нарастает от начала к концу года. И наконец важнейший момент — преодоление летнего сезонного снижения в текущем году гораздо значительнее, чем в предыдущие годы.

Развертывание промышленной продукции в летние месяцы (в % к июню)

Годы	Вся промышленность			Производство средств производства			Производство предметов потребления		
	июль	август	сентябрь	июль	август	сентябрь	июль	август	сентябрь
1933	88,1	92,7	103,0	95,5	98,0	101,9	77,6	85,2	104,5
1934	90,3	92,9	101,7	94,6	97,2	98,4	83,0	85,8	107,3
1935	94,2	101,3	113,6	98,9	98,9	104,5	85,2	106,0	131,0

Если июньский уровень промышленной продукции принять за 100, то каждый год, включая и истекший 1935, дает в июле снижение. Но это снижение от 1933 к 1935 г. уменьшается: снижение на 11,9 в 1933 г. и снижение только на 5,8% в истекшем году. В августе в предыдущие два года июньский уровень не был еще достигнут, в 1935 г. в августе июньский уровень был превышен на 1,3%. В сентябре все три года дают превышение июньского уровня, но это превышение в 1933 г. составило только 3,0%, в 1934 г. — 1,7%, а в истекшем году — 13,6%. Анализ развертывания промышленного производства по группам отраслей — производство средств производства и производство предметов потребления — показывает, что в истекшем году июльское снижение имело место почти исключительно по группе производства предметов потребления, в то время как снижение по первой группе составило всего 1,1%.

В 1935 г. закреплена нерелом в работе таких важнейших отраслей, как цветная металлургия и цементная. Из отстававших на протяжении ряда лет эти отрасли в истекшем году выдвинулись по темпам роста продукции в первые ряды: рост продукции цветной металлургии за 1935 г. составил 38,1%, достигая по отдельным отраслям 42 и даже 74%, производство цемента увеличилось на 30,7%.

По плану 1935 г. было намечено увеличение продукции всей промышленности на 16% по сравнению с 1934 г. — фактически продукция всей промышленности в истекшем году составила 65,9 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.); темп роста по сравнению с прошлым годом — 20,4%, план перевыполнен почти на 5%.

На протяжении всего года промышленные наркоматы сохраняли занятые ими с начала года порядковые позиции. На первом месте по темпу роста Наркомтяжпром — 26,6%, на втором Наркомпищепром — рост на 22,4%, на третьем Наркомлес — рост на 17,6% и на послед-

нем месте Наркомлѣгпром — рост на 11,2%. Всеми промышленными наркоматами годовой план выполнен досрочно.

Крупная промышленность по темпу роста продукции в 1935 г. значительно превышает средний темп, намеченный по плану второй пятилетки, и фактические темпы, достигнутые в первые два года выполнения второго пятилетнего плана; она вплотную подошла к высоким темпам роста продукции в годы первой пятилетки.

Темпы роста продукции крупной промышленности (в % к предшествующему году)

1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
125,8	130,7	123,3	113,5	108,8	120,3	122,0

Задание третьего года по объему валовой продукции крупной промышленности, запроектированное во втором пятилетнем плане, перевыполнено на 3,0%.

В результате бурного развертывания промышленности — особенно на протяжении последних лет — объем производства крупной промышленности превысил в истекшем году (в декабре) объем производства 1928 г. в 4,4 раза: по производству средств производства в 5,6 раза, по производству продуктов потребления в 3,3 раза.

В исключительно высоком темпе развернулось в текущем году сельскохозяйственное производство. Темп роста валовой продукции сельского хозяйства по предварительным, ориентировочным расчетам примерно в два раза превышает темп роста в первые два года второй пятилетки. Для того чтобы оценить громадные достижения сельского хозяйства в истекшем году, нужно учесть, что рост валовой продукции сельского хозяйства крупнейшей капиталистической страны — США, составлял в среднем в первом десятилетии XX в. 3,1%, во втором десятилетии — 1,4%, в наиболее благоприятные предкризисные годы — 1925—1929 — 1,7%. В СССР в период 1926—1929 гг. средний темп роста валовой продукции равнялся 2,7%, в 1933 и 1934 гг. — 6,5%.

В области животноводства нарастающие темпы увеличения поголовья мы имели по крупному рогатому скоту, овцам и козам. Впервые за ряд последних лет снижение численности конского поголовья сменилось ростом.

Изменения поголовья скота (с июня по июль, в % к предыдущему году)

Г о д ы	Лошади	Крупный рогатый скот	В том числе коровы	Овцы и козы	Свиньи
1933/34	94,4	110,5	100,0	103,4	144,6
1934/35	101,5	116,1	103,1	117,6	129,2

Абсолютный прирост поголовья свиней в 1934/35 г. примерно таков же, что и в 1933/34 г. — 5,2 млн. голов и 5,3 млн. голов, но взятый по отношению ко всему возросшему поголовью свиней он несколько ниже, чем в 1933/34 г.

Так обстоит дело, если рассматривать изменение поголовья от июня к июню соответствующего года в разрезе так называемых сельско-

хозяйственных лет. В разрезе же всего 1935 г. рост еще больше. «По сравнению с 1934 годом, — докладывал т. Молотов на 2-й сессии ЦИК Союза ССР, — мы получили следующее увеличение поголовья скота: по лошадям почти на 5%, по крупному рогатому скоту — на 18%, по овцам и козам — на 25%, по свиньям — на 38%».

Для дальнейшего роста численности поголовья скота решающее значение имеет обеспеченность стада молодняком. Доля молодняка в общем поголовье скота за последние годы заметно увеличивается, нагрузка маточного состава молодняком возрастает: по жеребяткам в 1935 г. по сравнению с 1934 г. — на 64,4%, по телятам до 1 года — на 20%, по пороссятам — на 10,5%.

Развертывание сельскохозяйственного производства на основе социально-технической реконструкции характеризуется в 1933 г. резким сдвигом в производстве зерновых, в 1934 г. переломом в развитии животноводства при закреплении завоеванных позиций по зерновым, в 1935 г. переломом в производстве технических культур при одновременном дальнейшем развертывании производства зерновых и дальнейшем росте животноводства.

Впервые за ряд лет железнодорожный транспорт дал в текущем году исключительно высокий темп. Работа транспорта из месяца в месяц нарастала, поднявшись с 50,6 тыс. вагонов среднесуточной погрузки в январе до 75,7 тыс. вагонов в ноябре. В декабре имело место некоторое снижение по сравнению с ноябрем, но это снижение значительно меньше в текущем году, чем за все предшествующие годы. Работа железнодорожного транспорта превышает в 1935 г. прошлогоднюю на 23,0%; установленный план перевыполнен на 9,0%. На протяжении 1935 г. улучшились показатели эксплуатационной работы по сравнению с 1934 г.: техническая скорость возросла с 22,5 км в час в среднем в 1934 г. до 27,4 км в октябре 1935 г.; коммерческая скорость повысилась с 14,2 км в час в 1934 г. до 18,6 км в час в октябре 1935 г.; оборот вагона сократился с 8,7 суток в среднем за 1934 г. до 6,96 суток в октябре 1935 г.

Перелом в работе железнодорожного транспорта — результат радикальной организационной перестройки, значительного укрепления дисциплины, развертывания социалистического соревнования, беспощадной ликвидации буржуазных классово враждебных теорий «предела», значительного улучшения материального снабжения со стороны промышленности. Отставание транспорта преодолено, выравнен его фронт с ведущими отраслями, расшито одно из «узких» мест в развитии народного хозяйства. Дальнейший подъем железнодорожного транспорта связан с развертыванием стахановско-кривоносковского движения. В этом движении, в его дальнейшем развитии залог того, что железнодорожный транспорт закрепит свое место среди ведущих отраслей народного хозяйства.

Впервые речной транспорт перевыполнил навигационный план на 10,0%; погрузка возросла на 22,0% по сравнению с предыдущим годом.

Отражая рост производственных отраслей — промышленности и сельского хозяйства, — а также улучшение работы транспорта, розничный товароборот увеличился в 1935 г. по сравнению с 1934 г. на 34,0% (без общественного питания).

Народный доход — показатель, резюмирующий сдвиги в народном хозяйстве в целом, — дает нарастающие темпы роста на протяжении истекших лет второй пятилетки.

Темпы роста народного дохода (в % к предшествующему году)

1933 г.	1934 г.	1935 г.
6,6	15,0	17,8

Задание на 1935 г. по темпу роста народного дохода (+ 16,1%) перевыполнено.

Все это говорит о крутом подъеме народного хозяйства в целом. Отличительная черта подъема народного хозяйства в 1935 г. в том, что подъем этот есть результат и в то же время выражение глубоких качественных сдвигов.

Следствием высоких темпов развертывания социалистического строительства явилось перемещение СССР на первые позиции по производству важнейших продуктов.

Место СССР

	1928 г.		1935 г.	
	во всем мире	в Европе	во всем мире	в Европе
Электрoэнергия	10	7	3	2
Каменный уголь	6	5	4	3
Нефть	3	1	2	1
Чугун	5	4	2	1
Сталь	5	4	3	2
Паровозы	Сведений нет		1	1
Грузовики	11	9	3	2
Комбайны	Не было		1	1
Тракторы	4	3	1	1
Суперфосфат	18	14	2	1
Медь	9	2	6	1
Алюминий	Не было		3	2
Золото	4	1	2	1
Товарные вагоны	Сведений нет		1	1
Сахарная свекла	2	2	1	1

Увеличивается число производств, по которым СССР занимает первое место во всем мире, еще быстрее растет число позиций, по которым Союз занимает первое место в Европе.

Одним из существеннейших преимуществ планового, организованного хозяйства СССР по сравнению с капиталистическим является с точки зрения развертывания процесса воспроизводства возможность — и осуществление этой возможности в практике планирования народного хозяйства — установления правильных, необходимых соотношений между отраслями народного хозяйства. В условиях капиталистического хозяйства соотношения между отраслями устанавливаются в процессе колоссальной растраты производительных сил, в процессе спазматического циклического движения, деформированного условиями всеобщего кризиса капитализма.

Планом было намечено сближение темпов роста валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, темпов роста производства средств производства и производства предметов потребления. Мы уже отметили огромное ускорение темпа роста валовой продукции сельского хозяйства. Рост производства средств производства равен 22,8%, производства предметов потребления — 18,1%. Разрыв в темпах роста значительно превосходит плановую наметку, но он не может быть расценен отрицательно, поскольку обеими группами годовое плановое задание перевыполнено. Достижение 18% роста производства

предметов потребления получает особое значение и смысл при сопоставлении с тем, что происходит в этой области в Германии. В августе уровень промышленной продукции Германии составил 95,2% к уровню 1928 г.; по группе средств производства—107,2%, по группе предметов потребления—81,7%. При этом на протяжении года работа отраслей обеих групп развертывалась таким образом, что производство средств производства возросло от 82,1% к уровню 1928 г. до 107,2%, производство же предметов потребления снизилось с 86,3% до 81,7%.

Недурной комментарий к этим показателям дан в одном из последних конъюнктурных обзоров, издаваемых доктором Вагеманом. «Постепенно идут к концу мероприятия большого масштаба по созданию работы, которые в первую очередь сыграли такую большую роль в увеличении занятости. Вместо этого увеличиваются в настоящее время работы по воссозданию военной мощи. Это изменение произошло так легко и почти незаметно потому, что воздействие этих работ на увеличение занятости так же благоприятно, как и мероприятия по изживанию безработицы. Военные заказы дали новый толчок к увеличению занятости»¹. «Сахара, южных фруктов, курительного табака и мяса потреблено несколько меньше, чем в прошлом году. Заграничные продукты (кофе, чай, какао, овощи) ввезены в меньшем объеме, чем в прошлом году» и т. д.².

«Достижения» фашистской Германии, которая в 1935 г. не смогла по производству предметов потребления добраться до уровня предкризисного 1928 г., и увеличение производства предметов потребления в СССР в 3,5 раза по отношению к 1928 г. — факты, которые говорят сами за себя.

Для решения основной хозяйственной задачи второй пятилетки — завершения технической реконструкции народного хозяйства — большое значение имеет соотношение темпов роста ведущих отраслей технической реконструкции — машиностроения и выработки электроэнергии — и темпов роста народного хозяйства, в особенности промышленности. По темпу роста впереди всех отраслей — промышленность. Рост выработки электроэнергии — 25,0% (за 11 месяцев), рост продукции машиностроения и металлообработки — 29,7%. Темп развертывания работы обеих ведущих отраслей технической реконструкции опережает темп роста работы промышленности в целом. Энергично и интенсивно перестраивается производственный аппарат страны во всех отраслях, все народное хозяйство переводится на новую энергетическую базу.

Внутри промышленности благоприятно складываются соотношения между отдельными отраслями. Темп роста добычи руды (25,0%) обгоняет темп роста выплавки чугуна (20,0%). Сырьевые отрасли перестают служить лимитом в развертывании обрабатывающих отраслей.

К числу крупных успехов истекшего года должна быть отнесена победа металлургов: задача, поставленная перед ними т. Сталиным год назад — добиться правильного соотношения в выплавке чугуна и стали — решена (см. табл. на стр. 43).

В марте впервые среднесуточная выплавка чугуна и стали сравнялась. Начиная с сентября среднесуточная выплавка стали систематически превышает среднесуточную выплавку чугуна.

¹ См. «Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung», 10. Jahrgang. 1935, Heft 3, Teil B., Neue Folge, 9 Nov. 1935, S. 125.

² Ibidem, S. 173.

Среднесуточная выплавка чугуна и стали (в тыс. т)

	Г о д ы	Чугун	Сталь
1932		16,8	16,1
1933		19,4	18,6
1934		28,6	26,2
1935			
Январь		29,0	28,2
Февраль		32,5	31,6
Март		33,8	33,6
Апрель		33,9	33,4
Май		34,5	33,2
Июнь		35,1	33,3
Июль		35,2	33,6
Август		35,0	33,4
Сентябрь		34,7	35,3
Октябрь		34,3	37,2
Ноябрь		34,9	37,2
Декабрь		37,4	38,9

В результате успешного выполнения плана значительно улучшились и укрепились взаимосвязи между отраслями народного хозяйства. Тяжелая промышленность блестяще выполнила свои большие и ответственные обязательства по отношению к транспорту и сельскому хозяйству: выполнены задания по снабжению сельского хозяйства комбайнами, тракторами и разными сельскохозяйственными машинами; транспорт получил свыше 90 тыс. вагонов. Увеличилась также обеспеченность строительства строительными материалами. Промышленность местных строительных материалов работала неудовлетворительно, но по линии тяжелой и лесной промышленности положение значительно улучшилось. При объеме строительства 1935 г., равном примерно фактическому объему строительства предыдущего года, производство цемента возросло на 31,0%, стекла — на 49,3%, пиломатериалов — на 11,1%. Значительно возросли также перевозки строительных материалов: минеральных строительных материалов — на 24,0%, цемента — на 15,4% и т. д.

Выполнение и перевыполнение плана отраслями народного хозяйства приводят к тому, что они помогают друг другу. В улучшившихся связях отраслей друг с другом — новое качество, содействующее дальнейшему нарастающему развертыванию народного хозяйства.

Высоким темпам роста народного хозяйства сопутствовало в истекшем году накопление материальных резервов, имеющее большое значение для ровного развертывания процесса воспроизводства. Можно считать ликвидированной в текущем году дефицитность всех марок чугуна. План снабжения прокатом, особенно рядовым, на протяжении года выполнялся с некоторым превышением. Запасы сортового и листового железа у потребителей в истекшем году на десятки процентов превышали прошлогодние запасы. Резко увеличилась обеспеченность потребителей балками, швеллерами и т. д.

Успешное проведение сельскохозяйственных кампаний обеспечивает огромный рост сырьевых ресурсов легкой и пищевой промышленности: продукция хлопка превышает прошлогоднюю на 45% при резком улучшении качества волокна; сахарной свеклы собрано больше, чем в прошлом году, на 43%.

Увеличение ресурсов в стране сочетается с более правильным их распределением на отдельных предприятиях. К последнему обязывает развертывающаяся борьба за рентабельность, не позволяющая связывать излишние оборотные средства вложением их в запасы сырья, топлива, в материалы, которых не требует технологический процесс.

Не все еще достигнуто в этой области, но борьба за рентабельность систематически улучшает создавшееся здесь положение.

В таком виде складываются соотношения отдельных элементов народного хозяйства в их натуральном выражении. Параллельно идет процесс перестройки ценностных соотношений — перестраивается система цен. Начало этому положено отменой карточек, усиленным развертыванием советской торговли, переходом от разных цен на одни и те же товары одного и того же качества к единым ценам.

В связи с переходом на новую систему цен в истекшем году повышены цены на сельскохозяйственные продукты, в частности на технические культуры, и систематически проводилось снижение цен в розничной торговле. Повышение цен на сельскохозяйственное сырье в сочетании с ростом продукции дало огромный рост остатков средств на текущих счетах колхозов в Госбанке: к 1 декабря истекшего года они достигли 931 млн. руб., на то же число прошлого года было 328 млн. руб. Общая сумма остатков текущих счетов колхозов в Госбанке и Сельхозбанке составила 1 120 млн. руб.

Одновременно проводилось снижение розничных цен. Размер снижения розничных цен в ненормированной торговле на протяжении истекшего года колеблется от 16,9% на яйца до 50—73% на сухие фрукты и 75% на кофе и цикорий. Под влиянием систематически проводимого снижения цен в государственной и кооперативной торговле, а также в связи с ростом ресурсов идет дальнейшее снижение цен на колхозных рынках: индекс рыночных цен на продукты широкого спроса к концу истекшего года ниже, чем в прошлом году, на 25—30%. Стоимость товарной массы предметов широкого потребления благодаря снижению розничных цен уменьшилась от начала года к концу на сумму порядка двух миллиардов рублей.

Вместе со снижением розничных цен шла перестройка системы розничных цен: значительно сократились межобластные и внутриобластные разрывы цен, базарные цены в сельских местностях и мелких городских пунктах значительно приблизились к конвенционным ценам децентрализованных заготовок, изменились соотношения между ценами на различные сельскохозяйственные продукты в соответствии с состоянием этих отраслей и темпом роста их продукции.

Снижение розничных цен, повышение цен на сельскохозяйственное сырье, развертывание борьбы за рентабельность и переход на бездотационную работу ставят вопрос о пересмотре и других звеньев системы цен, в частности отпускных цен промышленности. Отпускные цены на продукты промышленности, главным образом тяжелой, сложились в условиях и обстановке, значительно отличающихся от современной. Тяжелая промышленность окрепла, прочно стала на собственные ноги, может работать рентабельно. Отпускные цены должны быть пересмотрены под углом зрения приведения их в соответствие с себестоимостью. Начало борьбы за рентабельность даже в условиях существующих отпускных цен дало весьма осязательные результаты в виде суммы, исчисляемой Наркомтяжпромом свыше 865 млн. руб., из них 365 млн. руб. — сверхплановые накопления и свыше 500 млн. руб. — сверхплановая экономия вследствие отказа — частичного или полного — от дотации.

Перестройка ценностных соотношений, особенно повышение цен на сельскохозяйственное сырье, не могла не отразиться на движении себестоимости. Благодаря высокому росту заработной платы небла-

гоприятно сложилось соотношение между темпом роста производительности труда и заработной платы: лишь в отдельных случаях рост производительности труда обгоняет рост заработной платы. Элиминирование влияния ценностных моментов показывает большие достижения промышленности и в области снижения себестоимости: так, себестоимость продукции Наркомтяжпрома в сентябре истекшего года снизилась по сравнению с сентябрем прошлого года на 10,1%.

Мероприятия по перестройке системы цен относятся к числу крупнейших экономических маневров. Система цен, сложившаяся к моменту введения карточек в 1929 г., была перестроена в соответствии с комбинированной системой советской торговли и распределения продуктов по карточкам. Ликвидация карточек в 1935 г. и форсированное развертывание советской торговли на основе полной и окончательной победы социализма и ускоренного роста ресурсов потребовали перестройки системы цен предшествующего «карточного» периода. С исключительной рельефностью проявились в этом маневре огромная гибкость и эластичность социалистической организации хозяйства. Буржуазные утверждения о «громоздкости», «неэластичности» социалистической организации хозяйства лишены раз опровергнуты советской практикой.

Отмена карточек, политика снижения розничных цен, перестройка системы цен, жесткое проведение хозрасчета, усиливаемое развертывающейся борьбой за рентабельность во всех отраслях народного хозяйства, — все это требует особого внимания к вопросам денежного обращения, к укреплению советского рубля. И в этой области социалистического строительства — в условиях роста денежного хозяйства — могут быть отмечены успехи истекшего года. Показателями укрепления советского рубля служат темп роста розничного оборота, более быстрый, нежели темп роста денежной массы в обращении, и дальнейший значительный рост вкладов в сберегательные кассы. В 1934 г. прирост вкладов выразился в сумме 456,1 млн. руб., в 1935 г. — в сумме 705,9 млн. руб. Советский рубль выполнял свои функции в истекшем году вполне удовлетворительно. Укрепление рубля находится в полном соответствии с полнокровным, уверенным и ровным развертыванием работы всего народного хозяйства.

Успехи социалистического строительства получили свое отражение и во внешних связях СССР с капиталистическим миром. Начиная с 1930 г. объем внешней торговли сокращается, с одной стороны, в связи с сокращением покупательной способности капиталистических стран в условиях мирового экономического кризиса и депрессии особого рода; с другой стороны, успехи социалистической индустриализации приводят к освобождению СССР от иностранной зависимости. На основе планомерно осуществляемой политики внешней торговли пассивное сальдо торгового баланса за период первой пятилетки сменяется на протяжении первых трех лет второй пятилетки активным сальдо.

Внешняя торговля СССР (в млн. руб.)

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	I—XI 1935 г.
Вывоз	803,4	923,7	1 036,4	811,2	574,9	494,9	418,3	330,2
Ввоз	953,1	880,6	1 058,8	1 105,0	704,0	348,2	232,4	216,0
Баланс	-149,7	+ 43,1	- 22,4	-293,8	-129,1	+146,7	+185,9	+114,2

К крупнейшим успехам 1935 г. должен быть отнесен активный платежный баланс, явившийся следствием активного торгового баланса

последних трех лет, быстрой ликвидации внешней задолженности, вызванной усиленными закупками оборудования в годы первой пятилетки, и быстрого возрастания удельного веса советского торгового флота во внешнеторговых перевозках. Удельный вес советского торгового флота в вывозе товаров из СССР (в тоннах) увеличился с 5,2% в 1932 г. до 23,0% за первые 10 месяцев истекшего года.

Из данных о доставке лесоматериалов из СССР в Англию видно, что от 1934 к 1935 г. число советских судов и количество доставленных на них лесоматериалов за один только год увеличилось примерно в три раза.

Доставка лесоматериалов из СССР в 28 английских портов, охватывавшая в 1935 г. 50,8% всего импорта лесоматериалов Англии из СССР, распределялась следующим образом¹:

	Январь — сентябрь 1934 г.		Январь — сентябрь 1935 г.		СССР в % к итогу по лесоматериалам	
	число судов	лесома- териалов (в тыс. больших тонн ²)	число судов	лесома- териалов (в тыс. больших тонн ²)	1934 г.	1935 г.
Британские суда	65	215	42	137	—	—
Советские суда	27	79	73	213	9,3	25,0
Прочие	190	554	186	503	—	—

Рост и укрепление социалистической промышленности нашли свое отражение в значительном изменении структуры экспорта и импорта. Характернейшим сдвигом в структуре импорта является резкое сокращение удельного веса машин и оборудования при некотором повышении удельного веса товаров потребительского назначения.

Структура импорта СССР

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	I—X 1935 г.
Товары производственного назначения (в % ко всему импорту)	88,6	88,1	93,4	89,1	90,3	84,6	87,6
Из них машины и оборудование (в % ко всему импорту)	29,6	46,2	53,1	55,1	41,4	24,0	22,7
Импорт товаров потребительского назначения (в % ко всему импорту)	11,4	11,9	6,6	10,9	9,7	15,4	12,4

Характернейшей чертой изменения структуры экспорта является быстрое нарастание удельного веса промышленного экспорта.

* Структура экспорта СССР (в %)

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	I—X 1935 г.
Экспорт товаров с.-х. происхождения (в % ко всему экспорту)	38,9	41,8	42,2	31,9	28,8	28,4	24,8
Экспорт товаров промышленного происхождения (в % ко всему экспорту)	61,1	58,2	57,8	68,1	71,2	71,6	75,2

¹ См. «Times», Nov. 13, 1935.

² 1 большая тонна = 1,016 метрической тонны.

В 1913 г. доля промышленного экспорта в общем экспорте составляла 32,9%; к концу первой пятилетки она поднялась до 68,1%; за первые десять месяцев истекшего года она составила 75,2%.

В экспорте продукции тяжелой промышленности заметно нарастает экспорт машин и оборудования.

Удельный вес машин и оборудования в экспорте СССР (в %)

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	I—X 1935 г.
Машины и оборудование ¹	0,25	0,22	0,56	0,84	0,92	1,5	2,2

Распределяется экспорт из СССР по странам в 1935 г. следующим образом: на первом месте Англия, на втором Германия, третье место за США; по импорту на первом месте также Англия, на втором США.

Третий год второй пятилетки был годом дальнейшего подъема материального и культурного уровня широких масс населения. Рост потребления определяется огромным приростом продукции сельского хозяйства, приростом на 18% производства предметов потребления промышленности при изменившейся структуре экспорта и импорта. Растут потребности и вкусы широких масс. Об этом рассказывали с кремлевской трибуны лучшие люди страны во время стахановского совещания, совещания комбайнеров и др.; об этом свидетельствуют огромный рост розничного оборота и те требования, которые потребитель в настоящее время предъявляет к ассортименту и качеству товаров.

Практика социалистического строительства на-голову разбила буржуазно-меньшевистские «теории» об имманентности советской экономике товарного голода. Явления определенного этапа меньшевистские «теоретики» пытались обобщить и возвести в степень закона. Успехи в решении основных политических и хозяйственных задач второй пятилетки следствием своим имели огромный рост потребительских фондов и возможность все большего и возрастающего по объему и высшего по качеству удовлетворения потребностей широких масс населения.

Характернейшие сдвиги происходят в структуре общей массы рабочих и служащих в народном хозяйстве. В связи со значительным повышением материального и культурного уровня более быстрым темпом растет численность рабочих и служащих, занятых в отраслях, вырабатывающих предметы потребления, либо связанных с удовлетворением культурно-бытовых потребностей трудящихся города и деревни.

При росте численности рабочих и служащих во всех отраслях народного хозяйства на 4,2% в 1935 г. по сравнению с 1934 г. рост численности рабочих и служащих в крупной промышленности составил 7,6%, в торговом аппарате — 12,8, в просвещении — 11,4%. Еще ярче эти сдвиги, если взять три года второй пятилетки. При общем росте численности рабочих и служащих по всему народному хозяйству от 1932 к 1936 г. на 7,8% рост этот в рыбной промышленности

¹ Машинны и аппараты, электротехнические материалы, изделия точной механики, транспортные средства.

составил 28,7⁰/₀, в пищевкусовой — 26,8, в торговле — 16,9, в просвещении — 29,9, — здравоохранении — 22,8⁰/₀.

Ряд показателей свидетельствует о дальнейших шагах в области повышения культурного уровня широких масс трудящихся. Число школ, ставящих себе задачу ликвидации неграмотности либо малограмотности, достигло в 1935 г. 226 468 с количеством учащихся свыше 8 млн.; в 1928 г. таких школ было 41 445 с числом учащихся около 1,3 млн. Кинотеатров в истекшем году было 27 514; в 1914 г. их было 1 150. Число театров — 672 против 176 в 1914 г. Значительный рост дала радиофикация: число радиослушательских точек на 1 января 1935 г. превысило 2 млн. против 54,3 тыс. на 1 октября 1929 г.

Число учащихся в школах всех типов возросло в 1935/36 учебном году до 25,4 млн. Число учащихся в старших классах средней школы (VIII, IX, X) за последние три года примерно удваивается: в 1933/34 учебном году их было 134 тыс., в 1934/35 учебном году — 288 тыс., в 1935/36 учебном году — 489 тыс. Резко возрастает число учащихся средней школы в сельских местностях.

Значительные успехи можно констатировать на отдельных участках овладения техническим минимумом. Огромное значение в дальнейшей борьбе за повышение культурного уровня широких масс трудящихся имеет постановление декабрьского пленума ЦК ВКП(б): «Необходимо систематически расширять круг рабочих и работниц, подлежащих обязательному обучению техническому минимуму. Необходимо, наконец, сделать обучение техническому минимуму всеобщим и обязательным для всех рабочих и работниц, подчинив это важнейшее дело задаче подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда».

Вся совокупность показателей в области производства, обращения и потребления говорит о сдвиге революционного характера.

Важнейшим условием побед истекшего года явилось дальнейшее освоение новой техники в промышленности и сельском хозяйстве. Одним из показателей развертывания процесса освоения может служить соотношение между темпами прироста основного капитала к началу года и темпами роста продукции на протяжении года. В то время как в предшествующие годы темп прироста основных фондов обгонял темп прироста продукции, в текущем году эти темпы по валовой продукции всей промышленности значительно сблизились; по группе производства средств производства они примерно одинаковы; по машиностроению — ведущей отрасли технической реконструкции — прирост продукции на протяжении 1935 г. значительно обогнал прирост фондов к началу истекшего года.

Наше продвижение в области технического вооружения народного хозяйства подытожено т. Сталиным в формуле: «Мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой»¹. Этой формулой подведена черта под целой полосой социалистического строительства. Новый лозунг — «кадры решают все» — сменил лозунг пройденного этапа — «техника решает все».

Успехи в области освоения новой техники характеризуются достижениями по линии техно-экономических показателей. По ряду по-

¹ Речь т. Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г., Партиздат, стр. 12.

казателей мы вплотную подходим к уровню лучших предприятий передовых капиталистических стран, причем стахановцы наших фабрик и заводов на деле показывают, как можно перекрыть уровни капиталистических предприятий. Коэффициент использования полезного объема доменных печей составлял в 1933 г. 1,69, в 1934 г. — 1,31, в 1935 г. — 1,22 (ожидаемое выполнение). Лучшие предприятия дали: Макеевский им. Кирова — 0,86, Нижнесалдинский — 1,13, Магнитогорский — 1,20 — в ноябре. В США в 1930 г. в среднем по 25 крупным заводам этот коэффициент был равен 1,08, по лучшим предприятиям — 0,88, 0,93 и т. д. В Германии в том же году по восьми крупным заводам коэффициент использования полезного объема доменных печей равнялся 1,01; по Гутехоффунгс Хютте № 2 — 0,76, № 1 — 0,80, № 3 — 0,82 и т. д.

Суточный съем стали с 1 м² пода мартеновской печи — по всем печам — составлял по СССР в 1933 г. в среднем по номинальному времени 2,89 т, в 1934 г. — 3,36 т, в 1935 г. — 3,90 т (ожидаемое выполнение); по фактическому времени — 4,40 т. В США в 1930 г. средний показатель по фактическому времени по стационарным установкам 3,9 — 4,2 т, по качающимся — 5,2 т. В Германии в 1929 г. соответственно — 5,0 — 5,2 т по стационарным, 6,0 — 6,5 т — по качающимся. У нас на лучших предприятиях в ноябре: «Серп и молот» — 5,08 т, Макеевский им. Кирова — 4,97 т, в том числе новые печи — 5,35 т, им. Коминтерна — 6,05 т и т. д.

Расход условного топлива на 1 квтч произведенной электроэнергии на электростанциях общего пользования. (в килограммах) снизился в СССР по районным станциям с 0,68 в 1934 г. до 0,65 в 1935 г. В США в 1934 г. он составлял 0,66, в Германии в 1931 г. — 0,68, в Англии в 1933 г. — 0,72.

Несмотря на то, что в области использования оборудования машин мы имеем еще значительные дефекты, СССР по ряду показателей оставил далеко позади самые передовые капиталистические страны. Число часов работы в год одного установленного киловатта составило в СССР в 1934 г. 3 874, в 1935 г. — 4 650, в США в 1934 г. — 2 516, в Англии в 1934 г. — 1 922, в Германии в 1933 г. — 1 715.

Добыча угля на один действующий отбойный молоток, на одну действующую тяжелую врубовую машину в тысячах тонн в среднем за месяц в СССР выше, чем в США, Англии, Германии, Бельгии. Удельный вес механизированной добычи угля во всей добыче в ноябре составил по СССР 84,7%. Работа условного 15-сильного трактора в переводе на вспашку в гектарах равнялась в МТС в 1934 г. 405 га, в 1935 г. — 410 га, в США в 1930 г. во всем сельском хозяйстве — 90 га и т. д.

Важнейшим итогом истекшего года является выполнение объема работ, значительно превышающего прошлогодний, при значительно меньшем росте численности рабочей силы. Рост продукции крупной промышленности на 22,0% достигнут при росте численности рабочих на 7—8%. По промышленности Наркомтяжпрома это соотношение еще показательнее: рост продукции в ноябре на 31,1% по сравнению с ноябрем 1934 г., рост численности за тот же период — на 5,2%. Выработка в промышленности Наркомтяжпрома возросла за 11 месяцев истекшего года по сравнению с тем же периодом 1934 г. на 17,9%; ноябрьская выработка была выше выработки в ноябре 1934 г. на 24,1%.

Средняя выработка на одного рабочего в промышленности в 1935 г.

увеличилась по сравнению с 1934 г. на 14,1%. Этот темп роста является максимальным за все годы первой и второй пятилеток.

Средняя выработка на 1 рабочего
(в ценах 1926/27 г. в % к предшествующему году)

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Вся промышленность	112,2	112,9	109,7	107,6	102,6	108,7	110,7
Производство средств производства	111,1	116,4	113,2	105,7	106,7	110,4	115,6
Производство предметов потребления	112,8	111,4	109,6	113,8	98,6	107,4	103,6

В меньшем масштабе тот же процесс большого темпа роста работы при меньшем темпе роста численности работников имеет место на железнодорожном транспорте. Бóльший объем работы, чем в 1934 г., в совхозах и объем работ, примерно равный прошлогоднему, в строительстве выполнены при снижении численности рабочих и служащих в совхозах на 6—7%, в строительстве — на 14—15%.

Новые революционные моменты выполнения плана истекшего года достигают кульминационного пункта в стахановском движении. Мощный поток этого движения увлекает в свое русло все новые массы строителей социализма. По-новому ставится вопрос о нормах, о темпах, о качестве работы.

В решениях декабрьского пленума ЦК ВКП(б) сделаны практические выводы в отношении действующих технических норм в связи со стахановским движением и даны указания о перестройке этих норм в соответствии с достигнутым уровнем технического оснащения и развития народного хозяйства СССР. В правильном использовании оборудования и рабочей силы, в освоении новой техники — колоссальные резервы. Стахановские методы работы раскрывают имеющиеся у нас реальные возможности увеличения объема продукции при одновременном повышении качества ее. За короткий срок в 3—4 месяца стахановское движение дало осязательные результаты. В Донбассе, на родине стахановского движения, среднесуточная добыча поднялась со 174,4 тыс. т в первой декаде сентября до 232,3 тыс. т в последней декаде декабря.

Поразительно ярко роль стахановских методов работы раскрывается при сопоставлении нарастания темпов добычи за ряд лет.

Среднесуточная добыча угля в Донбассе по декадам

		Сентябрь			Октябрь			Ноябрь			Декабрь		
		1-я декада	2-я декада	3-я декада	1-я декада	2-я декада	3-я декада	1-я декада	2-я декада	3-я декада	1-я декада	2-я декада	3-я декада
Всего по Донбассу (тыс. т)	1935 г.	174,4	177,9	184,9	190,4	194,3	201,9	204,0	206,5	209,8	221,9	225,2	232,3
	1934 г.	160,5	160,9	163,1	165,5	166,6	171,1	174,2	176,0	182,1	183,5	189,7	187,9
	1933 г.	141,5	143,9	144,1	144,6	145,4	149,5	146,6	152,6	153,6	154,5	156,3	158,0
В % к 1-й декаде сентября	1935 г.	100,0	102,0	106,0	109,2	111,4	115,8	117,0	118,4	120,3	126,6	134,9	133,2
	1934 г.	100,0	100,2	101,6	103,1	103,8	106,9	108,5	119,7	113,5	114,3	116,3	117,1
	1933 г.	100,0	101,7	101,8	102,2	102,8	105,7	103,6	107,8	108,6	109,4	110,5	111,7

Резкое повышение добычи из декады в декаду в истекшем году в условиях все более распространяющегося применения стахановского

метода работы отрывает кривую роста добычи от кривых роста добычи в предшествующие годы, — обычный подъем добычи угля в период сентябрь — декабрь, стахановское движение превращает в мощный подъем. Этот подъем позволил значительно сократить долг Донбасса народному хозяйству, накопившийся за предыдущие месяцы отставания в добыче угля.

На фоне общего бурного развития отстают строительство и общественное питание.

Объем капитальных вложений за три истекших года второй пятилетки на 30 с лишним процентов превысил капитальные вложения первой пятилетки. В несколько раз выросли капитальные вложения, осуществляемые за счет собственных средств и труда колхозов и колхозников. В соответствии с основными установками второй пятилетки структура капитальных вложений на протяжении первых трех лет второй пятилетки изменилась по сравнению с последним годом первой пятилетки: сократилась доля капиталовложений в промышленность в целом, в частности доля вложений в производство средств производства, при росте доли вложений в производство предметов потребления; повысилась доля вложений в транспорт, и особенно возросла доля затрат на социально-культурное и бытовое строительство. Значительно сократился разрыв между размером капитальных вложений и объемом ввода в эксплуатацию: в 1932 г. процент ввода в эксплуатацию по отношению к капиталовложениям равнялся 75,1, в 1934 г. — 92,5 и в 1935 г. — 93,2.

Наряду с положительными моментами в строительстве имеет место ряд весьма существенных недостатков. «Главный недостаток заключается в сложившейся за последние годы привычке к невыполнению строительных программ»¹. Неудовлетворительно обстоит дело со снижением стоимости строительства: задания правительства не выполняются, сроки строительства затягиваются, строительные механизмы используются из рук вон плохо. При колоссальных достижениях в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте отставание строительства не может быть более терпимо. Четвертый год второй пятилетки должен быть годом перелома в этой области. Совещание в ЦК ВКП(б) по вопросам строительства и развитие стахановского движения — залог того, что и эта отстающая по сравнению с другими отраслями народного хозяйства отрасль социалистического строительства подтянется.

Другая отрасль, отстававшая на протяжении всего года, это — общественное питание. Продукция общественного питания в первом квартале истекшего года составляла 74,5% к первому кварталу 1934 г., во втором квартале — соответственно 74,7%, в третьем квартале — 67,8%; в октябре по сравнению с октябрём 1934 г. — уже только 53,0%, а в ноябре — 48,8% по отношению к тому же месяцу 1934 г. Продукция общественного питания за весь 1935 г. равна примерно 65% продукции 1934 г. при выполнении плана всего на 60%. Никаких объективных причин для такого отставания нет. Рост продовольственных ресурсов — основная предпосылка — налицо. Руководители системы общественного питания не могут справиться с новыми, стоящими перед ними задачами. Растет благосостояние широких масс на-

¹ В. М. Молотов, Речь на совещании по вопросам строительства в ЦК ВКП(б) 14 декабря 1935 г. «Правда» от 21/XII 1935 г.

селения, растут вкусы и требования к системе, обслуживающей насущнейшие потребности; не получая удовлетворения своих растущих вкусов и потребностей, широкие массы предпочитают удовлетворять их иным путем — кустарным. Положение явно нетерпимое.

Участок общественного питания играет большую роль при решении задачи значительного повышения материального и культурного уровня широких масс трудящихся. Отставание на этом участке может быть преодолено и будет преодолено, так как для этого имеются все предпосылки. Нужно ускорить наступление перелома. СССР решал более сложные и трудные задачи — будет решена и эта.

На протяжении третьего года второй пятилетки достигнут по ряду показателей количественный и качественный уровень, намеченный вторым пятилетним планом для последнего года; по другим показателям — производству комбайнов и тракторов, среднесуточной погрузке на железнодорожном транспорте, коэффициенту использования доменных печей, оборудованию вагонов автотормозами, среднесуточному пробегу грузового локомотива и т. д. — мы подошли к этому уровню вплотную. Трезво взвесив возможности, открывающиеся в связи с развитием стахановского движения, коллективы работников и руководители отдельных предприятий и ряда отраслей берут обязательства выполнить вторую пятилетку в четыре года. Итоги выполнения второго пятилетнего плана за первые три года и дальнейшее развертывание стахановского движения — залог того, что вторая пятилетка будет выполнена и перевыполнена.

Под знаком развертывания стахановского движения сформулированы задания народнохозяйственного плана четвертого года второй пятилетки. «1936 год должен стать стахановским годом во всех отраслях народного хозяйства» (Молотов) — такова основная задача. Выкорчевывая пережитки капитализма в экономике и сознании людей, ломая остатки классового сопротивления, социалистически организуя труд и быт, СССР уверенно идет к конечной цели. Путь к конечной цели — мощное развертывание стахановского движения, ибо стахановское движение «подготавливает условия для перехода от социализма к коммунизму» (Сталин).

Проблема кадров и стахановское движение

(На опыте машиностроительной промышленности)¹

Партия в борьбе за кадры

Стахановско-бусыгинское движение подготовлялось всем предшествующим развитием СССР. Именно поэтому «спички, брошенной Стахановым и Бусыгиным, оказалось достаточно для того, чтобы все это дело развернулось в пламя»².

Проблема кадров, теоретическое, политическое и производственное воспитание социалистических кадров, является одной из животрепещущих задач, разрешению которой партия во главе с т. Сталиным уделяла и уделяет очень много внимания. Особенно остро вопрос о кадрах ставится в период подготовки и развертывания социалистической реконструкции народного хозяйства. Уже на XIV съезде партии в связи с разработкой плана реконструкции промышленности т. Сталин заострил внимание партии на проблеме кадров, указывая на «несоответствие баланса нашей квалифицированной рабочей силы балансу нашей промышленности»³, как на одно из узких мест реконструкции. В начальный период реконструкции, в период, непосредственно предшествовавший первой пятилетке, когда партия готовилась к наступлению социализма по всему фронту, проблема кадров приобрела еще большее значение. «Перестройка промышленности на новой технической базе, — говорится в резолюции XV партконференции, — естественно требует больше, чем когда-нибудь, мобилизации всех технически грамотных сил..., бережного отношения к специалистам, которые с преданностью своему делу отдают силы для помощи рабочему классу в грандиозном строительстве социализма»⁴.

Сложность проблемы кадров усугубилась вскрытой на шахтинском процессе контрреволюционной вредительской деятельностью известной части старых специалистов. Шахтинский процесс доказал не только правильность опасений, высказанных в свое время Лениным в отношении части буржуазных специалистов, — он показал в то же время и слабость наших советских технических кадров и рабочих активистов, в результате чего специалисты-вредители получили возможность известное время свободно действовать.

¹ Настоящая статья написана на основе выполненной автором работы в ИПЭИ, в которой на первых этапах принимала участие научный сотрудник ИПЭИ т. Рубанова.

² Сталин, Речь на I Всесоюзном совещании стахановцев, Партиздат, 1935 г., стр. 15.

³ «Стенографический отчет XIV съезда», Гиз, 1926 г., стр. 38.

⁴ «Стенографический отчет XV партконференции», Гиз, 1927 г., стр. 786.

Уроки шахтинского процесса и грандиозные задачи, поставленные пятилетним планом в период после XV съезда, побудили партию под руководством т. Сталина поставить со всей остротой вопросы труда и кадров. «Эти уроки заставят нас поставить ребром вопрос о создании новой технической интеллигенции, способной обслужить нашу социалистическую промышленность»¹. Подготовка новых специалистов превращается в важнейшую задачу всей партии. Дело подготовки специалистов ставится по-новому на основе приближения учебы к производству и приобщения хозяйственников непосредственно к руководству учебными заведениями. Постановлением пленума ЦК 1928 г. несколько втузов и техникумов передаются в виде опыта в ведение ВСНХ. Этот опыт, как известно, вполне удался и впоследствии получил широкое применение не только в отношении втузов, но и ФЗУ. Ставка делается на создание собственных, из рабочего класса, специалистов, принимаются меры к освоению заграничного опыта путем использования иностранных специалистов и посылки наших специалистов в научные командировки за границу.

Сохраняет свою остроту проблема кадров и на следующем этапе развития социалистического строительства, в период развернутого наступления по всему фронту. Тов. Сталин в докладе на XVI партийном съезде указывал на слабую постановку дела подготовки кадров, на необходимость большего внимания этому вопросу со стороны хозяйственников, со стороны всей партии. «Всем известна, — говорит т. Сталин, — слабая техническая подкованность наших хозяйственных кадров, наших специалистов, техников и хозяйственных работников... Между тем перед нами стоят колоссальные задачи реконструкции всего народного хозяйства, требующие большого количества новых кадров, способных овладеть новой техникой. В связи с этим проблема кадров превратилась у нас в проблему поистине животрепещущую»².

Партия и рабочий класс осуществляли ленинско-сталинские установки в области воспитания кадров, в борьбе с правыми уклонистами, считавшими, что вопрос о кадрах «можно решать так и этак, не затрагивая классов» (Рыков), и всякого рода «леваками», предлагавшими разрешать проблему инженерно-технических и рабочих кадров снаскока, без расширения общего теоретического уровня рабочих и ИТР (Гастев и др.).

Партия добилась значительных успехов в деле воспитания и подготовки социалистических кадров промышленности. Тов. Сталин в политотчете XVII съезду партии говорил: «Но из всех достижений промышленности, завоеванных ею за отчетный период, самым важным достижением нужно считать тот факт, что она сумела за это время воспитать и выковать тысячи новых людей и новых руководителей промышленности»³.

Несмотря на эти достижения, партия и т. Сталин продолжают фиксировать внимание партии на проблеме кадров. Важнейшими задачами второй пятилетки являются, как известно, освоение новой техники и поднятие производительности труда на новую ступень. Эти задачи

¹ Сталин, Об итогах июльского пленума ЦК 1928 г., «Вопросы ленинизма», изд. 2-е, 1930 г., стр. 424. (Разрядка моя. — Э. Б.)

² Сталин, Политотчет XVI партсъезду, «Стенографический отчет XVI партсъезда», стр. 42—43, изд. «Московский рабочий», 1931 г. (Разрядка моя. — Э. Б.)

³ Сталин, Политотчет XVII партсъезду, «Стенографический отчет», стр. 17, Партиздат, 1934 г. (Разрядка моя. — Э. Б.)

с особой остротой стоят перед машиностроением, за которым остается ведущая роль в завершении технической реконструкции и для которого проблема освоения имеет поэтому исключительное значение. И здесь проблема кадров выступает во всей своей остроте. «Решающим условием осуществления технической реконструкции, — гласит резолюция XVII съезда, — освоения техники и выполнения заданий по производительности труда является подготовка квалифицированных рабочих, техников и инженеров, разрешение проблемы создания собственной пролетарской производственно-технической интеллигенции»¹.

Сталинские лозунги — «кадры решают все», «техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса» — являются боевыми лозунгами дня, вдохновившими миллионы на борьбу за осуществление генеральной задачи второй пятилетки, — освоения техники и повышения производительности труда. Это — лозунги, вдохновившие могучее движение наших дней, стахановско-бусыгинское движение.

Это историческое движение стало возможным благодаря громадному культурно-техническому росту рабочих кадров, усвоению ими нового стиля работы. Стахановское движение является показателем огромного культурно-технического развития рабочих, ибо стахановец — не просто дооросовестный исполнитель указаний и директив инженерно-технического руководства, а активный участник в разработке технологического процесса, режима работы и всей системы организации труда. Стахановско-бусыгинское движение «содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса» (Сталин), который обеспечивает переход от социализма к коммунизму.

Выращивание из этого зерна пышных цветов и плодов подлинно социалистической культуры труда является очередной задачей партии и всего рабочего класса. В порядке осуществления этой задачи партия на декабрьском (1935 г.) пленуме ЦК наметила ряд конкретных мероприятий, которые идут по линии дальнейшего повышения культурно-технического уровня стахановцев и массового охвата техучебой всех рабочих и работниц. Учтя доказанную на опыте стахановского движения эффективность техучебы в форме техминимума, декабрьский пленум ЦК постановил «сделать обучение техническому минимуму всеобщим и обязательным для всех рабочих и работниц, подчинив это важнейшее дело задаче подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда». Для пополнения технических знаний стахановцев намечено создание специальных курсов без отрыва от производства.

Так партия развертывает на новой, более высокой, основе новый, более широкий, фронт технической учебы, имея перед собой историческую перспективу ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом.

Подготовка кадров учебной сетью машиностроения

В соответствии с партийными директивами развертывалась подготовка кадров в машиностроении. За 1930 — 1934 гг. подготовлено, по данным НКТП, 45,6 тыс. ИТР для машиностроения, или 29% общего

¹ «Стенографический отчет XVII партсъезда», Партиздат, 1934 г., стр. 665.

количества подготовленных за эти годы для всех отраслей тяжелой промышленности. Удельный вес рабочих машиностроения в общей массе подготовленных характеризуется следующими данными:

	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
Всего подготовлено рабочих-машиностроителей (в тыс.)	8,5	81,1	80,3	89,1	100,6
% машиностроения во всей тяжелой промышленности	46,7	28,2	25,3	20,7	21,1

Большое значение в деле подготовки рабочих кадров приобрело в последнее время повышение квалификации в порядке проработки техминимума. Постановление правительства об обязательной сдаче государственного технического экзамена рабочими 255 производственных профессий имело исключительное значение. По данным на 1/VII 1935 г., сдало гостехэкзамен 195,8 тыс. рабочих машиностроения из 212 тыс., намеченных по плану, что составляло 92,4%. Из них 22,2% сдало на «отлично», 43,1% — на «хорошо», 34,7% — на «удовлетворительно». Техминимум сыграл, как известно, огромную роль в подготовке стахановского движения. Лучшие стахановцы — отличники техучебы.

Таким образом мы видим, что и в абсолютном выражении, и по относительным показателям объем подготовки кадров машиностроения вполне соответствует значимости этой отрасли в народном хозяйстве. В результате мы имеем значительный рост ИТР.

Динамика численности и удельного веса инженерно-технических работников в машиностроении за период с 1930 по 1935 г.

Г о д ы	Количество инженерно-технических работников (в тыс.)	Прирост по отношению к предыдущему году		Прирост по отношению к 1930 г.		На 1000 рабочих приходится ИТР
		абсол.	в %	абсол.	в %	
На 1 янв. 1930 ¹	27,3	—	—	—	—	65
» 1 » 1931 ¹	58,9	31,6	115,8	31,6	115,8	81
» 1 » 1932 ¹	100,5	41,6	70,6	73,2	268,1	108
» 1 » 1933	128,9	28,4	28,3	101,6	372,2	135
» 1 » 1934	144,0	15,1	11,7	116,7	427,5	121
» 1 » 1935	158,8	14,8	10,3	131,5	481,7	121
» 1/VII 1935 г. (предварительные данные) ²	203,3	—	—	176,0	744,7	128

Приведенные данные, к сожалению, не совсем сопоставимы, так как в 1930 — 1932 гг. в учет вошел и административный персонал, который в последующие годы исключался. При полной сопоставимости рядов динамика показала бы более высокие темпы роста абсолютного числа ИТР и более высокие относительные показатели. Но даже при указанном дефекте учета приведенные цифры

¹ Включая административный персонал без электротехники.

² Включая электротехнику.

свидетельствуют о колоссальном росте ИТР: с 27,3 тыс. до 158,8 на I/I 1935 г., т. е. почти в 6 раз, и до 203,3 на I/VI 1935 г., т. е. в 7,5 раза. Степень насыщенности машиностроительных предприятий ИТР увеличилась с 65 чел. на 1000 рабочих до 121 на I/I 1935 г. и 128 на I/VI 1935 г. Данные на I/VI 1935 г. не совсем сопоставимы с данными предыдущих дат ввиду изменения системы учета и включения в итог электротехники. Данные о степени насыщенности машиностроения ИТР в связи с этим обстоятельством надо считать несколько преувеличенными, но не больше, чем на 1—2 процентные единицы.

Чем крупнее предприятие, тем больше инженерно-техническая прослойка не только абсолютно, но и относительно. Если на предприятие с количеством рабочих до 50 чел. приходится 1,03% ИТР, то на предприятие с количеством рабочих в 101—250 чел. приходится 1,14% ИТР, на предприятие с количеством рабочих в 1 001—3 000 чел. — 1,36% ИТР и на предприятие в 5 000—10 000 раб. — 1,59% ИТР.

Значительная часть специалистов получила специальное образование в период первой пятилетки. Эта категория специалистов составляет, по данным на I/XI 1933 г., 61,6% всех специалистов с высшим образованием и 63,2% специалистов со средним образованием. Среди молодых специалистов с высшим и средним образованием 27,0% составляют, по данным на I/XI 1933 г., рабочие и дети рабочих. Если же учесть ИТР-практиков, то рабочая прослойка повышает свой удельный вес до 45,7%.

Директива партии о создании собственных командных и инженерно-технических работников осуществляется таким образом в машиностроительной промышленности с полным успехом.

Данные о социальном составе учащихся технических учебных заведений создают уверенность в том, что рост пролетарской прослойки среди ИТР обеспечен и в будущем; 60,5% слушателей втузов, 57,7% учащихся техникумов и 76,9% учащихся рабфаков падают, по данным на I/I 1935 г., на рабочих и их детей.

Социалистические формы труда и воспитание кадров

Отсутствие эксплуатации и вытекающее отсюда развитие коммунистического отношения к труду являются, как указал т. Сталин, одним из источников стахановского движения. «...Трудовой человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать, — он герой труда, он овеян славой»¹. Это общественное значение социалистического труда, превращение труда из тяжелого принудительного в дело чести, славы, доблести и героизма является источником развития коммунистического сознания и энтузиазма, которые нашли свое выражение в новых социалистических формах труда, в том числе и в стахановском движении. Но социалистические формы труда — это не только выражение высшего сознания и коммунистической организации труда; они являются одновременно и той школой, где воспитывается это сознание, где выковываются новые кадры и вырабатываются новые методы организации труда.

¹ Сталин, Речь на I Всесоюзном совещании стахановцев, стр. 17, Партиздат, 1935 г.

Достижения в области подготовки рабочих и инженерно-технических кадров являются результатом не только развития учебно-просветительной сети; они находятся в прямой связи с развертыванием массовой активности рабочих непосредственно по линии производственной работы.

«...Школа — это только подготовительная ступень. Настоящая закалка кадров получается на живой работе, вне школы, на борьбе с трудностями, на преодолении трудностей»¹.

Одной из наиболее старых форм массовой активности пролетариата СССР являются производственные совещания. Будучи лабораторией, где прорабатываются новые методы рациональной организации труда, новые методы повышения производительности труда, производственные совещания являются одновременно школой воспитания новой культуры труда, «наилучшей формой втягивания широких рабочих масс в дело практического строительства советского хозяйства, воспитания в них понимания тесной зависимости интересов трудящихся от степени хозяйственных успехов социалистического государства, выдвижения и воспитания новых кадров хозяйственников и администраторов из среды рабочих»².

Уже в восстановительный период производственные совещания играют большую роль в деле воспитания кадров. В начальный период реконструкции производственные совещания становятся массовым явлением, охватив, по данным 1926—1927 гг., 52% рабочих союза металлистов. Окрыленный успехами индустриализации, имея перед собой конкретный план развития хозяйства, четкую, ясную перспективу, охваченный могучим порывом «догнать и перегнать», рабочий класс СССР развивает в период первой пятилетки широкую инициативу по изысканию новых форм организации труда, новых методов производства и способов повышения производительности труда.

Партия во главе с т. Сталиным подхватывает все новые зачатки социалистических форм труда, вырабатывает их, как некогда Ленин субботники, поощряет их развитие и направляет в правильное русло. Тов. Сталин указывает, что соцсоревнование представляет собой рычаг для решительного переворота в области организации труда и повышения производительности труда, что соцсоревнование—«творческая помощь отставшим со стороны передовых с тем, чтобы добиться общего подъема» (Сталин), «превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше. в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма» (Сталин). XVI партийная конференция обращается к рабочим с особым воззванием о развитии соцсоревнования. Тов. Сталин на XVI партсъезде резко осуждает «мудрецов», не сумевших разглядеть подлинного значения соцсоревнования, как показателя роста коммунистического сознания и коммунистического отношения к труду, как мощного рычага повышения производительности труда. Широкое развитие соцсоревнования и ударничества вовлекло миллионные массы в борьбу за повышение производительности, за развитие социалистического строительства.

Охват соцсоревнованием рабочих союза металлистов (отдельно машиностроение не учитывалось) составлял в 1930 г. 36%, а по данным на июль 1935 г. охват отдельных отраслей машиностроения соцсоревнованием колеблется между 70 — 85%.

¹ Сталин, Речь на выпуске академиков Красной армии 4/V 1935 г.

² Из резолюций XIV съезда ВКП(б). «Стенографический отчет XIV съезда», Гиз 1926 г., стр. 979.

Соревнование ведется между рабочими внутри бригады, между бригадами внутри завода, между отдельными заводами. Социалистическое соревнование как форма взаимопомощи, как форма учебы в процессе практической работы находит свое выражение не только в том, что соревнующиеся рабочие данного предприятия помогают своим опытом друг другу, — оно приводит в движение коллективы различных предприятий в совместной борьбе за выполнение планов соревнующихся заводов. Известно, какую большую роль сыграли рабочие Путиловского завода в развитии процесса освоения производства Сталинградского тракторного.

На базе социалистического соревнования широко разворачиваются массовое рационализаторство, изобретательство и новые методы организации труда. Десятки и сотни тысяч рабочих предложений и изобретений характеризуют колоссальный рост рабочей инициативы и растущий процесс выявления скрытых талантов. За одно только второе полугодие 1934 г. (более свежими данными мы не располагаем) 210 предприятий различных отраслей машиностроения разработали 77 824 рабочих предложения, в том числе 10 353 — по сельхозмашиностроению, 10 920 — по среднему машиностроению, 12 425 — по электромашиностроению и т. д. Процент принятых предложений колеблется между 32,2 в сельхозмашиностроении и 48,5 в станкостроении.

Вторая пятилетка подняла соцсоревнование на высшую ступень. Сформулированная т. Сталиным задача дополнения во второй пятилетке пафоса строительства пафосом освоения подняла новую волну соцсоревнования за овладение техникой, за повышение качественных и количественных показателей. Первыми этапами борьбы за освоение являются «отличничество» — борьба за качество продукции на основе освоения производства — и движение за рентабельность предприятий, развившееся на базе технического и организационного овладения производством. «Отличничество» и рентабельность были началом, зачатком мощного массового движения за освоение, выросшего впоследствии в стахановско-бусыгинское движение. Стахановско-бусыгинское движение представляет собой новую, высшую форму соцсоревнования в борьбе за план, за освоение техники во всем ее многообразии. Стахановско-бусыгинское движение включает в себя и соцсоревнование в старых формах борьбы за количественные показатели, и «отличничество» — борьбу за качество продукции, и рентабельность — борьбу за снижение себестоимости, и организованный поход за осуществление сталинского лозунга «выжать из техники все, что можно». В основе стахановского движения лежат ритм, размеренность, систематичность, глубокая продуманность всего технологического процесса и режима работы, серьезное, вдумчивое отношение ко всей системе организации труда. Характерными для стахановца являются не рывки, не штурм, а серьезность, сосредоточенность и вдумчивость в работе. Стахановец — не просто ударник, а ударник, овладевший техникой, ударник нового, высшего типа.

«Сразу трудно даже и установить, — пишет инж. Алексеев о стахановце с «Красного пролетария», — почему этот молодой, спокойный и, пожалуй, даже несколько медлительный в движениях монтажник Ермилов так резко опередил своих сотоварищей по работе. Однако, присмотревшись поближе к его работе, нельзя не заметить, что эта кажущаяся медлительность не случайна. Каждое его движение строго

рассчитано и предельно эффективно. Ему незачем торопиться — он одним продуманным, спокойным и уверенным приемом достигает сразу того, что другим удастся сделать лишь в несколько приемов... Так, продумывая каждую мелочь, экономия, где надо, доли секунды и не торопясь там, где это может принести только вред, уплотняя свою работу и выбрасывая излишние приемы, он затрачивает на пригонку двух вкладышей всего 3,5 часа, в то время как норма на эту операцию 8 часов»¹.

Сила стахановско-бусыгинского движения в том, что оно основано на глубоком знании дела, на серьезном, вдумчивом отношении к производственному процессу, на знании техники, на правильной расстановке людей и рациональном разделении труда, на хорошей подготовке рабочего места. Секрет успеха Стаханова заключается в том, что он на основе правильной организации производственного процесса использует себя, как специалиста-забойщика, и свой отбойный молоток не на 50%, как раньше, когда он рубал и крепил, а на все 100. Секрет успехов стахановско-бусыгинского движения в машиностроении объясняется тем, что ликвидированы старые штампы организации труда и режима работы. Вносятся поправки в казалось бы незыблемые технические каноны, решительно меняется система организации производственного процесса. Приведем несколько фактов из области изменения технологии производства и режима работы.

1. Фрезеровщик III разряда Гудов на станкостроительном заводе им. Орджоникидзе с мая по август выполнял норму на 200—220—248%. Рекордную выработку т. Гудов показал, изготовив 177 деталей 37/2027 вместо 42—43 по плану. Гудов потратил на деталь 3,73 мин. против 15,5 мин. по заводской норме и 10,5 мин. по немецкой норме. Как же он добился этих результатов?

Вместо того чтобы фрезеровать в два прохода — сначала фрезером диаметром в 110 мм, а потом диаметром в 175 мм, — Гудов резал в один проход сразу чисто фрезы диаметром в 175 мм. Зная, что при такой форсированной работе фрезы будут тупиться быстрее, чем обычно, он все время имел в запасе один свежезаточенный инструмент. Как только инструмент затуплялся, он его снимал, ставил острый, а тупой отдавал в заточку. Мало того, что работа шла в один проход, Гудов вел ее на более быстрых подачах. Величину подачи определил опытным путем. Первую деталь пропустил, передвигая ствол вручную, чтобы почувствовать, при какой подаче фрез начинает «дробить». Эта подача оказалась примерно вдвое больше, чем запроектированная. Таким образом успех своей работы Гудов обеспечивает, во-первых, тем, что повышает запроектированные режимы за счет более быстрого износа режущего инструмента, и, во-вторых, тем, что он сокращает холостой ход фрезы, заменяя медленную самокатную подачу ручной².

2. На заводе «Динамо» раньше один остов мотора «ДПО-340» строга-ли в течение трех смен. Сейчас Ване Коновалову достаточно одной смены на эту работу. Стоимость строжки остова он снизил с 35 до 14 руб. за штуку.

Как добился Ваня Коновалов таких успехов?

До него остовы моторов строга-ли одним суппортом, иногда двумя.

¹ Газета «Техника» от 15/X 1935 г.

² Там же, 6/X 1935 г.

Он первый на заводе начал работать одновременно четырьмя суппортами. Сам приспособил к ним резцы и остов. Впервые он же ввел на заводе строжку фасов остова специальными резцами под угольники. Его нововведение позволило выполнить эту часть работы на «отлично» даже заурядным строгальщикам¹.

3. Слесарь-монтажник стахановец т. Байков на заводе «Красный пролетарий» монтирует суппорт станка «ДИП-300». Он должен припилить клин, собрать винт продольного суппорта, прошабрить клин, посадить головку на штифт, посадить бронзовую гайку и т. д. На все эти работы дана норма 5 час. 10 мин., а т. Байков выполняет их в 2—2½ часа. Причины его успеха установить нетрудно. Вместо того, чтобы от начала до конца собирать всего лишь один суппорт, он организовал на своем рабочем месте нечто вроде поточного производства. Он учел, что основное, на чем он теряет свое рабочее время, это—укомплектовка суппорта деталями и частая смена рабочего места и инструмента. Чтобы избежать этих потерь, он заготавливает на своем верстаке детали не для одного, а сразу для 5—10 суппортов и потом уже и монтирует их последовательно, деталь за деталью.

Вдумчивый подход позволил ему значительно уплотнить время на самую трудоемкую операцию—пригонку стального клина. Тов. Байков добился этого, сократив до предела шабровку, оставляя на нее лишь минимальный припуск. Центр тяжести работы над клином он перенес на «облицовку», т. е. на снятие излишка металла².

4. Раньше рабочий Горшков на Горьковском автозаводе производил над своей деталью согласно норме две операции (зачистка и правка заусениц) последовательно на двух разных станках, причем, когда производилась вторая операция на втором станке, первый работал вхолостую. Бусыгинец Горшков стал производить эти операции одновременно, перевыполняя благодаря этому норму почти вдвое.

5. Брянский токарь Григорий Лихорадов почти вчетверо перевыполняет норму по расточке бандажей. Чем это объяснить? «Когда я увидел,—сообщает Лихорадов,—что резцы давят, а не режут металл, стал по косточкам изучать процесс и придумал резцы другого фасона. Они более стойкие и производительные»³. Успехи Лихорадова имеют такое громадное значение для вагоностроения, что Главвагонпром откомандировал его для передачи своего опыта на Ленинградский вагоностроительный завод им. Егорова. Расточка бандажей была узким местом полускатных цехов. Объясняли это обычно изношенностью станков. Токарь Лихорадов доказал, что дело не в изношенности станков, а в инертности и консерватизме работников и методов работы.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих значение подготовки производства и рабочего места в повышении производительности труда.

1. На одном из заводов спецмашиностроения доводчик Н. А. Николаев выполняет норму на 833%, доводчик В. К. Федин—450, доводчик Голубинский—466, токарь В. Н. Типикин—433 и наконец сверловщицы Макарова и Славникова—до 500%.

Секрет этого поразительного явления—в отличной организации рабочего места. Инженер Нечаев сумел добиться того, что рабочий не

¹ Газета «Техника» от 27/X 1935 г.

² Там же, 15/X 1935 г.

³ Газета «За индустриализацию» от 24/X 1935 г.

делает ни одного лишнего движения. Справа на стеллаже удобно сложены детали для обработки. Слева устроен стеллаж для деталей, прошедших операцию. Во время возобновляются запасы деталей; во время убираются обработанные. Все под руками. Рабочему теперь не приходится вертеться вокруг станка в поисках в груде заготовок той детали, на обработку которой сейчас настроен станок¹.

2. Раньше в стержневом отделении литейного цеха Горьковского автозавода квалифицированный рабочий сам должен был таскать откуда-то со стороны плиты, дрейера, подсобные материалы. На это уходило немало рабочего времени. Теперь он этого не делает. На шесть производственных рабочих введен один подсобный рабочий. Раньше тяжелые плиты лежали на полу. Рабочий должен был то и дело нагибаться и поднимать эти плиты. Теперь сделана подставка, на нее положены плиты, и тем самым рабочий освобождается от множества утомительных движений. Раньше дрейера лежали в беспорядке, рабочий должен был всякий раз оглядываться и искать их. Сейчас они висят на специальной проволоке. Стоит только протянуть руку в определенном направлении — и дело сделано.

Стахановское движение началось с одиночек, но оно становится массовым движением. Стахановский подход к работе и глубокое знание своего дела уже теперь помогли десяткам лучших производственников-машиностроителей перекрыть нормы машинного времени не только передовых советских предприятий, но в ряде случаев и лучших заводов заграницы. Александр Бусыгин отковывает коленчатый вал за 27 сек. в то время, как американские кузнецы затрачивают на это 36 сек. Формовщик автозавода им. Сталина т. Смирнов в 2,5 раза перекрывает американские нормы по формовке рулевого управления автомобиля. Фрезеровщик станкозавода им. Орджоникидзе т. Гудов перекрывает, как мы видели выше, немецкую норму по детали № 37/2027 в 3 раза. Кузнец Луганского паровозостроительного завода им. Октябрьской революции комсомолец Петр Лиходит в 5 раз перевыполнил норму по ковке. На вагоностроительном заводе им. Егорова из 335 рабочих, изменивших методы работы, 140 выполняют норму на 200 и больше процентов. 1 ноября прессовщик этого завода т. Петров выполнил задание на 450%, бригада маляров т. Денисенко выполнила норму на 352%, шлифовщик т. Лейко — на 360%, токарь т. Поляков — на 370% и т. д. Строгальщик Белых, один из первых стахановцев завода «Динамо» им. Кирова, перевыполнил американскую норму по строжке полюсов остова «ДПЭ-340» больше чем вчетверо, а английской фирмы «Метро-Виккерс» — больше чем в 3 раза. Токарь Аристархов с Московского инструментального завода на рядовом токарном станке добился при нарезке газовых метчиков скорости резания 120 м в минуту. Германская фирма Вебер—Рейхер считает на этих работах технически предельной скоростью резания 10—18 м в минуту и т. д.

Необходимо заметить, что высокая производительность труда сопровождается улучшением качества продукции. Внедрение стахановского метода идет параллельно с развитием отличия, сокращением количества поломок станков и простоев из-за ремонта. Все стахановцы — отличники. Среди них нет ни бракоделов, ни аварийщиков. Количество аварий и поломок оборудования на ряде заводов при развертывании стахановского движения снизилось в 2—3 раза, несмотря на резкое увеличение нагрузки этого оборудования.

¹ Газета «За индустриализацию» от 29/IX 1935 г.

Кто же они, эти стахановцы, так успешно перекрывающие высокие заграничные нормы? кто они? крупные специалисты, великие ученые?

Нет, это вчерашний неграмотный лесоруб, потом смазчик, а затем рядовой кузнец Бусыгин; это «кухаркин сын», бывший пастух, токарь Лихорадов; это белорусская крестьянка, бывшая пастушка, юная сверловщица, мечтающая об учебе, увлекающаяся парашютным спортом Славникова и т. д.; это рабочие низы, прошедшие школу коммунизма на социалистическом предприятии, воодушевленные сталинским лозунгом «выжать из техники все, что можно». Это широкие рабочие массы, овладевшие техникой и охваченные энтузиазмом социалистического строительства, подняли это могучее стахановское движение за освоение техники, за новые методы работы, за повышение производительности труда. Это движение пришло снизу, всколыхнув широкую заводскую общественность, включая и руководящий технический и административный персонал, который не может не реагировать на движение масс. «Стахановское движение, — пишет академик Бардин, — это своеобразный вызов на соревнование, брошенный рабочими организаторам производства: техникам, инженерам и хозяйственникам. «Я буду работать изо всех сил, но ты меня обеспечь работой так, чтобы она не пропадала даром и каждое мое движение превращалось бы в полезный труд», — говорит нам стахановец. Выбора тут нет: или вызов на соревнование должен быть подхвачен техниками, инженерами и директорами, или они — специалисты, хозяйственники — должны уступить свое место другим, способным на это»¹.

В большинстве своем инженерно-технические кадры откликнулись на вызов масс. Передовые инженерно-технические работники дружно включаются в стахановское движение, способствуя лучшей организации производства, организации живого инструмента и поощрению всякой разумной инициативы, идущей снизу. Результатом единодушной борьбы командных и низовых рабочих кадров за новые методы работы является значительное развитие стахановского движения не только в смысле количественного увеличения стахановцев, но и в смысле качественного роста движения. Стахановские сутки, пятидневки, декады, которые начали применяться в машиностроении, как и в других отраслях промышленности, свидетельствуют о подъеме стахановского движения на высшую ступень, о превращении его в массовое движение.

Вдохновителем стахановского движения является, как правильно указывают стахановцы, т. Сталин. Сталинское внимание к проблеме кадров, сталинское внимание к делу воспитания новой культуры труда, к соцсоревнованию, как рычагу, который должен «повернуть всю хозяйственную и культурную жизнь на базе социализма» (Сталин), подготовили стахановско-бусыгинское движение и вдохновляют стахановцев на дальнейшее его развитие.

Стахановско-бусыгинское движение есть высшая форма соцсоревнования, возникшая на базе новой техники и нового высшего качества рабочей силы, оно является в то же время школой воспитания широких масс рабочих, постепенно усваивающих стахановские методы работы, и дальнейшего усовершенствования пионеров стахановского движения.

¹ Газета «Правда» от 7/XI 1935 г.

Зарплата — рычаг повышения качества рабочей силы и производительности труда

Одним из важных рычагов повышения квалификации рабочего и роста производительности труда является политика заработной платы, поскольку она (политика) направлена, с одной стороны, на систематическое повышение материального уровня рабочего, а с другой стороны — через дифференциацию оплаты «по труду», — на стимулирующие повышения квалификации рабочего и роста производительности труда.

Рост уровня жизни рабочего класса СССР находит свое выражение прежде всего в том, что рабочий класс является хозяином, владельцем всего общественного богатства страны, что он не эксплуатировался, что он имеет, следовательно, возможность по мере роста социалистического накопления увеличить долю личного потребления в общественном доходе. «Уничтожение эксплуатации, — говорит т. Сталин, — уничтожение безработицы в городе, уничтожение нищеты в деревне — это такие исторические достижения в материальном положении трудящихся, о которых не могут даже мечтать рабочие и крестьяне самых что ни на есть «демократических» буржуазных стран»¹.

Зарботная плата рабочих машиностроения выросла за период 1928—1935 гг. больше чем вдвое. По абсолютному уровню среднемесячная зарботная плата выросла с 92,9 руб. на 1 рабочего в 1928 г. в среднем до 173,5 в 1934 г. и 210,6 в 1935 г. (среднее за 11 мес.). По абсолютному уровню зарплата рабочих машиностроения занимала вплоть до 1933 г. первое место среди всех отраслей промышленности, а с 1933 г. — второе. Во втором пятилетнем плане машиностроению отводится наравне с каменноугольной промышленностью и черной металлургией первое место по абсолютному уровню зарплат.

Что касается коллективного фонда потребления, который является дополнительной к индивидуальной зарплате статьей дохода рабочего СССР, то, поскольку он не учитывается отдельно по отраслям, мы можем судить о его влиянии на рост уровня жизни рабочих машиностроения только по темпу его нарастания в целом. Этот фонд вырос за период 1928—1935 гг. больше чем в 8,5 раза, составляя сумму в 8,5 млрд. руб.

Крутой подъем производительности труда в результате развертывания стахановского движения повлек за собой дальнейшее повышение зарплат рабочих и ИТР машиностроения. На станкозаводе им. Орджоникидзе средняя зарплата ИТР в ноябре выросла на 200 руб. по сравнению со средней за первое полугодие текущего года. Начальники трех основных производственных цехов заработали в октябре 1 250—1 850 руб., или 161—255% основного оклада. Зарплата рабочих этого завода ввиду слабого применения прогрессивки дает более низкие темпы роста, однако по сравнению со средней зарплатой первого полугодия 1935 г. средний заработок стахановцев в ноябре вырос на 134 руб., или на 60%.

Но вот еще более разительные цифры (см. табл. на стр. 65):

Зарботок стахановцев в ноябре—декабре²:

На Уралмаше 123 стахановца в ноябре заработали свыше 700 руб. каждый, из них 21 чел. заработал свыше 1 000 руб. На «Серпе и мо-

¹ Сталин, Политотчет XVII съезду партии, «Стенографический отчет», Партиздат, 1934 г., стр. 24.

² Газета «За индустриализацию» от 1/1 1936 г.

Заработок стахановцев за октябрь¹ (в руб.)

Завод «Красный Профинтерн»

Давыдкин — кузнец	1 131	Иоффе — зуборез	1 299
Васиков — строгальщик	1 411	Кондрахов — электросварщик . .	1 100
Ефимов — токарь	1 094	Новиков — нач. полускатн. цеха .	4 722
Дарымов — зуборез	1 623	Бершов — нач. смены этого цеха .	1 938
Игнатов — зуборез	1 256	Кузнецов — нач. прокатн. цеха .	2 166

Московский тормозный завод

Худолеев — слесарь	1 140	Кусков — мастер	1 424
Лисин — слесарь	1 187	Ушаков — пом. мастера	1 073

лоте» вальцовщики Крылов и Никитин заработали в декабре: первый 1 321 руб., второй 1 140 руб. На автозаводе им. Сталина кузнец Бобков зарабатывает изо дня в день 40—45 руб. в смену при тарифной ставке 17 р. 60 к., фрезеровщик Трофимов при ставке 11 р. 50 к. зарабатывает в среднем 32 руб.; точильщик Вешкин при ставке 6 р. 23 к. зарабатывает 25 руб. и т. д. Таким образом стахановское движение, имея одной из своих основ возросший уровень жизни трудящихся, обуславливает своим развитием дальнейшее повышение этого уровня; возросший уровень жизни рабочего в свою очередь создает условия для еще более мощного подъема производительности труда. «Когда весело живется, работа спорится» (Сталин).

Большую роль в росте уровня материального благосостояния и стимулировании повышения квалификации работников и производительности труда сыграла дифференциация оплаты «по труду». Это подчеркивал недавно закончившийся декабрьский пленум (1935 г.) ЦК, заостряя внимание партии на системе оплаты труда как одном из важнейших факторов развития стахановского движения.

«...Получается прямо закон, — говорит т. Андреев, — там, где существует прогрессивная и индивидуально-сдельная оплата, там, как правило, стахановское движение имеет большие размеры, там оно идет вперед».

Новое в системе зарплаты заключается в том, что промышленные предприятия, в частности машиностроительные, по-настоящему развернули борьбу за ликвидацию уравниловки и за повышение производительности труда. Самым существенным здесь является раскрепощение хозяйственников от связывающих их по рукам и ногам устаревших тарифных справочников. Хозяйственники получили право свободно маневрировать в пределах установленных для них фондов зарплаты. Директора заводов, начальники цехов имеют возможность за счет полученной от рационализации экономии повышать зарплату ИТР, выдавать премию отдельным работникам и т. д. Но такая свобода маневрирования существует пока только в отношении ИТР. Тут штамп уже изжит, оплачивается не должность, а работа, разные лица, занимающие одну и ту же должность, получают разные оклады в зависимости от качества их работы.

Превращение зарплат в подлинный рычаг повышения производительности труда нашло свое отражение в развитии поощряющих повышение производительности труда систем оплаты. Помимо прямой сдельщины широкое применение нашла так называемая прогрессивно-

¹ Газета «За индустриализацию» от 17/XI 1935 г.

премиальная система оплаты труда, практикуемая в отношении тех участков производства, где нельзя вводить сдельщину.

С точки зрения подготовки стахановского движения прогрессивно-премиальная система имеет колоссальное значение, поскольку она поощряет лучшее качество работы и командиров производства — ИТР, и работников тыла — ремонтных рабочих, крановщиков, рабочих инструментальной кладовой и пр., роль которых в условиях стахановского движения чрезвычайно возросла.

Прогрессивно-премиальной системой устанавливаются соответствующие факторы премирования, варьируемые для каждой категории рабочих в зависимости от характера ее работы. Так, например, для начальников и мастеров — количественные и качественные показатели выполнения плана; для нормировщиков — качество технормирования; для экономистов цеха — уровень цеховых накладных расходов; для ремонтных слесарей и работников инструментальных кладовых — сокращение простоев оборудования из-за ремонта и отсутствия инструмента и т. д.

Премия начисляется согласно установленной шкале, предусматривающей определенную прибавку к основному окладу в случае выполнения и перевыполнения соответствующих показателей и, наоборот, — снижение в определенном проценте основного оклада при условии невыполнения установленных показателей. Прогрессивно-премиальная система относится к разряду наиболее рациональных систем оплаты с точки зрения обеспечения дальнейшего развития стахановского движения. Однако в свете задач, стоящих перед промышленностью сейчас в области развития стахановского движения, эта система нуждается в известных дополнениях. Массовый охват рабочих стахановским движением, переход к стахановским сменам, пятидневкам и месяцам ставит особенно остро вопрос о взаимной увязке между собой работы отдельных производственных участков, о расшивке узких мест и организации бесперебойной ритмичной работы всех звеньев единой производственной цепи. Правильная система зарплаты, как показала практика, имеет в данном случае исключительное значение. В процессе подготовки стахановских суток и пятидневок хозяйственники неизбежно наталкиваются на необходимость пересмотра системы оплаты как одного из лучших средств подтягивания отстающих участков. Основные недочеты существующей системы следующие: по линии оплаты ИТР они заключаются в том, что для обеспечения производственного ритма недостаточно учитывать выполнение цехом своего плана, а надо принять во внимание и обслуживаемые данным цехом производственные участки; например, при учете работы инструментального цеха — степень обеспечения им нормальной работы механических цехов, при учете работы механических цехов — их влияние на выполнение плана сборки. Передовые машиностроительные заводы, как например, станкозавод им. Орджоникидзе, учитывают эту взаимосвязь в практикуемой ими премиальной системе для ИТР, предусматривающей соответствующее увеличение премии в зависимости от выполнения планов обслуживаемых цехов. Но этого недостаточно. Для установления действительной тесной связи между уровнем зарплаты и производственной эффективностью предприятия в целом надо поставить во главу угла комплектность изделий и подекадное выполнение плана механическими цехами. Только тогда обеспечатся бесперебойность работы наиболее решающего участка предприятия — сборочного цеха — и выполнение заводом производственной программы. Что же касается си-

стемы оплаты производственного тыла, то тут необходимо увязывать зарплату обслуживающих категорий рабочих с выполнением плана производственными рабочими обслуживаемых ими участков.

Одним из основных мероприятий при подготовке стахановских суток и пятидневок является пересмотр системы оплаты в сторону большей увязки уровня зарплаты всех категорий рабочих с качественными и количественными показателями выполнения плана. Перестройка зарплаты еще не приняла однако характера системы, а производится от случая к случаю; в этом сейчас слабая сторона машиностроения по части перестройки зарплаты. Говоря о недостатках существующей системы оплаты в машиностроении, необходимо особенно подчеркнуть слабое развитие прогрессивно-сдельной системы оплаты труда. Широко распространенная в период 1931/32 г. прогрессивно-сдельная система была к концу 1932 г. дискредитирована ввиду плохой ее организации и свернулась до минимума. Одной из причин слабого применения этой системы являются устаревшие технические нормы и неизбежные в связи с этим вздутые фонды зарплаты. Эти «объективные» причины при надлежащей подготовке к перестройке можно однако устранить и до пересмотра технических норм. Практически этот вопрос разрешается повышением исходной базы при начислении прогрессивных приработков: исходным считается не обязательно 100% выполнения норм, а в зависимости от качества норм 110, 120% и выше.

Организация труда, технормирование и производительность труда

Результатом технической реконструкции и победоносной борьбы за кадры являются улучшение организации труда и рост производительности труда, осуществляющиеся на высоком уровне, особенно в последнее время, в период развития стахановского движения.

Стахановско-бусыгинское движение подняло, как мы видели выше, на новую, более высокую ступень организацию труда. По-новому ставится вопрос о подготовке производства, организации рабочего места и расстановке сил в процессе производства. Стахановское движение отрицает обезличку, бьет по уравниловке, опрокидывает все старые представления о производственных нормативах, о предельных мощностях оборудования, о нормах выработки.

Стахановское движение поставило во всей остроте вопрос о пересмотре технических норм и норм выработки, о превращении технормирования в действительный двигатель организации труда и развития производительности труда.

Старые технические нормы, как указал т. Сталин на совещании стахановцев, мешали возникновению новой, высшей формы организации труда. Даже лучшие, так называемые «технически обоснованные», нормы настолько не соответствуют производственным условиям и возможностям нашей промышленности, что они вместо того, чтобы мобилизовать рабочих на повышение производительности труда и организовать «широкие массы рабочих вокруг передовых элементов рабочего класса» (Сталин), закрепляют сегодняшнюю нашу отсталость. Из общего количества «технически обоснованных» норм, которые охватывают, по данным майского пересмотра норм, только $\frac{1}{3}$ всех норм машиностроения, едва 2—3% обеспечены организован-

ным инструктажем (регламентированный режим обработки, инструкционная карта, несколько упорядоченная организация рабочего места).

Иллюстрацией качества технормирования могут служить следующие факты:

«По специальному заданию сектора труда НКТП пять крупнейших ленинградских заводов разработали технологический процессковки и пронормировали 15 различного рода поковок, причем последние были выбраны по габаритам применительно к мощности имеющегося оборудования и конфигурации поковок, обычно выполняемых цехами. В результате колебания норм времени на одни и те же поковки оказались по разным заводам например таковы: 1,7 мин. — 13 мин.; 50 мин. — 150 мин.; 18,5 мин. — 210 мин. и т. д. Состав необходимой бригады от 2 до 6 чел.; от 3 до 10 и 11 чел. и т. д. Стоимость — от 7 до 40 коп., от 2 р. 35 к. до 24 р. 45 к. и т. д.»¹.

Приведем еще несколько фактов из практики технормирования на станкозаводе им. Орджоникидзе, свидетельствующих о непродуманности технологического процесса при построении норм. При разработке норм для детали 1 011 станка 1 338 (II квартал 1935 г.) строжка под планку запроектирована боковым суппортом в то время, как форма детали требует обработки крюковым резцом²; не была учтена перестановка детали в процессе работы и т. п. Нормы для детали 162 011 — расточка главных отверстий — были разработаны без учета конструкции инструмента, делающего невозможным одновременный проход двух отверстий, предусмотренных нормой, и т. д.

Стахановско-бусыгинское движение выявило устарелость наших норм и консерватизм наших нормировщиков, цепляющихся за отходящую в область истории техническую отсталость наших рабочих.

Изменение в результате стахановского движения технологии производства, режимов и организации труда в целом делает возможным, как мы видели выше, колоссальное перевыполнение не только наших, но и более высоких заграничных норм выработки. По мере развития стахановского движения и распространения стахановских методов работы перевыполнение установленных норм выработки становится массовым явлением. Достаточно указать на практику стахановских суток и пятдневок, когда целые цехи и заводы перевыполняют нормы на 200 и выше процентов (станкозаводы «Красный пролетарий» и им. Орджоникидзе, завод № 37 и т. д.).

Промышленность сейчас готовится к пересмотру на основе решений пленума ЦК технических норм и норм выработки. Руководящим в этой работе является сталинский принцип «выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать». Практически это означает радикальный пересмотр с учетом опыта лучших стахановцев технологического процесса и режимов работы и изменение организации труда в целом. В соответствии с директивами декабрьского пленума лучшие инженерно-технические силы заняты подготовкой материалов для новых норм; составляются карты режимов, устанавливаются нормы машинного и ручного времени, прорабатываются нормативы для ручных профессий (слесарей и др.). Новые технические нормы, обоснованные всеми достижениями науки, подкрепленные практическим опытом передовых стахановцев, будут вести вперед нашу промышленность и широкие рабочие массы, которые уже сейчас ориентируются не на старые, отсталые нормы, а на передовые, стахановские.

¹ «Предприятие» № 14 за 1935 г., стр. 3.

За период реконструкции рабочий класс добился громадного повышения производительности труда в промышленности, в частности в машиностроении. Производительность труда в машиностроении выросла за период 1927—1934 г. почти в 3 раза. За период первой пятилетки (1929—1932 г.) производительность труда выросла на 57,4%. Только за первые два года второй пятилетки выработка на 1 рабочего выросла на 41,8% по сравнению с 1932 г., а за 11 мес. 1935 г. — на 18% в среднем по сравнению с 11 мес. 1934 г.

Стахановское движение вписало новую, славную страницу в историю развития производительности труда. Ленинский лозунг о том, что социализм создаст более высокую, чем при капитализме, производительность труда и этим обеспечит себе окончательную победу, претворяется в жизнь. Стахановское движение «открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму»¹.

¹ Сталин, Речь на I Всесоюзном совещании стахановцев, Партиздат, 1935 г. стр. 11.

Задачи преподавания политической экономики

Какие задачи стоят в настоящий момент перед преподавателями экономических дисциплин? Прежде, чем ответить на этот вопрос, следует вспомнить о том, как ставился вопрос о политической экономии и ее изучении Марксом и Энгельсом. Энгельс в «Анти-Дюринге» говорит: «Политическая экономия, как наука об условиях и формах производства и обмена продуктов в различных человеческих обществах и о соответствующих способах распределения этих продуктов, — такая политическая экономия, в широком смысле этого слова, еще должна быть создана. То, что дает нам в настоящее время экономическая наука, ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства: она начинается с критики остатков феодальных форм производства и обмена, указывает на необходимость замены их капиталистическими формами, затем развивает законы капиталистического способа производства и соответствующих ему форм обмена с положительной стороны, т. е. поскольку они соответствуют интересам всего общества, и заканчивает социалистической критикой капиталистического способа производства, т. е. изложением его законов с отрицательной стороны, указанием на то, что этот способ производства путем собственного своего развития стремится к той точке, где он сам становится невозможным»¹.

Энгельс отмечает, что Маркс впервые в политической экономии сравнивает капиталистический способ производства с целым рядом других общественно-экономических формаций. Таким образом, Маркс впервые дает пример сравнительного изучения и добуржуазной экономики. Однако Энгельс с неоспоримой ясностью формулирует то положение, что политическая экономия до сих пор ограничивается изучением капиталистического способа производства.

С тех пор, как основоположники марксизма писали это, прошло много лет. Капиталистический способ производства переживает глубокий кризис, переживает крушение. Уже 18 лет существует диктатура пролетариата на одной шестой части земного шара. Перед глазами человечества уже рельефно вырисовываются контуры нового общества — бесклассового социалистического общества, новой общественно-экономической формации. Борьба между капиталистическим способом производства и новым строем — строем социализма — достигла необычайной остроты и вступила в решающую свою полосу.

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, Партиздат, 1934 г., стр. 107.

Какие основные задачи стоят в этой обстановке перед экономистами и экономистами-преподавателями?

Во-первых, стоит задача особенно усилить исторический и критический подход в преподавании политической экономии, экономических наук, — ибо совершенно ясно, что политическая экономия капиталистического способа производства не может теперь преподноситься так, как преподносилась, предположим, в эпоху промышленного капитализма.

И Маркс, и Энгельс, и Ленин, и Сталин всегда подчеркивали исторический подход к изучению общественно-экономических формаций; в настоящее время этот исторический и критический аспект должен быть особенно резко подчеркнут.

Тогда речь шла о политической экономии капитализма, который переживал в целом полосу подъема, а теперь речь идет о политической экономии капиталистического способа производства, который переживает полосу краха, речь идет о том, что рядом с капитализмом существует другая система, — система социализма. Ясно, что исторический и критический аспект в преподавании истории политической экономии в настоящее время должен быть подчеркнут со всей силой.

Во-вторых, перед экономистами, научными работниками и преподавателями нужно поставить важную задачу анализа явлений периода общего кризиса капитализма, эпохи его крушения, ибо эпоха крушения капитализма дает целый ряд новых форм в области развития производства и концентрации его, развития монополий, загнивания, дает много нового в формах и динамике циклических колебаний, в формах самого кризиса и т. д. и т. д.

Обострение классовой борьбы, установление в отдельных странах фашистской террористической диктатуры буржуазии также вызывают целый ряд новых своеобразных явлений, соответствующих эпохе краха капитализма.

Анализ этих новых явлений обязательно должен быть дан экономистами и в изучении и в преподавании политической экономии, если они хотят стоять на уровне требований, предъявляемых современной обстановкой.

Третья, важнейшая задача, которая стоит перед экономистами — научными работниками, преподавателями, это — построение преподавания политической экономии социализма, этой новой формации, вырастающей из переходного периода от капитализма к социализму.

Какими методами нужно решать эти важнейшие задачи? Их нужно решать теми же методами, которыми решались подобные задачи на протяжении всего развития марксизма-ленинизма.

После того, как Маркс сформулировал основные позиции диалектико-материалистического мировоззрения, встала задача изучения основных законов капиталистического способа производства. И Энгельс и Ленин ярко показывают в своих работах, как это было достигнуто Марксом.

Энгельс, описывая, каким образом Марксу удалось добиться создания политической экономии пролетариата и раскрыть законы капиталистического способа производства, говорил: «Одной фразой тут ничего не сделаешь... Только при помощи массового, критически проверенного, в совершенстве усвоенного исторического материала можно

успешно разрешить такую задачу»¹, которую предпринял тогда Маркс. Именно так был создан «Капитал» Маркса.

Ленин, объясняя в полемике с Михайловским, как Маркс выполнил свой исторический труд, также указывал, что «Маркс, высказавший эту гипотезу (гипотезу о материалистическом понимании истории. — Б. Б.) в 40-х гг., берется за фактическое... изучение материала. Он берет одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства — и на основании гигантской массы данных (которые он изучал не менее 25 лет) дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее»².

Перед нашими экономистами стоят задачи изучения и преподавания политической экономии, которая должна проанализировать новые явления капитализма и экономику советской страны. Ясно, что первейшим требованием, которое предъявляется к каждому из них, является изучение исторического материала, изучение фактов, накопление этих фактов, знание их, конкретное изучение всех явлений современного капитализма и тех явлений, которые характеризуют новую великую общественную экономическую формацию — социализм.

Работа Ленина об империализме, которая составила целую эпоху в развитии марксистской политической экономии и которая раскрыла основные законы империалистической стадии капитализма, так же как и целый ряд других работ Ленина, построена на добросовестнейшем и кропотливейшем изучении богатейшего материала эпохи империализма. Это особенно видно в ленинских тетрадях по империализму. Эта исключительная научная добросовестность гения революционной мысли является образцом для каждого научного работника, для каждого преподавателя. И если мы хотим и в курсе политической экономии и в курсе других экономических наук давать серьезное, связанное изложение процессов, мы должны прежде всего выполнить это необходимое требование — изучать и изучать конкретные исторические факты.

Работы Ленина и Сталина, давшие глубочайший анализ законов развития империализма и эпохи переходной от капитализма к социализму и открывшие перспективы развития социалистического и коммунистического общества, были созданы этими гениальными мыслителями-революционерами на основе изучения и обобщения величайшего опыта, накопленного в революции. Тщательное изучение и применение научного метода, созданного основоположниками и учителями марксизма-ленинизма, является условием, которое должно быть выполнено для того, чтобы можно было разрешить ответственные задачи, стоящие перед экономистами и экономистами-преподавателями.

Необходимо не только изучать исторический материал, накапливать его, — необходимо его обобщать. И образцы и метод этих великих обобщений опять-таки даны великими учителями марксизма-ленинизма. Нужно иметь в виду (а это часто забывается, особенно в курсах так называемой экономической политики), что при изложении экономической политики нельзя ограничиваться только изложением тех или других экономических мероприятий или описанием экономиче-

¹ Маркс, К критике политической экономии, Госиздат, 1929 г., стр. 4—5.

² Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, Соч., т. 1, стр. 61—62.

ских явлений, вызванных ими, но следует давать систематическое изложение конкретного экономического и исторического материала, которым преподаватель оперирует. Дать систематическое изложение на основе диалектического метода, дать связанное развитие общественно-экономических явлений — таково важнейшее требование экономической науки. Нужно дать науку в ее внутренней связи, как говорили Маркс и Энгельс.

Нет нужды доказывать, что разрешение этих задач в преподавательской работе, в преподавании экономических дисциплин — наиболее важное дело. Особенно это необходимо подчеркнуть в нынешних условиях, когда мы приближаемся к бесклассовому социалистическому обществу и когда преподавание экономической дисциплины должно дать связанное изложение тех законов, внутренних связей, структуры производственных отношений и их развития, которые характеризуют эту формацию.

Товарищ Сталин еще в своем выступлении на конференции аграрников-марксистов указывал на разрыв, существующий у нас между успехами в области теоретической мысли (это относится и к области преподавания) и теми практическими успехами, которых мы достигли. Если подойти с этой точки зрения к тому, как преподаются экономические науки, политическая экономия и экономическая политика, то нужно сказать с полной откровенностью, что экономисты-преподаватели не выполняют или выполняют в очень и очень небольшой мере задачи, стоящие перед ними.

Наиболее ярким нарушением требований социалистического строительства и марксизма-ленинизма вообще является сплошь да рядом еще сохранившийся абстрактно-схоластический характер преподавания политической экономии. Это видно из опыта ряда семинаров в ИКП и в вузах, а также из существующих программ и учебников. Между тем отнюдь недостаточно преподносить, особенно современному слушателю, готовые выводы марксовой политической экономии без исторического их обоснования и без разъяснения всего исторического хода развития капиталистического способа производства. Такое преподавание является прямым отрицанием марксизма и марксистско-ленинского метода.

Ленин еще в одной из своих ранних работ — в рецензии на книгу Богданова — указывает, что одной из основных задач является именно борьба с догматическим преподнесением выводов, с догматическим изучением политической экономии и что изображение явлений в историческом возникновении и развитии есть первейшее требование марксизма.

Именно это требование сплошь да рядом не выполняется преподавателями. Ряд наших учебников по политической экономии страдает этим коренным недостатком. Несмотря на то, что на экономическом фронте прошел ряд дискуссий, прошла известная дискуссия с рубинщиной и с механицизмом, несмотря на то, что была объявлена война схоластике, — до настоящего времени в преподавании политической экономии не исчез схоластический характер, а в некотором отношении имеется даже усугубление этого отрицательного явления. Жизнь ушла далеко вперед, а характер преподавания остался все тот же.

Возьмем, например, учебник Сегалю по политической экономии. В нем нет ни истории обмена, ни истории денег. Вы не найдете в нем истории борьбы пролетариата за рабочий день. Вы не найдете в нем истории мануфактуры и капиталистической фабрики. Автор учебника

«опустил» такую важнейшую тему, как технический переворот, историю машины и машинного способа производства при капитализме. В учебнике нет исторических данных о развитии концентрации, нет истории торгового капитала, истории процента, истории ренты и др. Естественно возникает вопрос, допустимо ли преподавать политическую экономию в таком виде. Нужно сказать, что у нас в СССР есть немало людей, не изучавших политической экономики, которые кое-что из выводов политической экономики слышали, которые знают из практического опыта кое-что о классовой борьбе, об эксплуатации, знают и о том, что стоимость создается трудом. Ряд подобных положений составляет непоколебимую основу практической деятельности миллионов людей. И если преподаватель ограничивается лишь догматическим установлением и абстрактным объяснением этих коренных выводов, то он не выполняет своей прямой обязанности — дать анализ капиталистического способа производства в историческом и критическом аспекте, показать на богатейшем историческом опыте, на фактах, примерах и иллюстрациях, как возник, как развивался и как гибнет капиталистический способ производства.

Ведь исторические разделы политической экономики в «Капитале» Маркса и в работах Ленина далеко не являются случайностью: они обосновывают и раскрывают самые законы капитализма.

В преподавании политической экономики следует особо отметить необходимость изучения новых явлений капитализма. Для этого нужно прежде всего изучать фактический исторический материал, факты экономического развития современного капитализма. Очень и очень еще мало у нас таких преподавателей, которые внимательно следят за развитием современного капитализма, за изменениями в его экономике, за конъюнктурой капиталистического хозяйства, за экономической политикой капиталистических государств. А без этого преподаватель не может дать того, что прежде всего интересует слушателя при изучении капитализма. Политическая экономия трактует о монополиях. Но нужно показать, как монополии развиваются и в современном положении капитализма. Нужно показать, как концентрация капитала, которая совершается и в последние годы, привела к новым политическим явлениям. Нужно показать изменения, которые произвел глубочайший экономический кризис. Нужно, наконец, показать те явления, которые связаны с установлением фашистской диктатуры буржуазии в некоторых капиталистических странах. Нужно повести решительную борьбу с теми идеями, которые преподносятся в современной буржуазной политэкономии. А делается ли это? Нет, не делается.

Сплошь и рядом преподаватели считают «хорошим тоном» даже не вспоминать о буржуазных экономистах, которые, дескать, пишут чепуху. Да, современные буржуазные экономисты пишут чепуху, но они пишут чепуху с точки зрения вполне сознательного революционера, с точки зрения развитого теоретически коммуниста, научного работника. Но если подойти к писаниям современных буржуазных экономистов с точки зрения преподавания и разъяснения основных законов капиталистического способа производства, с точки зрения разъяснения слушателям истин политической экономики, — рассмотрение и критика буржуазной экономики окажутся чрезвычайно полезными. Борьба с фа-

шистской политической экономией должна войти в качестве важнейшего составного звена в борьбу с буржуазными учениями.

Пренебрежительное отношение в преподавании к тому, что делается в среде буржуазных экономистов, к идеям, выдвигаемым буржуазной экономикой, нужно считать в высшей степени неправильным. Наша задача — борьба с фашистскими идеями, разоблачение их шаг за шагом. Но для этого их нужно хорошо знать. В частности нужно обязательно давать анализ таких явлений, как экономическая политика и экономические мероприятия фашизма. Преподаватель обязан дать объяснение и теоретический анализ экономической политики, которую проводит фашизм в таких странах, как Германия и Италия. Заигрывание с «государственным хозяйством», осуществляемое фашистским режимом и превозносимое им как новая эра в развитии хозяйства и пр., — все это должно быть предметом изучения. Нужно показать, что означает подобная политика фашизма.

Ленин, анализируя явления, которые наблюдались в капитализме в эпоху империалистической войны, говорил, что государственно-монополистический капитализм, который осуществляли капиталисты в некоторых странах, есть не что иное, как военная каторга. Мы также обязаны внимательно присмотреться к каждому явлению, к каждому мероприятию, к каждому шагу экономической политики буржуазных правительств на современном этапе для того, чтобы вскрыть их сущность. Ясно, что например германский фашизм, установивший жесточайшую фашистскую каторгу, осуществляет зверский нажим со стороны государства, а не только со стороны частных капиталистов, на рабочие массы еще до наступления войны, в порядке подготовки к ней. Надо шаг за шагом показать, как эта фашистская каторга действует в области экономики, к каким глубочайшим взрывам и внутренним противоречиям в экономике и во всем строе она приводит. Таким образом при преподавании политэкономии нельзя отвлекаться от анализа современных явлений, от того, как развивается современный капитализм, а нужно обязательно включать все это в курс политической экономии.

Но это не единственный недостаток в преподавании политэкономии, в преподавании экономических дисциплин. Основной недостаток заключается в том, что до настоящего времени не преподается целый курс советского социалистического хозяйства. До сих пор еще не выполнены указания, которые дал вождь нашей партии товарищ Сталин, о решительном повороте и в изучении и в преподавании экономических дисциплин к изучению конкретных явлений советской экономики, социалистического строительства.

В курсах политической экономии и в учебниках политэкономии даются отдельные главы, отдельные «кусочки», посвященные советскому хозяйству. Так обстоит дело например в учебнике Липидуса — Островитянова «Политическая экономия». Можно ли удовлетвориться такого рода отдельными вставками, примерами или отдельными «кусочками» в преподавании политэкономии, когда говорится о советском хозяйстве? Этим удовлетвориться нельзя. Конечно, не нужно думать, что такого рода вставки являются неправильными. Наоборот,

в преподавании политэкономии безусловно нужно проводить постоянное противопоставление капиталистического хозяйства хозяйству социалистическому, советскому. И с этой точки зрения боязнь, которая существует у некоторых, — как можно, дескать, говорить о советском социалистическом хозяйстве, когда мы говорим о капитализме, как бы слушатели не смешали разные системы, — эта боязнь неправильна, необоснована. Больше того, именно при догматическом, схоластическом методе преподнесения основных выводов политэкономии существует опасность, что слушатель не разберет, о каком товаре, о каких деньгах идет речь — о капиталистических или советских. Ведь сейчас сплошь и рядом есть такие слушатели, молодежь, которые в течение всей своей жизни знали только советский товар, которые не видели капитализма.

Следует и дальше развивать противопоставление двух систем — системы социализма и системы капитализма, развивая и углубляя показ этой противоположности, борясь с буржуазной экономией, борясь с капиталистическим способом производства, борясь с фашистским капиталистическим государством, шаг за шагом разоблачая его.

Экономическая политика в том виде, как она преподавалась до настоящего времени в вузах и в ИКП, дает основные сведения о мероприятиях, которые осуществляют партия и советское государство. Но курс экономической политики до настоящего времени не является еще таким курсом, который преподносит систему советского хозяйства, систему производственных отношений социалистического общества, социализма. В любой программе экономической политики приведено очень много конкретных фактов и мероприятий, осуществляемых большевистской партией в той или другой отрасли народного хозяйства (и в сельском хозяйстве, и в промышленности, и в торговле, и в области труда и т. д.), но нет изучения развернутого советского хозяйства эпохи диктатуры пролетариата. А если программа и курс не дают такой развернутой системы производственных отношений советского хозяйства, то слушатель не получает самого главного: он не получает научной экономической дисциплины, которая показывала бы, как развивается хозяйство в эпоху, переходную от капитализма к социализму, как строится социалистическое общество. Он не получает этого в связанном виде, в виде экономической дисциплины, в виде определенной экономической науки. Этого нет в курсе экономической политики, и в преподавании, и в программах. А если в преподавании экономической политики дается лишь отраслевой разрез (а отраслевой разрез являлся до сих пор господствующей формой построения программы экономической политики), то не получается и анализа системы производственных отношений социалистического хозяйства.

В вводной главе всех программ курса экономической политики дается разъяснение что представляет собой диктатура пролетариата и как построена система советского хозяйства; вслед за этим идет изложение экономической политики по основным этапам и по основным отраслям, причем отраслевой разрез является господствующим. Для экономической дисциплины, посвященной советскому хозяйству, нужно построить курс по-другому: следует дать цельное, связанное изложение системы производственных отношений советского хозяйства, системы производственных отношений переходного периода от капитализма к социалистическому обществу.

Программы по экономической политике сделали даже некоторый шаг назад по сравнению с программами, которые существовали раньше. Сравним две программы по экономической политике.

Возьмем программу по экономической политике, которая была принята в апреле 1935 г. и утверждена председателем Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию. Эта программа по экономической политике дает в первой главе общую характеристику экономической политики в эпоху диктатуры пролетариата; потом идет несколько глав, посвященных основным этапам (от Октября до военного коммунизма; период военного коммунизма; от начала нэпа до XIV съезда; индустриализация; период первой пятилетки и основные задачи второй пятилетки). Затем идут: развитие промышленности, развитие сельского хозяйства, транспорт, деньги и кредит, советская торговля, материальный и культурный уровень трудящихся во второй пятилетке, СССР и капиталистический мир.

В этой программе, кроме первой вводной главы, нельзя отыскать систематического изложения структуры и структурных особенностей того социалистического строя, который мы создаем. Больше того, в этой программе нет даже главы, посвященной плану и планированию.

Возьмем программу 1933 г. по экономической политике. В ней при том же в основном типе построения (марксистско-ленинское учение о переходном периоде, затем этапы, итоги первой пятилетки, вторая пятилетка и т. д.) мы все же найдем главу «Планирование народного хозяйства», после которой даны отраслевые разделы, вопросы социалистической индустриализации и т. д.

Мы не можем обходить при изучении советского хозяйства такие существенные вопросы, как структура наших органов, структура управления хозяйством, планирование нашего хозяйства и т. д. Следует дать цельную систему производственных отношений и их развития в эпоху диктатуры пролетариата, преобразующей весь строй, переделывающей его. Если этого преподавание не дает, то тем самым не выполняется основная задача, основное требование, предъявляемое жизнью.

Нужно построить курс советского хозяйства таким образом, чтобы весь конкретный исторический материал, весь богатейший опыт большевистского социалистического строительства, которое осуществляет наша партия, весь опыт преобразования экономики, построения нового, социалистического общества можно было преподнести в виде цельной системы. Поэтому курс должен опираться на знание, изучение и преподавание этого богатейшего исторического материала, но в цельном, систематизированном виде, так чтобы давалась система производственных отношений и вскрывались внутренние связи, существующие в хозяйстве эпохи диктатуры пролетариата.

Экономика эпохи диктатуры пролетариата, это — экономика, которой до сих пор не знал мир. Эта экономика развивается не по каким-то стихийным законам, как это происходит в условиях капиталистического способа производства. Это экономика, преобразуемая диктатурой пролетариата, рабочим классом, выступающим в качестве господствующего класса и переделывающим всю жизнь страны и весь экономический строй. Поэтому изучение производственных отношений советского социалистического хозяйства означает не что иное, как изучение революционного преобразования, которое осуществляет диктатура пролетариата. Борьба против схематического надумывания каких-то других законов движения советской экономики помимо дик-

татуры пролетариата, которая и является рычагом преобразования и движения советской социалистической экономики, — является непременным условием правильного построения курса. Нельзя отделять курс экономической политики от изучения советского хозяйства. Самое развитие социалистической экономики, это — процесс революционного преобразования диктатурой пролетариата существующих производственных отношений, и поэтому в изучении движения и развития советской социалистической экономики должна непременно учитываться эта решающая особенность нашей экономики.

Таковы важнейшие условия правильного подхода к построению курса советской социалистической экономики и к разработке программ этого курса.

Необходимо далее остановиться на том, как этот курс советского хозяйства должен быть преподнесен с точки зрения освещения разных сторон советского хозяйства.

Прежде всего надо показать развитие советской экономики не как некий самотечный процесс, а как процесс преобразования производственных отношений рабочим классом, диктатурой пролетариата, как процесс построения новой системы производственных отношений, нового производственного строя, который именуется социализмом и коммунизмом.

Однако, и после того, как экономисты совершенно правильно разделились с догматической и схематической трактовкой законов движения советской экономики, после того, как во всех наших программах совершенно правильно был поставлен вопрос о том, что все изучение советской экономики должно быть анализом процесса преобразования диктатурой пролетариата старой экономики в новую, социалистическую экономику, — после всего этого все же сплошь да рядом и в программах и в преподавании самая трактовка диктатуры пролетариата как рычага преобразования старого общества в новое дается догматически.

Например, программы по экономической политике почти всегда ограничиваются тем, что указывают на роль диктатуры пролетариата только в вводной главе. Между тем нужно такое построение курса советского хозяйства, которое всюду, шаг за шагом, показывало бы преобразующее действие диктатуры пролетариата. Нужно показать, какими путями и методами, через посредство каких форм действует диктатура пролетариата для того, чтобы преобразовать, переделать экономику капиталистическую в экономику коммунистическую.

Пока еще даже в вводных главах о диктатуре пролетариата устанавливается только то, что диктатура пролетариата есть рычаг преобразования старого общества в общество новое, а формы, методы, пути, которыми действует государство диктатуры пролетариата, не выясняются. Между тем надо обязательно показать аппарат управления хозяйством, надо обязательно показать такие пути действия, как кооперация, нужно показать систему, благодаря которой диктатура пролетариата вызывает к жизни массовое движение активных участников хозяйственного и государственного строительства. Самые методы вовлечения масс должны быть освещены тогда же, когда говорится о путях, которыми диктатура пролетариата воздействует на

экономику. Необходимо осветить вопрос об организационных формах, методах, путях, так же как и об основах той политики, которую осуществляет диктатура пролетариата, причем показано это не только в вводной главе, не только в начале курса, но и в каждой теме. Нужно показать действие мероприятий партии и государства на экономику, диалектическое взаимодействие, которое существует между политикой и экономикой в нашей стране. Это нужно показать совершенно конкретно и на протяжении всего курса.

Анализ диалектического взаимодействия экономики и политики — одна из центральных задач изучения всех тем курса советского хозяйства. Можно привести много примеров для иллюстрации того, как это диалектическое взаимодействие происходит. Мы знаем, например, как государство и большевистская партия в результате политики индустриализации, в результате борьбы за генеральную линию партии против правых оппортунистов, против контрреволюционных троцкистов добились колоссальных успехов и создали гигантскую разветвленную промышленность, которая в свою очередь потребовала определенного изменения форм управления промышленностью, методов управления и т. д. Отсюда — разукрупнение наркоматов, изменение форм управления, связи и соотношений между предприятиями — трестами, синдикатами и наркоматами и т. д. Это же можно показать на опыте кооперации, на опыте торговли. Мы добились огромных успехов в области развертывания советского товарооборота. Разветвленность и усложнение советской торговли поставили в качестве необходимой задачи изменение самых форм управления торговлей. Вот почему по решению ЦК партии торговля на селе сосредоточивается теперь в потребкооперации, городская же торговля переходит в ведение Наркомвнторга. Можно было бы показать на целом ряде примеров, как наша государственная политика привлечения широчайших масс к развитию ударничества, социалистического соревнования оказывает огромное воздействие на экономику и вызывает необходимость перестройки соответствующих организаций, управляющих хозяйством. Лучший пример — стахановское движение, изумительное явление нашего времени, которое вызвано всей системой диктатуры пролетариата. Развитие стахановского движения требует перестройки хозяйственных организаций. Оно предъявляет огромные требования к организациям, управляющим и организующим хозяйство в отдельных отраслях.

Везде, на протяжении всего курса, надо показать новое отношение между политикой и экономикой, которое существует в эпоху диктатуры пролетариата, принципиально отличное от того, какое имеется при хозяйстве товарном, при хозяйстве капиталистическом.

В курсе советского хозяйства необходимо тщательно изучать производственные отношения, т. е. отношения, которые существуют в области производства, распределения и обмена в советском социалистическом хозяйстве.

Возьмем к примеру анализ социалистической собственности на средства производства. Изучение социалистической собственности на средства производства — чрезвычайно благодарная, интереснейшая и важнейшая теоретическая тема. Но много ли мы в действительности занимаемся тем, чтобы показать развитие социалистической собственности на средства производства с точки зрения анализа новых производственных отношений. Чрезвычайно важен в этой связи с теоре-

тической и практической стороны вопрос о передаче земли в вечное пользование колхозам.

Следует тщательнейшим образом изучать экономику предприятий последовательно социалистического типа, а также предприятий социалистического типа. Не очевидно ли, что к изучению советского предприятия нужно отнестись по крайней мере с не меньшей серьезностью, нежели к изучению предприятия в капитализме? Разная степень обобществления на отдельных участках советского хозяйства, исторические ступени обобществления должны быть объектом теоретического анализа. Нужно показать, какие отношения складываются в городе и в деревне, как создавался единый социалистический уклад, как развивается социалистический строй, как строится отношение между предприятиями последовательно социалистического и социалистического типа в настоящем и в будущем. С этим связан и вопрос об артельной форме хозяйства, о нэпе, о деньгах и т. д. Ясно, что анализ нэпа и его судеб (а известные элементы новой экономической политики будут иметь место и в социалистическом обществе, за пределами второй пятилетки), анализ денег и т. д., — все это требует прежде всего понимания социалистических производственных отношений, существующих в городе и в деревне.

Почему мы не изучаем разделения труда в наших предприятиях и общественного разделения труда, характеризующих нашу, социалистическую страну? Разве эта проблема является менее важной проблемой, чем соответственные проблемы капиталистического хозяйства?

Какое место в преподавании курса советского хозяйства должно занимать развитие техники, технической революции, технической реконструкции, осуществляемой в Советской стране? Очень часто преподавание экономической политики, несмотря на богатейший материал, который имеется в программах (в смысле преподнесения фактов, развития техники в различных отраслях), не дает цельного изображения технического переворота, реконструкции, осуществляемой партией и рабочим классом в эпоху диктатуры пролетариата. А разве не ясно, как важно обобщить в преподавании эту техническую революцию, показать, как в смысле уровня техники, методов и технических приемов, кооперирования и комбинирования, в смысле уровня производительности труда, как во всех этих направлениях изменяется техническая база, полностью изменяется весь технический облик хозяйства и страны? Разве это не есть важнейшая задача политической экономии? А это до сих пор не делается.

Когда Маркс анализировал капиталистическое накопление, развитие капитала, он показывал, каким образом капитализм вызвал глубочайший технический переворот. А разве мы, строя социализм, не осуществляем еще в более гигантских масштабах и темпах техническую революцию, создающую технику социализма? Эти основы технической реконструкции должны получить полное отражение в курсе советского хозяйства, который преподается в вузах и ИКП. Нужно показать уровень техники, который создается развитием диктатуры пролетариата, нужно показать такие формы, как электрификация и механизация, которые осуществляются в Советской стране, нужно показать, что советское государство осуществляет производство в формах наибольшей концентрации благодаря социалистической структуре хозяйства. В важнейших отраслях промышленности и сельского хозяйства СССР является, разумеется, страной, которая имеет наиболее концентрированное производство. Нужно показать формы комбинирования

и кооперирования в нашей стране. Нужно показать, как организованное, плановое воздействие на экономику вызывает целый переворот в использовании орудий производства, техники, в технических коэффициентах и нормативах. Все это должно быть связано с самим существом советской социалистической экономики. Уже в настоящий момент есть огромное количество примеров, которые показывают, какой переворот в овладении техникой осуществляет диктатура пролетариата. Но до сих пор в преподавании курса советского хозяйства не используется и сотая доля этих красноречивых фактов.

Необходимо показать конкретную структуру и организацию управления советским хозяйством. Недопустимо, что в преподавании не обращается внимания на организацию хозяйства, формы управления и планирования, не показывается вся структура хозяйства, неотделимая от управления и от организационных форм хозяйства, — что все это выпадает в преподавании.

К нашему стыду мы должны признать, что когда иностранцы, приезжающие в СССР, просят, чтобы им дали какое-нибудь цельное изложение (популярное или непопулярное) структуры органов, управляющих нашим хозяйством, всей структуры нашего хозяйства, — мы этого дать не можем. До настоящего времени нет этого и в преподавании. Это совершенно нетерпимо.

Отношения между предприятиями, трестами, сбытовыми органами, главками, наркоматами, Советом труда и обороны — эта структура нашего производства есть форма организации и движения наших производительных сил и должна тщательным образом изучаться в курсе советского хозяйства. Вопросы единоначалия и коллегиальности, форма участия масс производителей в нашем хозяйстве — все это должно быть предметом изучения. Мы должны освещать формы организации нашего производства и торговли, кредита, разъяснять, что у нас означают прибыль, торговая наценка, процент, какова в тех или других звеньях наша кредитная система. Без изучения этих вопросов нет изучения советского хозяйства.

Мы должны изучать планирование. Тема «План» совсем отсутствует в программе экономической политики, утвержденной в апреле 1935 г. Следует ликвидировать такого рода пробелы. Сейчас в программах обыкновенно ограничиваются тем, что говорят: наше хозяйство есть плановое, и закон стоимости к хозяйству экономики переходного периода неприменим. Верно, что наше хозяйство является плановым и плановое развитие его в переходный период есть его важнейшая особенность. Верно, что закон стоимости не является основным законом движения экономики с того момента, когда утвердился диктатура пролетариата. Но ограничиться этой общей догматической постановкой вопроса — значит ничего не сказать о плане. Задача преподавателя-экономиста заключается в том, чтобы на конкретном экономическом материале, на фактах конкретной Сорьбы укладов, которая имела место в нашей стране, на конкретных примерах классовой борьбы показать, как утверждался план. А ведь утверждение господства плановости, борьба за увеличение роли плана, это — ожесточеннейшая классовая борьба. Когда преподаватель преподносит одни формулы и думает, что этим вопрос разрешен, он жестоко ошибается. Освещая эти вопросы, нужно оперировать конкретными материалами, показать в конкретных формах плановое развитие нашей экономики. Надо показать самую организацию планирования.

Что такое формы планирования? Это — не только технические приемы, это внутренний механизм, через посредство которого диктатура пролетариата преобразует экономику. Ведь план — одно из важнейших орудий диктатуры пролетариата, и методы и формы нашего планирования вскрывают те особенности нашего хозяйства, которых не может понять иностранец, не наблюдавший того, как движется и развивается наше хозяйство. Благодаря наличию форм и методов планирования советская власть вызывает к жизни богатейшие творческие силы. Определенные методы планирования, которые осуществляются нашей партией, связаны с движением многомиллионных масс в борьбе за план, за его выполнение и перевыполнение. Но в преподавании до сих пор нет изложения конкретного механизма плана, которое вскрыло бы важнейшие особенности структуры наших производственных отношений и движения производительных сил в нашей стране. А без этого разговоры о «плане вообще» ничего не стоят.

В курсе советского хозяйства необходимо изучать экономические инструменты, которые унаследованы нами от капиталистической экономики, но функции и назначение которых изменены принципиально и которые служат делу строительства социализма. К ним относятся деньги и торговля. Этим инструментам социалистического строительства должно быть уделено большое внимание в преподавании курса советского хозяйства. Нужно сказать, что постановка этих проблем в преподавании советского хозяйства зачастую сугубо абстрактна, отвлеченна. Необычайно робко подходит преподаватель к вопросу о том, как функционируют деньги и торговля в нашем советском хозяйстве. Абстрактность, несмелость преподавателя в подходе к анализу этих важнейших инструментов социалистического строительства, на важность которых неоднократно обращал внимание партии и страны товарищ Сталин, являются другой стороной левацкого отношения к этим вопросам: это, мол, нечто чуждое, что не может быть проанализировано как «свое». Нет, это и может и должно быть проанализировано как «свое»; это — советские деньги, это — деньги, которые служат социализму, первой фазе коммунизма, это — советская торговля, которая разворачивается полным ходом. И функции денег и назначение торговли должны быть проанализированы полно, конкретно, всесторонне, не меньше, нежели то сделал Маркс тогда, когда он изучал функции денег в капиталистическом обществе.

Многие ли преподаватели, когда они дают анализ денег, освещают «работу» денег в советском хозяйстве? А работа эта не маленькая. Мы используем деньги для роста и для укрепления социализма.

Надо показать также, что представляет собой денежное обращение в СССР. Разве такие вопросы, как количество денег в обращении в нашей стране, покупательная сила, отношение между деньгами и ценами, — разве эти вопросы «чужды» нам? Особенно это важно сейчас, когда страна вступила в период развернутой советской торговли, когда вопросы денежной зарплаты и денежной системы приобрели первостепенное значение, — особенно сейчас важнейшей обязанностью экономистов является изучение внутренних связей, вытекающих из законов, которые государство диктатуры пролетариата создает в нашей стране. Нужно показать и на количестве денег в стране, и на вопросах покупательной силы, и на вопросах цены, и на вопросах функций денег работу советского денежного хозяй-

ства. И это не второстепенная работа, а то, что прямо относится к анализу советского хозяйства, то, без чего нельзя понять советское хозяйство, как нельзя его понять без анализа отношений, которые складываются на социалистических предприятиях, в совхозах и колхозах.

Цена, себестоимость и прибыль тесно связаны с вопросами о деньгах. Нужно прямо сказать: у ряда хозяйственников и экономистов до последнего времени частенько существовало абсолютно неправильное, пренебрежительное отношение к вопросам цены и рынка. И часто это пренебрежительное отношение вытекало из совершенно неправильной установки, которая опять-таки является отрыжкой левацкой оценки вещей.

Многие например считают, что цена у нас, это — нечто такое, что может быть нами установлено просто по субъективному желанию, чуть ли не по произволу. А между тем плановые отпускные цены, которые осуществляет наше государство, и прейскурнт цен, который советское государство устанавливает для розничной торговли, — это цены, которые вскрывают особенности действия всего хозяйственного механизма диктатуры пролетариата. Долгое время у ряда экономистов существовала такая точка зрения, что вопрос о себестоимости и вопрос о цене друг с другом не связаны. В любой программе экономической политики ничтожно мало говорится о соотношении между ценой и себестоимостью. А казалось бы, этот вопрос должен напрашиваться сам собой. Советская власть проводит такую политику цен, которая обеспечивает интересы социалистического накопления, социалистического распределения и перераспределения народного дохода; но советское государство, строя эту систему цен, отнюдь не безразлично относится к вопросам себестоимости и издержек производства.

В одном из томов БСЭ можно найти такую мысль, что вопрос об издержках производства, это — категория капитализма и к советскому хозяйству не относится. То же самое — относительно себестоимости. Это совершенно неверно. Сейчас идет упорная работа по ликвидации убыточности важнейших отраслей промышленности и транспорта. Таким образом соотношение между ценами и себестоимостью — дело вовсе не безразличное для советского хозяйства.

Неудивительно, что некоторые буржуазные «исследователи» советского хозяйства «подражают» этим «экономистам» в объяснении соотношения между ценой и себестоимостью в советском хозяйстве. В книге «Планировать или не планировать», посвященной вопросам планирования в СССР, автор Барбара Уоттон пишет: «Баланс продажной цены и себестоимости в отдельных предприятиях и даже в целых отраслях промышленности не имеет никакого значения для планового (т. е. советского. — Б. Б.) хозяйства». «Можем ли мы сказать, что производство продукта регулируется механизмом цен и что устанавливается баланс между ценой и себестоимостью? Строго говоря, нельзя, потому что свобода выбора для потребителя контролируется системой карточек»¹. Нет нужды доказывать, что это неправильно.

Все советские экономисты должны хорошенько изучить механизм, политику и методы, которыми осуществляется правильное соотношение между ценой, себестоимостью и прибылью наших предприятий. Нередко говорят, что получение прибыли отнюдь не являет-

¹ «Plan or no plan.» by Barbara Wotton. London 1934.

ся стимулом для наших предприятий. Само собой разумеется, что мы не ставим себе задачей получение капиталистической прибыли на наших предприятиях, но если вы ограничитесь одним этим утверждением и придете к директору фабрики и скажете ему на основании этого, что прибыль для него неважное и несущественное дело, то он вас не поймет, обругает и прогонит. Нет, для директора нашей фабрики делом чести является получать прибыль, ибо эта прибыль идет на нужды социалистического строительства, на нужды трудящихся. Политическая экономия советского социалистического хозяйства должна все это показать, разъяснить. Без этого не получится ни анализа, ни правильного представления о конкретном механизме и конкретных особенностях советского социалистического хозяйства.

В курсе советского хозяйства необходимо дать схему и анализ воспроизводства в советском социалистическом хозяйстве. Пора, наконец, в практической преподавательской и научной работе заняться тем, о чем говорил товарищ Сталин еще на конференции аграрников-марксистов в 1929 г. Товарищ Сталин тогда говорил, что если наши экономисты вообще хотят заниматься разработкой вопросов экономики переходного периода, то они должны выработать схему баланса народного хозяйства. И действительно, это — самая трудная и самая важная проблема при изучении экономики переходного периода.

Догматический, книжный и немарксистский подход часто чувствуется при анализе этой проблемы в преподавании. Вопрос ставится обыкновенно так: применимы или неприменимы марксовы схемы воспроизводства к советскому хозяйству. Этому вопросу посвящается все внимание, и в результате длительных «исследований» слушатели приходят к выводу, что схемы эти, собственно, к советскому хозяйству неприменимы, потому что Маркс говорил о капиталистическом хозяйстве, а у нас хозяйство советское.

Плоды таких «глубокомысленных» трактовок налицо. Например, в одной распространенной программе по политической экономии для вузов мы читаем по вопросу о воспроизводстве в СССР: «Деление общественного продукта в СССР на фонд расширенного воспроизводства и личного потребления». А куда девался фонд для восстановления наличного «постоянного капитала»? И это проходит незамеченным, потому что ведь... вообще схемы воспроизводства «неприменимы» к нам. Пусть Маркс сказал, что есть «с» «v» и «m», но у нас — советское хозяйство, значит это неприменимо у нас. Во всяком случае «с» оказалось проглоченным. Неизвестно, смитовская ли это ошибка или еще досмитовская, но во всяком случае схемы воспроизводства для советского хозяйства в программе не получились. Что за дело автору программы до того, что Ленин прямо говорил, что даже при полном коммунизме «v» + «m» первого подразделения нужно отнести к «с» второго подразделения.

Нужно раз и навсегда отбросить схоластические разговоры о том, применимы ли схемы Маркса к советскому хозяйству. Конечно Маркс, анализируя процесс воспроизводства, показал исторические законы, по которым происходит капиталистическое воспроизводство. Но анализ, сделанный Марксом, является бессмертной заслугой Маркса и в отношении анализа воспроизводства, в любом обществе, в том числе и у нас. И когда товарищ Сталин говорит, что наша промышленность развивается по марксовской теории воспроизводства, а не по бухаринской теории равновесия секторов, или по чьей-либо еще

теории, то здесь товарищ Сталин ярко формулирует важнейшую мысль, что мы должны уметь применять метод Маркса — Ленина, марксистский метод анализа процесса воспроизводства к нашим условиям.

Нужно показать процесс социалистического воспроизводства в материальном и в ценностном выражении, нужно показать далее процесс накопления и потребления, показать, как это воспроизводство совершается в различных формах хозяйства и как социалистический уклад хозяйства в переходный период неуклонно развивается и побеждает. Ясно, что анализ и построение схемы воспроизводства и баланса народного хозяйства — труднейшая теоретическая задача, но она должна стоять в центре курса советского хозяйства. Надо показать, как в советском социалистическом хозяйстве, в условиях диктатуры пролетариата, когда происходит преобразование старого общества в новое, этот воспроизводственный процесс осуществляется диктатурой пролетариата.

★

Выше освещены некоторые вопросы, с которыми приходится сталкиваться при изучении советского хозяйства. Все это довольно трудные задачи. До настоящего времени у нас не было цельного курса советского хозяйства, но мы должны поставить преподавание этого курса, неразрывно связав его со всем курсом политической экономии.

Что для этого нужно? Для этого нужно применение великого марксистско-ленинского метода, нужно выполнение указаний Ленина и Сталина. Для этого нужно уметь изучать исторический материал — тот богатейший конкретный материал, который имеется в нашем хозяйственном строительстве, который накапливается, но мало изучается и обобщается. Первейшее дело — изучать этот исторический материал, исторически, конкретно подходить к преподаванию теории советского хозяйства. Нужно уметь его обобщать, систематизировать, дать структуру, систему производственных отношений в развитии, в движении. Нужно показать, как возникают и развиваются социалистические и коммунистические производственные отношения, как диктатура пролетариата осуществляет переход от старого, капиталистического общества к новому, коммунистическому.

Здесь нужно быть в известной мере исследователем, и это предъявляет большие дополнительные требования к преподавателю. Основы марксизма-ленинизма, теория переходной экономики и социализма, которая дана учителями марксизма, развитие марксизма в работах Ленина и Сталина, вскрытие всех основных законов, действующих в переходный период от капитализма к социализму, которое мы имеем в этих работах, — вот основа для преподавателя-экономиста, вот что вооружает его основным методом и знаниями, которые нужно уметь применять для анализа, изучения и преподавания курса советского хозяйства.

Конечно и в этом вопросе, как и во всех других вопросах, успех решают кадры. Ясно, что в области экономических наук следует предъявить гораздо большие требования и к преподавательскому составу и к слушателям, нежели те, которые предъявлялись до сих

пор. «Ка д р ы р е ш а ю т в с е» — этот великий лозунг Сталина является исключительно правильным и боевым лозунгом для экономического фронта и для преподавания экономических наук. Все силы экономистов-преподавателей нужно бросить на то, чтобы решить важнейшую задачу — наладить преподавание курса советского хозяйства, построив это преподавание на изучении богатейшего революционного опыта, опыта строительства, осуществляемого трудящимися СССР под великим руководством партии Ленина—Сталина.

Рабочий контроль и национализация промышленности в первые месяцы советской власти¹

I

Декрет о рабочем контроле был одним из первых актов пролетарского государства. На второй день после октябрьского переворота II Всероссийский съезд советов в своем воззвании к рабочим, солдатам и крестьянам декларировал, что советская власть «установит рабочий контроль над производством». А уже 14 ноября 1917 г. решением ВЦИК принято и утверждено положение о рабочем контроле. Принятие этого декрета являлось важнейшим политическим актом, исходным мероприятием и могучим рычагом диктатуры пролетариата в борьбе за приобщение широких масс пролетариата к управлению промышленностью, овладение командными высотами экономической жизни, организацию управления и планомерного регулирования промышленности и народного хозяйства. Этот декрет являлся претворением в действительность одного из важнейших пунктов экономической программы партии, намеченной еще до Октября. Положение о том, что введение рабочего контроля явится одним из первых актов пролетариата, завоевавшего власть, красной нитью проходит через все важнейшие предоктябрьские решения партии (апрельская конференция, VI съезд партии) и произведения Ленина. В статьях «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть» Ленин выдвигал рабочий контроль как одно из первых мероприятий диктатуры пролетариата. Ленин писал, что только диктатура пролетариата сможет проводить и осуществить подлинный рабочий контроль над производством и распределением продуктов. Ленин бичевал «новожизненцев», противопоставлявших лозунгу большевиков «рабочий контроль» требование «государственного контроля». Он мастерски раскрыл, что так называемый «государственный контроль» и новые методы регулирования, применяемые монополистическим капитализмом, означают каторгу, нищету и голод для рабочих, представляют бдлее «утонченный способ» одурманивания, эксплуатации и выжимания добавочной сверхприбыли у рабочих.

«Когда мы говорим: «рабочий контроль», ставя этот лозунг всегда рядом с диктатурой пролетариата, — писал Ленин в статье «Удержат ли большевики государственную власть», — всегда в след за ней, то мы разъясняем этим, о каком государстве идет речь. Государство есть орган господства класса. Какого? Если буржуазии, то это и есть кадетски-корниловски-керенская государственность, от которой рабочему народу в России «корнилятся, и керится» вот уже

¹ Статья представляет раздел подготовляемой автором диссертационной работы на тему «Первый этап переходного периода».

больше полугода. Если пролетариата, если речь идет о пролетарском государстве, т.-е. о диктатуре пролетариата, то рабочий контроль может стать всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим учетом производства и распределения продуктов. В этом главная трудность, в этом главная задача пролетарской, т.-е. социалистической, революции»¹.

Это далеко не единственное дооктябрьское высказывание Ленина показывает, какой глубокий смысл и широкое содержание Ленин вкладывает в понятие рабочего контроля, который будет проводиться диктатурой пролетариата. В осуществлении всенародного, всеобъемлющего учета и контроля миллионных масс над производством и распределением продуктов Ленин видел главную трудность пролетарской революции, которая, однако, сможет быть безусловно разрешена диктатурой пролетариата. Еще большее развитие и конкретизацию эта ленинская постановка вопроса получила в начертанном им в начале 1918 г. гениальном плане хозяйственного строительства, в статье «Очередные задачи советской власти». Понятно, что эта главная задача пролетарской революции — всеобъемлющий учет и контроль — не может быть осуществлена сразу. Эта задача разрешалась на всех этапах переходной экономики. Наиболее развернутыми и всеобъемлющими учет и контроль становятся после победы социализма во всем народном хозяйстве. Декрет от 14 ноября 1917 г. является важнейшим звеном создания всенародного учета и контроля, которые уже на первых порах и в первоначальной форме своего существования сыграли исключительную роль как школа управления рабочих промышленностью, как шаг к национализации промышленности, к овладению важнейшими командными высотами. Декрет от 14 ноября узаконил созданные творческой энергией и бурлящей инициативой масс и существовавшие уже в значительной мере до октябрьского переворота органы рабочего контроля. Они возникали в ходе борьбы рабочих с капиталистами, закрывавшими предприятия, приостанавливавшими и сокращавшими производство, а также и в порядке «стихийного» вмешательства в управление производством. Это один из ярчайших показателей могучего роста революционной инициативы и творчества «бушующих и неукротимых рабочих» (Ленин); он свидетельствует о глубокой почвенности пролетарской революции в России. Вот почему в политическом докладе на VI съезде партии 12 августа 1917 г. т. Сталин этот момент вмешательства рабочих «в хозяйственную сферу» выдвигает как «реальную основу постановки вопроса о социалистической революции у нас в России» (Сталин).

Бичуя выступления тех, которые говорили на VI съезде, «что так как у нас капитализм слабо развит, то утопично ставить вопрос о социалистической революции», т. Сталин говорил, что «они были бы правы, если бы не было войны, если бы не было разрухи, не были расшатаны основы народного хозяйства. Но эти вопросы о вмешательстве в хозяйственную сферу ставятся во всех государствах как необходимые вопросы. В Германии этот вопрос поставлен и обошелся без прямого и активного участия масс. Другое дело — у нас в России. У нас разруха приняла более грозные размеры... У нас... в Питере 66% организованных металлистов. Наконец, нигде у пролетариата не было таких широких организаций, как советы Р и СД. Все это исключало возможность невмешательства рабочих масс в хо-

¹ Ленин, Соч., т. XXI стр. 259.

зайственную жизнь. В этом реальная основа постановки вопроса о социалистической революции у нас в России. Поскольку рабочие вмешиваются активно в процесс организации контроля, обмена, постольку у нас ставится практически вопрос о социалистической революции»¹.

В этих скупых, сжатых словах дана характеристика политической и экономической обстановки до Октября, непосредственно подводящей к социалистической революции, характеристика рабочего класса, уже активно вмешивающегося в хозяйственную сферу, как важнейшего субъективного фактора пролетарской революции. В этих словах заключена глубокая проникновенная вера в творческие силы пролетариата, беззаветно и смело борющегося за власть, в его способность руководить государством и построить социалистическое общество.

Основное содержание положения о рабочем контроле и задачи, поставленные перед органами рабочего контроля, чрезвычайно многогранны. Органы рабочего контроля нужно рассматривать как школу управления производством, как первые шаги по овладению важнейшими командными высотами народного хозяйства по организации планового развития и направлению советской экономики диктатурой пролетариата. «В интересах планомерного регулирования народного хозяйства, — читаем мы в декрете, — во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и прочих предприятиях, имеющих наемных рабочих или же дающих работу на-дом, вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов, сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия»².

Мы видим, что по декрету рабочий контроль вводится «для планомерного регулирования народного хозяйства», которое должно охватить буквально все сферы народного хозяйства вплоть до предприятий, «дающих работу на-дом». «Органы рабочего контроля, — читаем мы дальше, — имеют право контроля всей деловой переписки предприятия, причем за сокрытие корреспонденции владельцы ответственны по суду. Владельцы обязаны предъявлять органам рабочего контроля все книги и отчеты как за текущий год, так и за прошлые отчетные годы. Коммерческая тайна отменяется»³.

«Органы рабочего контроля имеют право наблюдения за производством, устанавливать минимум выработки предприятия и принимать меры к выяснению себестоимости производимых продуктов»⁴.

А в проекте инструкции о рабочем контроле, опубликованном в «Народном хозяйстве», еще более детально конкретизируются функции и задачи органов рабочего контроля. Особым контрольным комиссиям, избираемым общим собранием рабочих и служащих предприятия, вменяется в обязанность учитывать все виды средств производства, сырья и материалов, степень обеспеченности рабочей силой, выяснять, нет ли опасности остановки или сокращения работы предприятий, причины этого; предотвращать самовольный вывоз ма-

¹ Протоколы VI съезда РСДРП(б), стр. 108. Партиздат разрядка моя — М. Р.

² См. журнал Высшего совета народного хозяйства «Народное хозяйство» за 1918 г., № 1, март, стр. 26.

³ Там же.

⁴ Там же.

шин, материалов и инвентаря; принимать меры для поддержания среди рабочих и служащих трудовой дисциплины; следить за техникой безопасности; поддерживать образцовый порядок на предприятии; содействовать выяснению причин падения производительности и принимать меры для ее повышения. Таков многообразный, далеко не полный перечень задач, поставленных перед рабочим контролем¹.

По декрету, решения органов рабочего контроля являются обязательными для владельцев предприятий и могут быть отменены постановлением лишь высших органов рабочего контроля. Органы рабочего контроля, как и владельцы предприятий, объявляются ответственными перед государством за «строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества». Органы рабочего контроля строятся по принципу подчинения нижестоящих организаций вышестоящим. Рабочий контроль осуществляют все рабочие данного предприятия через свои выборные учреждения, «как то: заводские, фабричные комитеты, советы старост и т. п. Сюда входят представители от служащих и технического персонала». Деятельность низовых органов рабочего контроля объединяется губернскими, районными советами, руководимыми Всероссийским советом рабочего контроля, «учреждающимся впредь до съезда советов рабочего контроля».

II

Национализация промышленности как важнейшая задача диктатуры пролетариата непосредственно вытекает из самого существа пролетарской революции. Если партия до Октябрьской революции намечала национализацию банков, синдикатов, акционерных обществ, то это диктовалось высокой степенью концентрации трестированной промышленности, уровнем учета и контроля в них, благодаря чему организация управления ими представляла сравнительно меньшие трудности. Для партии и для Ленина самый факт установления диктатуры пролетариата являлся безусловной гарантией полной осуществимости национализации промышленности. Смысл и значение введения рабочего контроля партия и Ленин видели в необходимости приобщения широчайших масс рабочих, веками придавленных капитализмом, к управлению предприятиями. Ленин жестоко бичевал «новожизненцев», запугивавших большевиков тем, что рабочие якобы не смогут овладеть аппаратом управления, но одновременно он не преуменьшал трудностей организации и управления, которые рассматривал как сложнейшую задачу пролетарской революции.

Вот почему Ленин расценивал рабочий контроль как школу, в которой рабочий класс должен критически, в ходе борьбы перенимать опыт и знания капиталистов, организаторов трестов, специалистов, обучаться методам управления фабриками и заводами и таким образом сделать важный шаг для перехода к национализации промышленности. Это положение можно проследить в многочисленных его высказываниях до и после Октябрьской революции. В статье «Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами», написанной в декабре 1917 г., Ленин говорил «...при условии победы социализма (рабочий контроль над фабриками, следующая за этим экспроприация их, национализация банков, создание высшего экономического совета, регулирующего все народное хозяйство страны), при

¹ Подробно см. журнал «Народное хозяйство» за 1918 г., № 1, стр. 27.

таком условии рабочие обязаны согласиться на переходные меры...»¹. А в проекте «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», напечатанной 17/1 в «Правде», сказано: «Подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем совете народного хозяйства, в целях обеспечения власти трудящегося народа над эксплуататорами и как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность рабоче-крестьянского государства»².

В том же духе говорил Ленин 24/1 1918 г. на III Всероссийском съезде советов: «Переход к конфискации заводов после рабочего контроля был также вполне легок»³. Это сказано за пять месяцев до декрета о всеобщей национализации. Ленин неоднократно призывал бороться с предрассудком, что «государственные дела, управление банками, заводами — невозможная для рабочих задача», но он не умалял трудностей этой задачи, подчеркивал, что ее «можно решить лишь громадной повседневной организационной работой»⁴. «Когда нас обвиняли в том, — говорил Ленин на III съезде советов, — что, вводя рабочий контроль, мы разбиваем производство на отдельные цехи, мы отметили этот вздор. Введя рабочий контроль, мы знали, что пройдет не мало времени, пока он распространится на всю Россию, но мы хотели показать, что признаем только один путь — преобразование снизу, чтобы рабочие сами выработали снизу новые основы экономических условий. На эту выработку потребуется не мало времени»⁵.

Следовательно вопрос не в конфискации — это обеспечено диктатурой пролетариата, — а в том, чтобы научиться управлять, пройти школу управления, учиться у организаторов производства, у техников, директоров, инженеров. Учиться управлять, заранее зная, что фабрики и заводы уже завтра станут собственностью пролетарского государства.

«Нам нечего братья за смешную задачу — учить организаторов треста, — говорил Ленин в докладе «Об очередных задачах советской власти» на заседании ВЦИК 29/IV 1918 г., — их учить нечему. Их нам нужно экспроприировать. За этим дело не стоит. В этом никакой трудности нет. Это достаточно мы показали и доказали. И всякой рабочей делегации, с которой мне приходится иметь дело, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована. Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали, что вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком. И тут оказывается, что этому они еще не научились, а в большевистских книжках про это еще не написано, да и в меньшевистских книжках ничего не сказано»⁶.

В этих словах Ленина чрезвычайно рельефно выражены суть, смысл и значение рабочего контроля и широко поставленной им задачи учета и контроля. С особенной силой и рельефностью

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 90.

² Там же, стр. 174.

³ Там же, стр. 215.

⁴ Там же, стр. 125.

⁵ Там же, стр. 215.

⁶ Там же, стр. 484.

изложены взгляды Ленина на учет и контроль в «Очередных задачах советской власти». Здесь со всей четкостью вырисовывается экономическая суть диктатуры пролетариата, принципиально новая роль субъективного фактора — рабочего класса — после победы диктатуры пролетариата.

Рассмотрим теперь, как, переплетаясь с рабочим контролем, неразрывно с ним связанный, в значительной мере из него выраставший и проводимый самими органами рабочего контроля, протекал действительный процесс национализации промышленности до декрета от 28 июня.

III

«Все, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспропрированы. Это было установлено с научной точностью. И мы это знали, когда мы брали в свои руки знамя социализма, когда мы объявляли себя социалистами, когда основывали социалистические партии, когда мы преобразовывали общество. Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания именно потому, что для нашего дела, для дела строительства социализма недостаточно опыта сотен и сотен тысяч тех верхних слоев, которые делали историю до сих пор и в обществе помещичьем, и в обществе капиталистическом. Мы не можем так делать именно потому, что мы рассчитываем на совместный опыт, на опыт миллионов трудящихся»¹. Эти слова Ленина мы должны вспомнить, подходя к более конкретному анализу хода процесса национализации в первые месяцы Великой октябрьской революции. Выше уже было сказано, что партия и Ленин рассматривали рабочий контроль как шаг к национализации промышленности, что гвоздь вопроса заключался в необходимости научить и подготовить рабочий класс к сложной задаче — задаче управления — отсюда введение рабочего контроля «как школы управления». Отсюда ленинская постановка вопроса о привлечении организаторов трестов, капиталистов и использовании их опыта под контролем диктатуры пролетариата для организации управления производством. Отсюда ленинская постановка вопроса о широком привлечении специалистов. Исходя из этих задач, Ленин в отчете Совнаркома на III съезде советов 24/I 1918 г. как на большое достижение советской власти указал на то, что «у нас есть не только государственный закон о контроле, у нас есть еще даже более ценное — попытки пролетариата вступать в договоры с союзами фабрикантов, чтобы обеспечить рабочим управление целыми отраслями промышленности. Такой договор уже начали выработать и почти заключили кожевники со всероссийским обществом фабрикантов и заводчиков кожевенного производства, и я придаю этим договорам особенно большое значение. Они

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 40. Разрядка моя — М. Р.

показывают, что среди рабочих растет сознание своих сил»¹. Эти переговоры, о которых говорил Ленин, были начаты в декабре 1917 г. и успешно завершены 23(10) января 1918 г. при непосредственном его содействии, на основе реорганизации созданного еще до Октября Главного комитета по кожевенным делам (Главкожа), управление которого на $\frac{2}{3}$ состояло из представителей советской власти и на $\frac{1}{3}$ из представителей предпринимателей. В докладе своем «Об очередных задачах советской власти» на заседании ВЦИК 29/IV 1918 г. Ленин, ссылаясь на уже имевшийся опыт двухмесячной работы реорганизованной Главкожи, снова возвращается к вопросу о необходимости приобщения широких масс рабочих к делу овладения искусством управления, необходимости учиться у организаторов трестов, организаторов производства. «Лучше всего, — писал Владимир Ильич, — стоит дело у тех рабочих, которые этот государственный капитализм проводят: у кожевников, текстилей, сахарного производства, потому что они с трезвостью пролетария знают свое производство и хотят сохранить его и сделать более крупным, — потому что в этом наибольший социализм. Они говорят: я еще сейчас с такой задачей не слажу, я капиталистов посажу, $\frac{1}{3}$ мест предоставлю им и научусь у них»².

Ленин исходил из глубокой веры в бурно растущие творческие силы рабочего класса, в несокрушимую растущую мощь диктатуры пролетариата, которая сумеет поставить под свой контроль и подчинить своему влиянию специалистов — организаторов производства и предпринимателей.

Ленин зло высмеивал и бичевал «левых» коммунистов, запугивавших партию и рабочий класс тем, что мол еще неизвестно, кто кого использует. «Левые» коммунисты, исходившие по существу из меньшевистской теории о невозможности построения социализма в одной стране, не верили в творческую энергию, революционную инициативу и почин рабочего класса. Поэтому жалкой обреченностью и безнадежностью пропитаны слова «злополучных героев левой фразы».

Один из руководителей «левых» коммунистов в статье «Экономические заметки», помещенной в газете «левых» «Коммунист» 20 апреля 1918 г., касаясь ленинской постановки вопроса о госкапитализме, об использовании опыта специалистов и организаторов производства, писал:

«Вопрос заключался в том, как их (специалистов. — Р е д.) привлекать, и он решался в том смысле, что рабоче-крестьянское правительство использует их труд, не давая им руководящей роли. Теперь положение меняется. Вместо использования встает опасность быть использованными»³. В ответ на это Ленин писал:

«И когда я читаю у левых коммунистов иронические слова: еще неизвестно, кто кого использует, то мне становится странной их недалекость. Конечно, если после взятия власти в октябре и после победного похода против всей буржуазии с октября по апрель, мы можем сомневаться в том, кто кого использует — рабочий организаторов треста, или делега и выжига использует рабочих, если бы так было, то нужно складывать пожитки и убираться во свояси, предоставляя место Милюковым и Мартовым. Но это не так.

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 216 — 217.

² Там же, стр. 484.

³ Цитировано по приложению к т. XXII Ленина, стр. 625.

И сознательный рабочий не поверит, и смешна боязнь мелкой буржуазии; они знают, что социализм начинается там, где начинается более крупное производство, что этому делу купцы и деятели учились на собственном опыте»¹.

Ленин всегда ставил политическую власть на первое место. В самом факте существования диктатуры пролетариата, наличия политической власти в руках рабочего класса, руководимого большевистской партией, Ленин видел полнейшую гарантию того, что именно пролетариат, сбросивший с себя веками сковывавшие его путы капитализма, объятый могучим, непреодолимым стремлением овладеть и руководить командными высотами, не о ж а ж е т с я использованным организаторами трестов, а, наоборот, сумеет подчинить их своему влиянию и использовать опыт и знания специалистов и организаторов производства под контролем и руководством пролетарского государства.

Из всего изложенного видно, что Ленин рассматривал введение рабочего контроля как школу овладения искусством управления, как школу приобщения широких масс рабочих к руководству производством, как этап, ступеньку на пути к национализации промышленности, осуществление которой вполне обеспечено фактом существования диктатуры пролетариата.

Как же на деле протекало проведение декрета о рабочем контроле?

Известно, что декрет о национализации промышленности был издан лишь 28 июня 1918 г. На деле процесс национализации начался немедленно после Октябрьской революции и неуклонно совершался до 28 июня. Более глубокое и внимательное изучение исторического материала указывает на многочисленные факты организации и проведения рабочего контроля, фактического захвата фабрик и заводов, на организацию руководства ими со стороны «бушующих и неукротимых рабочих масс» еще до Октябрьской революции.

Это вмешательство рабочих в «хозяйственную сферу», захват фабрик и заводов, организация управления ими задолго до декрета о национализации представляют собою факты величайшего исторического значения.

IV

После Октябрьской революции советская власть встретила ожесточенное сопротивление, которое оказали капиталисты практическому проведению декрета о рабочем контроле. Своим классовым инстинктом они прекрасно поняли, что рабочий контроль — это лишь шаг к окончательной экспроприации их собственности. Необходимость безусловного, беспрекословного подчинения решениям активно вмешавшихся во все детали производственного процесса представителей органов рабочего контроля с реальной осязательностью указывала капиталистам перспективу их завтрашнего дня. Поэтому бешеным саботажем, сопротивлением встретили владельцы фабрик и заводов рабочий контроль, они стремились дезорганизовать, всякими мерами срывать нормальный ход производства. На наиболее открытое и ожесточенное сопротивление капиталистов постановлениям советской власти диктатура пролетариата отвечала конфискацией и национализацией ряда фабрик и заводов. Национализация значительного процента предприятий до декрета от 28 июня происходила в

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 484—485.

порядке применения диктатурой пролетариата карательных мер за саботаж, неподчинение и сопротивление рабочему контролю.

Анализ постановлений Совнаркома и ВСНХ о национализации отдельных акционерных обществ, фабрик и заводов показывает, что национализация как кара и наказание производилась за неподчинение капиталистов рабочему контролю, за оставление производства и отказ продолжать работу, за неподчинение декретам о демобилизации предприятий, за задолженность казне и неумение вести предприятие. Но это были конечно не единственные мотивы довольно широко развернувшегося процесса национализации. В значительном количестве случаев национализация проводилась ввиду общегосударственного значения фабрик и заводов.

Первый декрет Совнаркома о национализации заводов и предприятий акционерного общества Богословского горного округа от 7 декабря 1917 г. гласит: «Ввиду отказа заводууправления Акционерного общества Богословского Горного Округа подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством, Совет Народных Комиссаров постановил конфисковать все имущество Акционерного Общества Богословского Горного Округа, в чем бы это имущество ни состояло и объявить его собственностью Российской Республики»¹. Там же мы читаем: «Весь служебный и технический персонал обязан оставаться на местах и исполнять свои обязанности. За самовольное оставление занимаемой должности или саботаж виновные будут преданы Революционному Суду»².

По аналогичной причине декретом Совнаркома от 9/XII конфисковано имущество Акционерного Симского Общества Горных Заводов»³.

За неподчинение декрету о рабочем контроле постановлением СНК от 27/XII конфисковано все имущество акционерного общества Кыштымского горного округа (стр. 388), акционерного общества Сергинско-уфалейского горного округа (стр. 384), аэропланного завода Анатра (стр. 390). Декретом от 11/I 1918 г. конфисковано имущество акционерного общества Невянского горного округа (стр. 403), а за нежелание уплатить рабочим заработную плату конфисковано имущество акционерного общества «Дека» в г. Александровске, Екатеринбургской губ.

Первые важнейшие декреты советского правительства о национализации фабрик, заводов, акционерных обществ неизменно подписывались Лениным или Сталиным. Тов. Сталиным были подписаны за председателя Совета народных комиссаров декреты о национализации предприятий акционерных обществ Кыштымского горного округа, Сергинско-уфалейского горного округа, аэропланного завода Анатра и ряд других. Величайший сподвижник, ближайший соратник Владимира Ильича по руководству и подготовке Октябрьского переворота т. Сталин являлся первым и главным его соратником по созданию пролетарского государства, основ нового общественного строя, по овладению командными высотами народного хозяйства. Изучение декретов советской власти в первые месяцы ее существования раскрывает исключительную роль и всю мно-

¹ «Декреты Октябрьской революции», Партиздат, 1933 г., стр. 247.

² Там же.

³ Там же, стр. 255.

гогранную деятельность нашего родного, любимого учителя и вождя народов СССР т. Сталина как первого помощника т. Ленина по руководству новым, создаваемым в огне и вихре борьбы, невиданным еще типом пролетарского государства.

Одной из важнейших причин национализации фабрик и заводов, проводившейся в первый период диктатуры пролетариата, было неподчинение капиталистов рабочему контролю. Рассмотрим ряд других причин, послуживших непосредственным мотивом для совершения акта национализации до декрета от 28 июня 1918 г.

Декретом от 16/XII конфисковано в собственность Российской республики все имущество, Общества электрического освещения 1866 г. за то, что оно, «получая в течение целого ряда лет правительственные субсидии, своим управлением привело предприятие к полному финансовому краху и конфликту со служащими, грозящими прекратить работы предприятия»¹.

Большой интерес и исключительно большое политическое значение имела национализация на втором месяце существования советской власти крупнейшего ленинградского пролетарского центра — Путиловского завода. Этот декрет, подписанный т. Сталиным, гласит: «Ввиду задолженности Акционерного Общества Путиловских заводов казне Российской Республики, Совет Народных Комиссаров постановляет: принять Путиловские заводы со всем имуществом Акционерного Общества Путиловских заводов, в чем бы оно ни состояло, в собственность Российской Республики. Организация управления заводами и делами означенного Акционерного Общества возлагается на Народного Комиссара Торговли и Промышленности» (стр. 389). Так по декрету от 27/XII перешел в собственность пролетарского государства крупнейший центр тяжелой индустрии, старейший очаг стачек, забастовок и большевистской организации — Путиловский завод.

Далее, уже по другим причинам, по преимуществу за отказ от продолжения производства и оставление его, происходит дальнейший процесс национализации. Декретом от 27/XII 1917 г. конфискованы: автомобильные мастерские Международного общества спальных вагонов за Московской заставой «за отказ продолжать работу мастерских». По этой же причине национализирован Сестрорецкий металлический завод.

«Ввиду отказа продолжать производство решением Совнаркома конфисковано Русско-бельгийское металлургическое общество (шахты, заводы, рудники, весь живой и мертвый инвентарь как на территории Петровского металлургического завода, Софийского, Веровского, Бунговских, Нариевских рудников, так и в Петрограде и вообще все имущество, в чем бы оно ни состояло и где бы оно ни находилось в России и за границей)».

За неподчинение декрету СНК о демобилизации и «другим распоряжениям комиссаров» конфискованы самолетостроительный завод Андреев—Конский и К^о (Петроград) и Петроградское окружное страховое общество.

Ввиду оставления предприятий владельцами «конфисковано т-во М. Гельферих-Саде (правление уехало к Каледину в Ростов на Дону)» и фабрика военного обмундирования Маркушевых (Петроград) («владелец бесследно скрылся»).

¹ «Декреты Октябрьской революции», стр. 321. Разрядка моя. — М. Р.

Наряду с перечисленными конфискован ряд других предприятий уже по причине их государственно-хозяйственного значения. Так например решением ВСНХ конфисковано московское акционерное общество «Электропередача» «ввиду общегосударственного значения предприятия» и «финансовой зависимости заводов от государства»¹.

Таковы наиболее типичные случаи и мотивы, которые служили непосредственным поводом национализации в первом полугодии диктатуры пролетариата.

Эти же материалы, количество которых можно было бы умножить, свидетельствуют о том, что национализация промышленности в первые месяцы существования Советской власти не могла совершаться в порядке заранее установленной очередности. По мнению т. Милютина, из 513 предприятий, национализированных на 1/VII 1918 г. (мы полагаем, что эти данные преуменьшены. — М. Р.), свыше 70% падает на конфискованные в порядке карательных мероприятий. Сплошь и рядом Совнарком и ВСНХ декретировали национализацию, после того как местными органами совнархозов, рабочего контроля или самими рабочими то или иное предприятие фактически было уже конфисковано. В ряде случаев, когда предприниматели бежали или оставляли производство, местные совнархозы, советы или органы рабочего контроля брали на себя руководство оставленными предприятиями. В этом нашло свое выражение чувство ответственности органов советской власти и рабочих масс за сохранение общественной собственности от расхищения, за обеспечение непрерывного хода процесса производства. Высокую сознательность и исключительную ответственность за судьбы производства, проявленную пролетариатом, ставшим господствующим классом, можно продемонстрировать множеством примеров. В своей корреспонденции член областного бюро горнорабочих Западной Сибири М. Рабинович пишет о Судженских копях бывш. Томской губ.: «Копи давали в 1916 г. среднемесячную добычу 2 674 305 пуд., в 1917 г. — 2 608 тыс. пуд. Запасы угля, подготовленного для добычи, составляли, считая по ноябрь, 107 645 тыс. пуд. ...За время войны уголь добывался хищнически, ремонта не производилось. Поэтому в данное время копи требуют усиленного ремонта. Часть такового уже произведена. Упавшая в летние месяцы добыча теперь понемногу налаживается и достигла ста десяти тысяч пудов в день. Поскольку развивается деятельность рудничного комитета и отчасти обновленного технического персонала, намечается дальнейшее повышение добычи...»

При всем этом, пишет он, «предприниматель, воевавший с рабочими все лето и осень 1917 г., тормозил правильный ход работы неприсылкой достаточного количества денег и затягиванием выдачи зарплаты, что и побудило рабочие организации еще в конце ноября послать делегацию в Петроград для выяснения и решения вопроса об участии копей. В декабре необходимые для работы деньги были получены. Предприятие в данное время работает полным ходом и приносит прибыль. Число рабочих и служащих копей 5 000»².

¹ Последние приведенные примеры заимствованы из журнала «Народное хозяйство» № 1, стр. 38.

² «Народное хозяйство», № 1, стр. 14.

V

Рамки статьи не позволяют привести ряд других, имевшихся в громадном количестве примеров героизма и могучего творчества масс, бравших в свои руки руководство предприятиями в ответ на саботаж и сопротивление капиталистов. Большой интерес представляет материал о рабочем контроле на Урале и в Западной Сибири, неизбежно перераставшем в ходе своего развития в национализацию предприятий и вплотную ставившем вопрос о переходе к непосредственному управлению производством. Из этого материала вырисовывается типичная в основном и для других краев и областей Советской республики картина национализации. Это можно проследить по выступлениям представителей мест на I Всероссийском съезде совнархозов, происходившем 25 мая — 4 июня 1918 г. Из этих выступлений видно, что подавляющая часть предприятий конфисковалась местными организациями, а затем национализация оформлялась решениями Совнаркома и ВСНХ. Представитель Западной Сибири Воеводин на съезде говорил: «Нами были национализированы Риддерское общество, рудники золотые, серебряные, свинцовые и пр. на Алтае и Риддерская железная дорога... Состояние этих обществ многомиллионное. Будущность их по хозяйственному значению колоссальна. В техническом отношении они поставлены хорошо, и теперь задача нашего Совета, получившего кредиты (по решению Совнаркома и ВСНХ. — М. Р.) на развитие этих предприятий, будет заключаться в том, чтобы вести эти предприятия по тому плану, по которому здесь многие ораторы высказывались». Далее национализированы были «Спасский медеплавильный завод, Бийский кожевенный завод... затем Судженские каменноугольные копи, бывш. Михельсона... и Богословские копи». Но, — продолжает т. Воеводин, — «национализация еще не проведена декретом. Вот главные предприятия, которые нами национализированы, и теперь (т. е. в мае—июне 1918 г. — М. Р.) национализация проведена декретом СНК». Это выступление показывает, что фактическая национализация во многих случаях предшествовала своему декретированию.

Большой интерес представляет также выступление представителя Уральской области т. Андроникова. Тов. Андроников указывал на исключительный саботаж, проявленный со стороны предпринимателей еще до Октября. «Еще в прошлом году у нас начался саботаж в целом ряде промышленных предприятий. Этот саботаж выразился в том, что предпринимателями сознательно уменьшалось и сокращалось производство. Руководители промышленной жизни поставили себе задачей остановить всю уральскую промышленность». Необходимо отметить, что на Урале рабочий контроль широко распространился еще до Октябрьской революции. В ответ на саботаж на Урале еще до Октябрьской революции развернулось широкое движение рабочего контроля, в ходе своего развития, при исключительном упорстве предпринимателей, неизбежно перераставшего в национализацию. «Рабочие, — говорит т. Андроников, — боролись с саботажем путем рабочего контроля. Они все время с этим искусственным сокращением производства боролись, и поэтому рабочий контроль, который вел эту борьбу, начал организовываться очень рано». «...С самого начала революции, с марта, был поставлен этот вопрос, и рабочий контроль у нас объединился в областном масштабе в июне—июле» (1917 г.). «...в Октябре саботаж усилился до последней

степени. 15 ноября 1917 г. ими (т. е. союзом промышленников Урала) было вынесено постановление, что все округа, в которых будет принят рабочий контроль, будут лишены финансирования банков... Пришлось принять репрессивные меры... Бюро съезда промышленников Урала было арестовано. С другой стороны, пришлось рабочим на местах — в тех предприятиях, которые были лишены финансирования и вынуждены в силу этого остановиться, — фактически взять самим управление предприятиями. Предприятия, которые до сих пор не национализированы, уже несколько месяцев фактически управляются контрольными комиссиями. Но относительно некоторых предприятий, где особенно остро вставал вопрос о финансировании, пришлось сразу поставить вопрос о национализации».

Далее т. Андроников показывает, что в ряде округов еще до декрета о национализации рабочие фактически уже управляли производством. «Все округа, которые национализировались, еще раньше фактически перешли в управление рабочих организаций, в управление рабочего контроля». Поэтому национализация там была уже подготовленной. Далее, говорит т. Андроников, «в конце января и в феврале (1918 г.) начала намечаться линия планомерной организации и планомерной национализации тех предприятий, которые фактически находились в руках рабочих. Надо заметить, что сначала национализировались кроме Богословского и Симского округов округа наименее жизнеспособные.

Областная организация — единый трест, который образовался из этих национализированных предприятий вместе с казенными заводами, — страдала большой слабостью вследствие национализации только одних почти слабых предприятий. Более здоровые предприятия, как Алапаевский, Чусовский, Лысьвенский, оставались ненационализированными, правления всячески старались сохранить в своих руках эти округа, тогда как на местах они рабочих не финансировали.

Фактически рабочие обращались за финансированием к нам (т. е. в совнархоз Уральской области. — М. Р.), и получалась картина такая, что округ этот на казенные национальные деньги будет существовать и сохраняться для своих хозяев. Этим самым уже намечалась национализация этих предприятий. Чтобы усилить трест и устранить его слабость, прежде всего намечена была национализация Алапаевского округа, которая до сих пор еще (т. е. в июне 1918 г.) не утверждена центром; в тот момент, когда предприниматели вместе с представителями контроля обратились к нам за ссудой в 7 миллионов, мы поставили перед рабочим контролем вопрос о национализации, она была подготовлена на месте, и только тогда областной совет утвердил ее и немедленно была послана в центр по телеграфу просьба утвердить национализацию, но до сих пор она не утверждена.

С января месяца заводы Алапаевского округа работают, как национализированные, а питерское правление округа строит всевозможные планы, как бы развить округ, как бы создать целый капиталистический металлургический трест.

Вторым округом, который необходимо было национализировать, явился Чусовский, наличность которого — 16 миллионов, а задолженность — около 4—6 миллионов. Выгодность национализации этого округа была несомненна. Всего числится национализированных предприятий на Урале 153, и из этих 153 предприятий есть предприятия

и не металлургические, есть предприятия химические — несколько серно-кислотных предприятий и другие»¹.

Эти довольно объемистые выдержки из выступлений на I съезде совнархозов наряду с вышеизложенным с достаточной рельефностью отражают ход и течение процесса национализации в Советской республике. Ясно, что, являясь во многих случаях средством ломки саботажа, подавления сопротивления капиталистов советской власти, национализация не могла совершаться с достаточной предварительной подготовкой. В национализации находила свое проявление воля рабочих масс к овладению и экономическому руководству фабриками и заводами.

Национализация по преимуществу проводилась снизу местными органами советской власти, местными совнархозами и органами рабочего контроля. Невзирая на постановления СНК и ВСНХ о том, что «конфискация промышленных и иных предприятий производится по соображениям государственно-хозяйственного свойства а) Высшим советом народного хозяйства и б) Советом народных комиссаров» и что «никакое учреждение, кроме указанных... не имеет права впредь проводить конфискацию предприятий»², этот процесс национализации неуклонно продолжался. В этом же директивном указании «О порядке конфискации предприятий», помещенном в журнале «Народное хозяйство» № 2 за апрель 1918 г., говорилось: «О всех произведенных уже до сих пор конфискациях подлежащие учреждения доводят до сведения Высшего совета народного хозяйства».

При внесении в Совет народных комиссаров каким-либо ведомством, учреждением или лицами предложений о конфискации предприятия должно быть приложено заключение Высшего совета народного хозяйства. Все дела о конфискации предприятий поступают в бюро организации производства Высшего совета народного хозяйства, и его постановления вносятся на утверждение президиума»³. Если национализация проводилась до декрета о всеобщей национализации далеко не всегда по причинам государственно-хозяйственного свойства, то к этому вынуждала обостряющаяся классовая борьба, принявшая наиболее острые формы в мае и июне 1918 г. Зачастую о факте национализации ВСНХ узнавал, когда предприятие обращалось к нему за помощью. Тов. Вейнберг (тогда заведующий Коллегией организации производства и управления предприятиями ВСНХ, ныне секретарь ВЦСПС) в своих замечаниях к таблицам национализированных и секвестрованных предприятий указывает: «К сожалению, относительно большого числа предприятий национализированных (около $\frac{3}{5}$) нам пока не удалось установить даты... часто сведения поступают к нам только тогда, когда у них появляются затруднения финансового характера»⁴.

Органы рабочего управления не всегда были готовы к организации правильного руководства предприятиями, бывали вынуждены обращаться в ВСНХ и СНК за финансовой помощью, тем не менее часто рабочие национализированных предприятий показывали чудеса героизма и организации. Например Макеевские рудники повысили после национализации производительность

¹ См. «Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства». Стенографический отчет, изд. 1918 г., стр. 220—221.

² «Народное хозяйство» № 2, стр. 45.

³ Там же.

⁴ Там же.

в полтора раза. Но, писал т. Милютин, тот факт, «что например Макеевские рудники после национализации повысили производительность в полтора раза, и ряд других аналогичных сведений не могут считаться типичными, хотя представляют конечно сами по себе большой интерес»¹. Совнарком и ВСНХ в первой половине 1918 г. уделяют исключительное внимание, оказывают огромную материальную помощь и поддержку национализированным предприятиям продовольствием, сырьем, финансами. На заседаниях Совнаркома и президиума ВСНХ часто обсуждаются вопросы о руководстве и оказании широкой поддержки национализированным предприятиям. Здесь во всем своем величии выступает пролетарское государство, берущее в свои руки руководство промышленностью и овладевающее командными высотами.

VI

Точную дату конца первого этапа переходного периода и начала военного коммунизма установить трудно. Несомненно, что переход к политике военного коммунизма более ясно обозначился к осени 1918 г. и был вызван крайним обострением классовой борьбы, гражданской войной внутри страны и началом интервенции международного империализма против РСФСР.

В ходе национализации можно установить два основных периода: первый период от Октября до декрета 28 июня 1918 г. и второй период после издания декрета о национализации промышленности. Его осуществление завершается уже в период военного коммунизма. В первом же периоде мы могли бы установить — конечно весьма условно — два основных этапа, из которых второй можно считать примерно с апреля, когда были напечатаны «Очередные задачи советской власти». Здесь Ленин поставил во всей широте вопрос о переходе «от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования» к более сложной задаче организации управления, «подсчета» и освоения того, что уже национализировано, подготовке мероприятий для перехода к более плановой национализации основных отраслей промышленности.

Исчерпывающие статистические данные, характеризующие в полном объеме этот величественный процесс национализации до июня 1918 г., к сожалению, еще до сих пор не разработаны. Все же относительно подробный итог национализации промышленности на 1 июня 1918 г. дает нижеприводимая таблица, помещенная в журнале «Народное хозяйство» № 4 (стр. 45) и составленная по данным отдела управления предприятиями при Коллегии организации производства ВСНХ РСФСР (см. стр. 102).

Данные этой таблицы, несмотря на их неполноту, представляют исключительную ценность. Они прежде всего указывают на то крайне важное обстоятельство, что из 513 предприятий, национализированных к 1 июня (полагаем, что на 1 июня 1918 г. в действительности было национализировано значительно большее количество предприятий²), 218 предприятий, или 42%, приходится на горнометалличе-

¹ «Народное хозяйство» № 5, стр. 7.

² К таблице было дано примечание: «Число национализированных и секвестрованных предприятий конечно больше указанного в таблице, но пока о них данных не имеется... к нам (т. е. в отдел управления предприятиями ВСНХ. — М. Р.) поступают далеко не все сведения с мест о предприятиях, национализированных местными органами власти. Часто сведения об этих предприятиях поступают к нам только тогда, когда у них появляются затруднения финансового характера».

Национализированные и секвестрованные предприятия по отраслям производства

Группы	«К» ¹ национализированные	«Н» Национализированные			«С» Секвестрованные			Итого
		СНК и ВСНХ	областными СНХ	местными органами	СНК и ВСНХ	областными СНХ	местными органами	
Металл	Горнометаллургическая	23	50	39	2	—	7	218
	Металлообработывающая	—	18	26	5	1	45	
Топливо	—	4	2	11	—	—	—	17
Электротехническая	—	5	1	2	—	10	—	18
Волокнистые вещества	—	3	5	7	—	7	4	26
Химические	—	4	21	4	—	8	5	42
Дерево и бумага	—	3	7	24	—	22	6	62
Минералы	—	—	4	1	—	5	—	10
Пищевые и вкусовые продукты	—	9	12	16	—	10	7	54
Продукты животноводства	—	—	1	6	—	1	5	13
Полиграфические	3	1	9	5	—	2	—	20
Транспорт	—	1	2	4	—	—	—	7
Смешанные производства	—	1	16	6	—	2	1	26
Всего	26	99	145	93	1	119	30	513

скую и металлообработывающую промышленность; 18 предприятий—на электротехническую, 42—на химическую и 52—на бумажную и деревообработывающую промышленность. Эта таблица показывает, что пролетариат свое внимание направил на овладение тяжелой индустрией, этой основой промышленности и базой развития всего народного хозяйства. Таким образом уже в первом периоде диктатура пролетариата сделала важнейший шаг по пути овладения решающей отраслью народного хозяйства, важнейшей командной высотой — крупной промышленностью. Это не могло не сыграть исключительной роли в деле укрепления экономической и политической мощи пролетарского государства и вытеснения капиталистов из решающих экономических гнезд.

Данные этой таблицы свидетельствуют также о размахе национализации и рисуют ее ход. Из 513 предприятий 264, или 51,4%, национализированы областными советами народного хозяйства; 123, или 24%, — местными организациями; 100 предприятий национализированы Совнаркомом и ВСНХ. Тов. Милютин, комментируя эти данные, писал: «Мы можем видеть, что процесс национализации шел снизу и советские верхи не поспевали за ним, чтобы взять его целиком в свои руки, несмотря на то, что было издано немало приказов, запрещающих местным организациям производить самим национализацию» («Народное хозяйство» № 5, стр. 6).

VII

28 июня 1918 г. был издан декрет о национализации промышленности с установлением первоочередности для отдельных решающих отраслей. Издание этого декрета, являясь продолжением политики экспроприации промышленности, вытекающей из самого существа

¹ «К» — казенные, государственные.

диктатуры пролетариата, вносит существенные изменения в ход дальнейшего развертывания национализации. Декрет, как мы ниже увидим, содержит точный перечень тех предприятий и отраслей промышленности, которые подлежат национализации в первую очередь. Но прежде чем подойти к изучению самого декрета, мы должны проанализировать важнейшие моменты, связанные с его изданием. Для этого нужно вспомнить ленинские высказывания по этим вопросам, нужно иметь в виду классово-политическую обстановку и соотношение классовых сил, сложившихся в июне 1918 г., нужно проследить тот сдвиг, который произошел в деле овладения массами пролетариата искусством управления.

Партии и Ленину приходилось в тот период проводить решительную борьбу на два фронта в вопросах национализации: против «левых» коммунистов, являвшихся рупором мелкобуржуазной стихии, с их демагогическими требованиями в начале 1918 г. всеобщей национализации всей промышленности, «решительного обобществления» ее; с другой стороны, партия систематически разоблачала социально-классовую сущность полных злорадства и «хихикания» выступлений меньшевиков и эсеров по поводу «дезорганизации» и «беспорядочности», естественно имевших место в первое время на ряде национализированных предприятий.

Меньшевики и эсеры, эта оголтелая агентура буржуазии, в недостаточно организованном проведении национализации первого периода, совершенно естественном в эпоху величайшей исторической ломки самих основ и устоев старой капиталистической системы, пытались черпать лишний аргумент для доказательства «утопичности» социалистического строительства, необходимости реставрации капиталистической собственности, денационализации и возвращения капиталистам конфискованных предприятий.

«...Где социализм является не на подготовленной почве, — говорил на съезде совнархозов один из лидеров меньшевиков, Далин, — при неподготовленном механизме, там он препятствует развитию промышленности...»

Вместе с национализацией погибла и промышленность... Желание захватить в руки огромное хозяйство — безнадежное дело, и приходится сказать, как в басне: «Как вы ни садитесь, а в музыканты не годитесь»¹.

В этих словах наиболее выпукло выступает заимствованная контрреволюционной троцкистско-зиновьевско-каменевской оппозицией меньшевистская буржуазно-контрреволюционная теория о невозможности построения социализма в одной стране. В них выражены ненависть, озлобление классового врага против пролетариата, в тягчайших условиях строящего социализм. В них выразил чаяния классового врага, класса буржуазии лидер меньшевиков, соглашения и сотрудничества с которыми столь упорно и ожесточенно требовали подлые штрейкбрехеры и предатели Каменев и Зиновьев уже после победы диктатуры пролетариата.

А буржуазный экономист профессор Гриневецкий, выступая от имени Союза инженеров на конференции представителей национализированных предприятий 12 мая 1918 г. и рисуя картину тяжелого состояния нашей промышленности и «крайнего истощения производительных сил», сказал: «Союз инженеров, в принципе ничего не имея

¹ «Труды II Всероссийского съезда советов народного хозяйства». Стенографический отчет, стр. 25 и 26.

против национализации предприятий, считает однако таковую не своевременной и допускает лишь возможность трестирования»¹. Это сказано через семь месяцев после победы диктатуры пролетариата, когда национализация разлилась уже широким потоком. Эта точка зрения встретила жестокий отпор конференции, обсуждавшей тогда вопрос о переходе к национализации промышленности.

Ленин в ответ буржуазным экономистам и лакеям буржуазии — меньшевикам и эсерам — говорил, что переход рабочих масс к организации управления промышленностью не может протекать гладко, плавно, без крушения, ломки капиталистической собственности, без известного периода «состояния дезорганизации». «Всякий человек, способный сколько-нибудь исторически взглянуть на вещи, не усомнится ни на минуту в том, что теперешнее состояние дезорганизации есть состояние перехода, — перехода от старого к новому, — есть состояние роста этого нового. Переход от старого к новому, если он проходит так круто, как проходит он в России с февраля 1917 года, предполагает, конечно, гигантское разрушение обветшалого и омертвевшего в общественной жизни. И понятно, что поиски нового не могут дать сразу тех определенных, установившихся, почти застывших и окоченевших форм, которые раньше складывались веками и веками держались»².

Ленин, ставя в «Очередных задачах советской власти» вопрос о необходимости подсчета, освоения того, что уже национализировано, о необходимости перехода от «красногвардейской атаки» на капитал к подвозу тяжелой артиллерии, никогда не расценивал эту красногвардейскую атаку как «содеянную ошибку». Он, наоборот, видит в ней проявление пробужденной революцией инициативы масс, направленной на лишение классового врага основы его экономической мощи. Чтобы организовать управление рабочих промышленностью, нужно прежде всего ее завоевать, нужно выгнать капиталистов из их экономических гнезд. Ставя вопрос о необходимости подсчета того, что уже национализировано, Ленин не раз подчеркивал, что конфискация фабрик и заводов, экспроприация капиталистической собственности, обеспечена самим существованием диктатуры пролетариата.

«Теперь... фабрики и заводы почти перестали быть частной собственностью и, несомненно, перестанут быть таковою в самом ближайшем будущем», — так писал Ленин в начале апреля, до декрета о национализации. Ибо «ввести соответственные декреты — это не представит для Советской власти при теперешнем ее положении решительно никакого труда»³. И когда наступила передышка после Брестского мира, Ленин в «Очередных задачах советской власти» уже во всю ширь поставил задачу учета и контроля и указал, что «организация пролетарского учета и контроля явно... отстала от работы непосредственной «экспроприации экспроприаторов». Но проведенные и проводимые экспроприация и национализация ни в коем случае не являются ошибкой, ибо «вчера гвоздем текущего момента было то, чтобы как можно решительнее национализировать, конфисковать, бить и добивать буржуазию, ломать саботаж. Сегодня только слепые не видят, что мы больше нанационализиро-

¹ «Народное хозяйство» № 4, стр. 36.

² Ленин, Соч., т. XXII, стр. 417 — 418 (разрядка моя. — М. Р.).

³ Там же, стр. 414.

вали, наконфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать»¹. Потому абсурдом являются вопли «пленных мелко-буржуазными предрассудками» «левых» коммунистов с их требованиями «решительного обобществления». «Трудно без улыбки читать, — писал Ленин, — такие фразы в тезисах о текущем моменте:

...«Планомерное использование уцелевших средств производства мыслимо только при самом решительном обобществлении»...². На очередь дня выдвигается более сложная, более трудная, но более благодарная задача организации управления, задача организации «учета и контроля в тех хозяйствах, где уже экспропрированы капиталисты, и во всех остальных хозяйствах»³.

Подразумеваемая под «красногвардейской атакой на капитал» также практику массовой, зачастую в первые месяцы Октябрьской революции проводившейся снизу национализации, Ленин не только не считал ее ошибочной, но в ответ на злобные выпады меньшевиков, эсеров и буржуазной печати говорил, что «нашей исторической заслугой было то, что мы были вчера (и будем завтра) решительны в конфискациях, в добывании буржуазии, в ломке саботажа»⁴. Упрек меньшевиков и эсеров — этот «упрек нелепый, достойный именно лакеев денежного мешка»⁵. Массовая национализация, проводившаяся задолго до декрета 28 июня 1918 г., была исторически неизбежна. «Ибо, — писал Ленин, — «красногвардейская» атака на капитал в свое время предписывалась обстоятельствами безусловно: во-первых, капитал сопротивлялся по-военному... Военное сопротивление нельзя сломать иначе, как военными средствами, и красногвардейцы делали олагороднейшее и величайшее историческое дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых от гнета эксплуататоров, во-вторых, мы не могли бы тогда поставить на первый план метод управления взамен методов подавления и потому, что искусство управления не прирождено людям, а дается опытом. Тогда этого опыта у нас не было. Теперь он есть»⁶. И наконец говорил Ленин, «теперь мы саботаж сломали». Вот почему процесс национализации, как он протекал в первом полугодии после Октября, являлся исторически неизбежным и вполне оправданным. И когда Ленин в «Очередных задачах советской власти» говорил о «приостановке» «наступления на капитал», он всегда добавлял, что об этом, разумеется, «можно говорить только в кавычках, т. е. только метафорически»⁷ в интересах обеспечения полной победы. «Чтобы мы отказались от дальнейшей экспроприации капитала, не может быть и речи. Речь идет об изменении центра тяжести нашей экономической и политической работы»⁸. Только в плане ленинской постановки вопроса об организации всенародного учета и контроля, только учитывая социально-политическую обстановку в середине 1918 г., мы должны рассматривать дальнейший шаг в политике партии — переход ко всеобщей национализации промышленности. Когда Ленин говорил о «приостановке наступления», он имел в виду необходимость перехода к более сложным методам борьбы во имя дальнейшего наступления на

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 512.

² Там же, стр. 511.

³ Там же, стр. 444 — 445.

⁴ Там же, стр. 512 (разрядка моя) — М. Р.

⁵ Там же стр. 445.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 444.

⁸ Там же.

капитал, дальнейшего продолжения экспроприации. Укрепилась диктатура пролетариата, широкие массы рабочих накопили первый опыт управления. Okрепли органы экономического регулирования народного хозяйства — ВСНХ и его отделы (хотя процесс их перестройки еще продолжался), областные и краевые совнархозы и органы рабочего контроля. В школе борьбы рабочий класс овладевал искусством управления, выделяя сотни и тысячи талантливых организаторов и руководителей производства. Это являлось базой для подхода к разрешению более сложных задач, задач управления, более подготовленного овладения командными высотами и продолжения экспроприации промышленности.

«А у нас за эти три с половиной месяца, несмотря на гигантскую тяжесть, о которой мы открыто перед всем народом говорим, несмотря на все это, имеются здоровые ростки здорового организма, и в промышленности и всюду мелкая строительная работа, может быть, не эффективная, не шумная, идет вперед. Она дала свои плодотворнейшие результаты, и мы, имея еще три месяца, еще шесть месяцев, еще зимнюю кампанию такой работы, будем идти вперед, а западно-европейский империалистический зверь, уставая от борьбы, такого сопротивления не выдержит, потому что внутри его зреют силы, до сих пор еще не верящие в себя, но которые приведут империализм к гибели... Об этой строительной, мелкой, созидательной работе говорят слишком мало, и я думаю, что на ней нам нужно остановиться больше»¹. Так говорил Ленин 5/VII 1918 г. на V съезде советов. И какая глубокая проникновенная вера в окончательное торжество социализма! В этой строительной, созидательной, на первый взгляд «не шумной», «не эффективной» работе Ленин видел залог нашего победоносного движения вперед, пробуждение революционной инициативы могильщика империализма — мирового пролетариата.

Критикуя эсеров и касаясь роли рабочего контроля как школы управления, Ленин там же говорил:

«Что же делают те рабочие, которые своими силами через профессиональные союзы стали от хозяев учиться делу управления предприятиями? ... Рабочий научился многому, и, делая из этого выводы, мы приходим к тому, что рабочие начинают учиться медленно, правда, с ошибками, но одно дело сказать фразу, а другое — видеть месяц за месяцем, как постепенно рабочий входит в свою роль; начинает терять свою робость и начинает чувствовать себя правителем»².

Это — один из величайших факторов, позволивших подойти к более планоному продолжению начавшегося после Октября процесса экспроприации фабрик и заводов, к декрету о всеобщей национализации.

Помимо того решительно изменилась классово-политическая обстановка в июне по сравнению с апрелем и началом мая. Начался период контрреволюционных мятежей и интервенции. 17 мая восстание максималистов и левых эсеров в Самаре. Первые столкновения с чехословаками в Челябинске. Восстание правых эсеров в Саратове. 6 июня чехословацкий мятеж во Владивостоке. 8 июня занятие чехословаками Омска и 9 июня Самары. 19 июня восстание правых эсеров в Тамбове. 27 июня высадка английского десанта в Мурман-

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 120. Разрядка моя. — М. Р.

² Там же, стр. 133. Разрядка моя. — М. Р.

ске. 7 июля белогвардейское восстание в Рыбинске. 27 июля занятие добровольческой армией Армавира. Затем последовательно ряд других белогвардейских восстаний.

Это изменение классово-политической обстановки является также одной из важнейших причин перехода к национализации крупной промышленности, что нашло свое выражение в декрете 28 июня.

Уже 18 мая в письме на имя вышеупомянутой конференции представителей национализированных предприятий металлургической промышленности, написанном в ответ на посещение его рабочей делегацией, Ленин писал:

«Выслушав сообщение товарищей... и имея в виду резолюцию конференции, я могу сказать, что в Совете Народных Комиссаров, наверное, по моему мнению, будет единодушие в пользу немедленной национализации, если конференция со всей энергией возьмется за обеспечение планомерной, стройной организованности работ и повышение их производительности»¹. В этом же письме Ленин ставит перед участниками конференции ряд важнейших организационных и других задач, на осуществление которых нужно направить все усилия.

Происходивший 26 мая—4 июня 1918 г. I Всероссийский съезд совнархозов также указал в своей резолюции, что «необходимо завершение и проведение национализации отдельных предприятий», и постановил «перейти к последовательной национализации отраслей промышленности, и в одну из первых очередей металлообрабатывающей промышленности, химической, нефтяной и текстильной», подчеркнув при этом, что «проведение национализации должно быть лишено случайного характера»².

А уже 28 июня был издан декрет Совнаркома за подписью Ленина о национализации, где читаем:

«В целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой и для упорочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты, Совет Народных Комиссаров постановил:

1) объявить собственностью РСФСР нижеуказанные, расположенные в пределах Советской республики, промышленные и торгово-промышленные предприятия со всеми их капиталами и имуществами, в чем бы таковые ни заключались». В этом же декрете подробно перечисляются отдельные, подлежащие национализации, виды, типы, отрасли производства. В первую очередь национализации подлежат металлургическая и металлообрабатывающая промышленность, горная, электротехническая, текстильная, химическая, резиновая и т. д. Декрет определяет также размер основного капитала и масштаб предприятий, подлежащих национализации и не перечисленных в декрете.

Характерно, что согласно декрету все национализированные предприятия «впредь до особого распоряжения признаются находящимися в безвозмездном пользовании прежних владельцев». «Правление и бывшие собственники финансируют их на прежних основаниях, а равно получают от них доходы на прежних основаниях». Одновременно декрет обязывает всех членов правления и директоров нести полную ответственность перед Советской республикой за целостность и сохранность предприятий, за правильную их работу и объявляет

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 22.

² «Народное хозяйство» № 4, стр. 16.

«весь без исключения служебный, технический и прочий персонал состоящим на службе» у Советской республики. Смысл последней части декрета заключается в том, чтобы до организации рабочего управления национализированными предприятиями не допускать остановки процесса производства, его расхищения и дезорганизации, чтобы внести максимально возможную плановость в переход предприятий под непосредственное руководство органов пролетарского государства. Смысл также в том, чтобы заставить инженерно-технические силы, специалистов и служащих работать под контролем диктатуры пролетариата и отдавать свой опыт и знания рабочему классу.

Вслед за декретом о национализации были изданы декреты о национализации нефтяной промышленности и заводов, входящих в финансовую группу Сормово—Коломна¹.

После декрета процесс национализации становится все более и более напряженным. Если к моменту I съезда совнархозов было национализировано 315 предприятий, а к 1 июня 1918 г. — 513 предприятий, то уже к декабрю того же года их насчитывалось 1 115, а в феврале 1919 г. — около 2 тысяч. Завершение национализации произошло уже в период военного коммунизма.

В данной работе мы не имеем возможности подробно анализировать дальнейший ход процесса национализации в период военного коммунизма. Достаточно сказать, что уже в 1920 г. было национализировано 4 877 предприятий².

Как мы видели, задолго до издания декрета о национализации пролетарское государство по целому ряду причин проводило экспроприацию промышленности.

Неуклонно совершавшийся процесс национализации крупной промышленности наряду с национализацией внешней торговли, банков, транспорта и т. п. делал рабочий контроль уже не достаточным, «устаревшим» и выдвигал во всей широте задачу перехода к непосредственному управлению национализированными предприятиями и перестройке органов планирования и руководства народным хозяйством.

Рядом с органами рабочего контроля декретом ВЦИК от 1 декабря был создан и уже широко развил свою деятельность Высший совет народного хозяйства, который по замыслу должен был представлять «высшее экономическое учреждение, направляющее (регулирующее) все народное хозяйство»³.

Ленин в этой диктовавшейся жизнью, непрерывной перестройке органов экономического регулирования и руководства народным хозяйством усматривал один из показателей того, «что социализм из области догмы, о которой могут говорить только совсем ничего не понимающие люди, из области книжки, программы перешел в область практической работы»⁴.

В своем заключительном слове на V съезде советов (5 июля 1918 г.) Ленин дал исчерпывающую характеристику того значения, которое имело введение рабочего контроля, положительного значения факта его «устарелости», свидетельствующего о величайших сдвигах, происшедших в Советской России.

¹ Подробно о декрете см. «Народное хозяйство» № 5, стр. 67—69.

² Данные взяты из ст. Э. Квиринага, опубликованной в «Этапах экономической политики», 1933 г.

³ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 91.

⁴ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 121.

«Время показывает, — говорил Ленин, — что рабочий должен был научиться управлению промышленностью, а все остальное есть пустейшая фраза, которой цена грош. Если мы через полгода Советской власти дошли до того, что теперь подходим к устарелости контроля — это уже громадный шаг вперед»¹.

Свою историческую миссию «научить пролетариат искусству управления» рабочий контроль целиком и полностью выполнил. Значение декрета о рабочем контроле исторически огромно.

Организация планомерного руководства, планомерного учета и контроля над производством и распределением продуктов ставится как важнейшая задача пролетарского государства еще в дооктябрьской экономической платформе партии большевиков. Историческое значение рабочего контроля заключается также и в том, что он являлся ступенью для создания экономических предпосылок перехода к организации планового руководства советской экономикой и овладения командными высотами. Рабочий контроль, как мы видели, являлся исторически необходимой ступенью, этапом на пути перехода сначала (в первом полугодии) к частичной, а затем (с 28 июня 1918 г.) ко всеобщей национализации пролетарским государством всей промышленности. Декретом Совета народных комиссаров от 14 декабря уже были национализированы банки, от 14 апреля 1918 г. — внешняя торговля, от 26 января 1918 г. — торговый флот.

Начавшаяся с первых месяцев Великой пролетарской революции национализация акционерных обществ, фабрик и заводов наряду с национализацией банков, транспорта и внешней торговли представляла осуществление важнейшей задачи пролетарской революции по экспроприации экспроприаторов, освобождение средств производства от капиталистических пут. Это было началом величественного процесса овладения и концентрации в руках пролетарского государства решающих командных высот народного хозяйства, — процесса, в основном завершенного в период военного коммунизма. Это одновременно являлось процессом создания диктатурой пролетариата социалистического сектора в многоукладной экономике, — сектора, создаваемого в огне и вихре борьбы советской республики. Это — одна из наиболее ярких страниц первого периода советской власти, ибо решающие командные высоты, железной рукой концентрированные в руках пролетарского государства, сыграли величайшую роль на последующих этапах переходного периода в деле успешного разрешения коренной задачи пролетарской революции — уничтожения классов и построения бесклассового социалистического общества — всемирноисторической задачи, успешно завершаемой во второй пятилетке под руководством партии Ленина—Сталина, под гениальным водительством мудрого, любимого, величайшего стратега пролетарской революции, вождя народов СССР тов. Сталина.

От редакции. Положения о периодизации, выдвинутые в статье т. Рубинчика, подлежат обсуждению.

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 133.

Германский фашист в роли „критика“ Маркса

1. „Германский социализм“ Ганса Петера

Приват-доцент Тюбингенского университета Ганс Петер, написавший книжку о методологии статистики и двухтомную работу об «Основных проблемах теоретической экономии»¹, принадлежит к той группе молодых фашистских экономистов, которые пришли к фашизму вместе с Зомбартом от либерализма, в его жалком германском издании, от катедер-социализма и Общества социальной политики.

Характерной особенностью Зомбарта и его последователей, в том числе и Ганса Петера, является их способ борьбы против марксизма. В то время как Отмар Шпанн, его школа и все те многочисленные фашистские экономисты, которые находятся в родстве с кругом идей «универсализма», ограничиваются бессодержательной и невежественной руганью по адресу марксизма, Зомбарт и «зомбартисты» стремятся «преодолеть» марксизм, пользуясь марксистской терминологией, прибегая к цитатам из Маркса и даже лицемерно расшаркиваясь перед марксовым гением.

Интересно то, что германская буржуазия не расстается с этим своим оружием даже теперь, в эпоху открытой фашистской диктатуры, когда в экономической теории на первый план был выдвинут иной ряд идей о «полезных средствах и целях», о иерархии экономических действий, о сословно-корпоративном строе и тому подобном средневеково-романтическом вздоре, прикрывающем господство финансового капитала и подготовку всего капиталистического хозяйства к войне. Доказательством того, что борьба против марксизма посредством его извращения не снимается с порядка дня, является работа Ганса Петера, заслужившая целый ряд одобрительных отзывов на страницах руководящих германских экономических журналов.

Ганс Петер открыто признает себя сторонником и последователем Зомбарта. В своей работе он неоднократно ссылается на Зомбарта и подчеркивает свое согласие с ним в важнейших вопросах экономической теории. Так же, как и Зомбарт, он не только критикует и «исправляет» марксизм, но и противопоставляет марксистскому пролетарскому социализму свой «германский социализм». Идеологи фашистской буржуазии, считаясь с антикапиталистическими настроениями широких масс пролетариата и мелкой буржуазии, не могут ограничиваться одной только апологетикой капитализма, облекаемой ими в псевдонаучную форму и марксистскую терминологию. Они должны прибегать еще и к социальной демагогии, стараться уверить

¹ Dr. Hans Peter, Grundprobleme der theoretischen Nationalökonomie, Stuttgart, W. Kohlhammer Verlag, Band I, «Wert, Preis, Profit», 1933; Band II, «Der Gesamtprozess in der Entwicklung», 1934.

В дальнейшем я буду делать ссылки на это сочинение, указывая том римскими, а страницу—арабскими цифрами.

трудящиеся массы, будто фашисты выступают не в защиту капитализма, будто они даже, наоборот, являются в той или иной мере противниками капитализма и защитниками «социализма», но социализма особенного — «германского».

В качестве образца фашистской «антикапиталистической» демагогии приведем выдержку из предисловия Ганса Петера ко второму тому его работы. Тут он становится в позу борца против... апологетики капитализма. Он пишет: «Многие теоретики со слишком большой легкостью предоставили свой язык к услугам существующего экономического строя и тем самым — отчасти даже сознательно, хотя и быть может добросовестно — воспрепятствовали тому, чтобы был найден выход из капиталистического либерализма».

Вся эта бравадная «антикапиталистическая» тирада оказывается однако, как это видно из конца фразы, направленной не против капиталистического строя, а против «капиталистического либерализма», под которым Ганс Петер подразумевает капитализм эпохи свободной конкуренции. Этим Петер конечно никак не ущемляет существующему монополистическому капитализму не наносит.

В дальнейшем Ганс Петер еще отчетливее выявляет сущность своей «антикапиталистической» позиции. Упрекая апологетов капитализма в том, что они умышленно затушевывали проблему капиталистической прибыли (с тем, как он сам апологетически разрешает эту проблему, мы познакомимся впоследствии), он пишет о буржуазных экономистах «либералистического» направления: «Погрязшие в рационалистических предрассудках, они видели помимо капитализма только его антагониста — коммунизм. Вследствие этого не мог произойти переход к синтезу свободы и коллективности — к социализму».

«Германский социализм», по Гансу Петеру, является одной из разновидностей экономической политики. Таких разновидностей или, как он сам выражается, «внешних форм экономической политики» он насчитывает пять: 1) капиталистический либерализм; 2) либеральный социализм; 3) интервенционизм; 4) германский социализм и 5) коммунизм. Такое хитроумное расположение «внешних форм экономической политики» дает Гансу Петеру возможность сразу же отвергнуть обе «крайности» и предстать в виде защитника «золотой середины». «Об обеих крайностях, — говорит он, — достаточно здесь лишь упомянуть. Это — отказ от всякой экономической политики, это — *laissez faire, laisser passer* капиталистического либерализма и отмена рыночного хозяйства в коммунизме. Остальные три имеют особенный и актуальный интерес ввиду их близкого родства»¹.

Оставив в покое «близких родственников», мы прямо обратимся к самому «германскому социализму» или «просто социализму», как его иногда величает Ганс Петер. «Просто социализмом, — говорит он, — я хотел бы обозначить такой порядок рыночного хозяйства, при котором с помощью соответствующих институтов предотвращается создание классовых монополий, так что труд не должен платить проценты чрезмерно могущественной собственности, а собственность может приобретаться только трудом»².

Перед нами — типичный образчик фашистской социальной демагогии. Ганс Петер обещает пролетариату, что при его, Ганса Петера, «социализме» «труд не должен будет платить процентов чрезмерно могущественной собственности» и что будет «предотвращаться созда-

¹ Т. II, стр. 139—140.

² Т. II, стр. 140.

ние классовых монополий». Он дает также обещания и мелкой буржуазии, что «собственность может приобретаться только трудом». Но основной смысл его «социализма» заключается в том, что: 1) частная собственность на средства производства сохраняется и 2) классы остаются.

В дальнейшем Ганс Петер уточняет свое понимание «германского социализма» или «просто социализма». Говоря о вмешательстве государства в экономическую жизнь в форме фиксации цен и т. п., Ганс Петер находит такое вмешательство неизбежным. «Даже в идеально устроенном социализме его (вмешательства) в форме полицейских мероприятий никогда нельзя будет совсем избежать. Но дело идет о другой проблеме, когда спрашивают, какого рода вмешательство требуется для разграничения капиталистического и аграрного секторов народного хозяйства и прежде всего для защиты последнего против экспансионистских тенденций первого. Задача заключается в том, чтобы устранять существующие трения, уничтожать имеющиеся тенденции. Я хотел бы однако указать, что после урегулирования капиталистического сектора в духе социализма, как оно начато законом о регулировании национального труда (разрядка моя — Я. С.), трения будут смягчены и здесь...»¹

Ссылкой на «закон о регулировании национального труда» как на мероприятие, вводящее социализм в Германии, Ганс Петер с исчерпывающей полнотой охарактеризовал свой «германский социализм». Остается только вспомнить о том, что собой представляет этот закон. Изданный гитлеровским правительством 20 января 1934 г. «закон о регулировании национального труда» являлся попыткой низвести рабочих на предприятиях не только фактически, но и формально на положение рабов предпринимателя. Он превращал капиталиста в «вождя», а рабочих и служащих в его бессловесную «свиту» (Gefolgschaft): Он отменял тарифные договоры и вместо них предоставлял «вождю» — предпринимателю — право устанавливать по своему произволу ставки заработной платы, определять продолжительность рабочего дня, налагать штрафы, вводить любые правила внутреннего распорядка и т. д. Об этом законе даже буржуазный австрийский юрист Еллинек писал, что он создает «привилегированную касту вождей хозяйства» и «ограничивает свободу германского рабочего в такой мере, что это напоминает рабство»². «Германский социализм», заключающийся в этом законе, сводится к тому, что в нем имеется рекламный демагогический пункт, угрожающий лишением звания «вождя» тем предпринимателям, которые будут злоупотреблять своей властью.

«Германский социализм» Ганса Петера — это восхваление террористической диктатуры финансового капитала, это — попытка прикрыть отвратительную наготу фашистской диктатуры демагогическими фразами о «сочетании свободы личности с благом коллектива», о том, что «труд и собственность должны в одинаковой мере получать долю от совместно достигнутого прогресса» и т. п. Ознакомившись со смыслом и значением «германского социализма» Ганса Петера, мы получаем теперь возможность надлежащим образом оценить его теоретико-экономические взгляды, которые направлены к тому, чтобы

¹ Т. II, стр. 141.

² Более подробные сведения об этом законе см. в моей книге: «Очерки экономической политики германского фашизма», Соцэкгиз, 1934, стр. 27—32.

обосновать этот «социализм». При разборе его экономической теории мы не должны упускать из виду того классового фона, на котором разворачиваются все его теоретические рассуждения.

2. Теория прибыли

Главным вопросом, на который должна дать ясный и недвусмысленный ответ всякая экономическая теория, занимающаяся анализом производственных отношений капиталистического общества, является вопрос о происхождении капиталистической прибыли. Этот вопрос служит тем реактивом, при помощи которого сразу же определяется классовая сущность данной теории.

Ганс Петер, как подавляющее большинство буржуазных экономистов, исходит из примата обращения. В основу всех своих построений он кладет рыночные отношения товаровладельцев. Но этого мало. Даже там, где он говорит о производстве, он от производства как такового совершенно отвлекается и подразумевает под производством появление товаровладельца на рынке с произведенными уже товарами. Ганс Петер утверждает, что «Кассель вполне правильно понимает производство в социально-экономическом смысле: доставки на рынок *Zumarktebringen*), а не в техническом смысле — изготовления»¹.

Апологетический смысл такого рода абстрагирования от производства, вынесения его за скобки экономической науки нетрудно разгадать. Отделавшись в своих экономических построениях от анализа процесса производства, Ганс Петер и другие буржуазные экономисты создают себе возможность совершенно устранить из поля зрения вопрос о производстве прибавочной стоимости. Производство относится ими всецело в область техники, и тогда перед ними остается сфера обращения с ее формально равноправными товаровладельцами, совершающими между собою лишь сделки купли-продажи. Так поступает американская институциональная школа политэкономии, представитель которой Джон Коммонс объявляет сделку основным элементом экономики², а производство выносит за пределы политэкономии в область «инженерной экономики». Институциональная школа приобретает все большее количество последователей среди буржуазных экономистов не только в США, но и в Европе.

Итак, отрешившись от производства, Ганс Петер ограничивает все свои рассуждения фактически только сферой обращения. Его экономическая теория занимается исключительно взаимоотношениями между товаровладельцами или, употребляя его терминологию, между обладателями благ и услуг. В «автерговом» хозяйстве (которое можно до некоторой степени приравнять к более доступному человеческому пониманию термину простого товарного хозяйства) товаровладельцы «доставляют на рынок» только произвольно умножаемые блага. В «аллерговом» же, т. е. капиталистическом, хозяйстве наряду с товаровладельцами, которые обладают лишь произвольно умножаемыми благами, на рынке выступают и обладатели специфически редких благ. Это наличие владельцев «специфически редких благ» и со-

¹ Т. I, стр. 89.

² О нем см. мою статью в «Проблемах экономики» за 1935 г., № 4, «Институциональная школа и ее представитель Джон Коммонс».

ставляет, по Гансу Петеру, основное отличительное свойство «аллергового» капиталистического хозяйства.

Разница между владельцами произвольно умножаемых благ и обладателями специфически редких благ состоит в том, что первые выносят на рынок продукты своего труда или свои собственные «услуги», а вторые предлагают такие блага, которые им никакого труда не стоили или стоили относительно меньше, чем произвольно умножаемые блага. Владельцы специфически редких благ пользуются тем обстоятельством, что они обладают исключительным правом собственности на такие блага, и требуют за них больше произвольно умножаемых благ, чем это соответствовало бы трудовым усилиям, затраченным ими на свои специфические редкие блага. Доход владельцев произвольно умножаемых благ создается трудом, а доход обладателей специфически редких благ зависит от их собственности. На основании этого Ганс Петер заявляет: «Аллерговое хозяйство отличается от автергового тем, что в нем наряду с доходами от труда существуют доходы от собственности. Чистый продукт общества распределяется поэтому среди индивидов не пропорционально сделанной работе, и закон трудовой стоимости тут не применим»¹.

Ганс Петер торжествует: он воображает, что ему удалось доказать, будто «закон трудовой стоимости» (под которым он подразумевает марксову теорию стоимости) неприменим именно к тому экономическому строю, который существует в действительности, — к капиталистическому хозяйству. Ганс Петер отрицает применимость теории Маркса к капиталистическим производственным отношениям, но зато милостиво допускает ее к объяснению гипотетического «автергового хозяйства». Такова первая хитроумная уловка этого фашистского «критика» Маркса.

Доходы от собственности имеют своим источником прибыль, а прибыль представляет собою, по словам Ганса Петера, «разницу между продажной ценой продукта и его себестоимостью, включая в нее и соответствующую заработную плату предпринимателя»². «Обычно, — добавляет Ганс Петер, — спрашивают о том, каков тот фактор, ценою которого является эта прибыль. Мы сначала дадим ему название, обозначив его как использование состояния (*Verfügungsnutzung*). Этим мы хотим сказать, что дело идет о таком использовании состояния, которое входит в продажную цену без уменьшения самого состояния»³.

Ганс Петер понимает однако, что объяснение прибыли, являющейся, по его собственному определению, доходом от собственности, «использованием состояния», ничего не объясняет и представляет собою только пустую тавтологию. Поэтому он пускается на поиски «факторов прибыли».

Таких факторов, оказывается, существует два:

Первый — это использование состояния для эксплуатации всевозможных технических изобретений и усовершенствований, снижающих себестоимость. Такое «использование состояния» дает предпринимателю возможность получать «дифференциальную прибыль». Но этим фактором, по словам Ганса Петера, может быть объяснена только часть фактически получаемых прибылей. Ганс Петер признает, что если бы даже не было технических нововведений и вытекающих из

¹ Т. I, стр. 85.

² Там же, стр. 104.

³ Там же,

них «дифференциальных прибылей», владельцы состояний (как он называет капиталистов, умышленно избегая употреблять слово капитал) все равно получали бы прибыли. Поэтому он указывает, что «существует несомненно еще один источник прибыли, и мы считаем его более важным. Это — статическая монопольная прибыль»¹.

Свою теорию прибыли Ганс Петер называет поэтому «монопольной теорией прибыли». Предпосылкой «статической» прибыли в противоположность «динамической», вытекающей из использования технических усовершенствований и изобретений, он считает то обстоятельство, что на рынке обмениваются специфически редкие блага на произвольно умножаемые продукты труда. Владельцы специфически редких благ являются монополистами. Для того чтобы они получали монопольные прибыли, нужны два условия: во-первых, чтобы существовал постоянный, неиссякаемый источник специфически редких благ, и, во-вторых, чтобы эти специфически редкие блага «находились в собственности отдельных лиц или группы их, которой противостало бы множество не-собственников»².

Таким образом Ганс Петер делает в своей теории прибыли весьма важное признание в классовом делении общества на группы монополистов-собственников и не-собственников.

Тут сразу же возникает вопрос о происхождении монополии, о том, каким образом произошло то, что общество разделилось на собственников и не-собственников. Даваемые Гансом Петером объяснения отличаются неопределенностью и недоговоренностью. Это понятно, ибо главная его цель — скрыть истинные корни эксплуатации группой «собственников-монополистов» всей остальной массы «не-собственников». Поэтому, вместо того чтобы прямо ответить на вопрос, из какого источника получается «статическая монопольная прибыль», Ганс Петер пускается в описания.

«В конечном счете, — заявляет он, — специфическая редкость благ — если отвлечься от употребляемого на них квалифицированного труда специфической редкости — зависит от даров природы. Право распоряжения дарами природы принадлежит обычно обладателю земельных владений. Он распоряжается результатами использования своих владений для сельскохозяйственного и горнопромышленного назначения. Пока земля является свободным благом, так что каждый, кто желает затратить требуемый труд, может пользоваться ею как средством производства, до тех пор плоды, приносимые ее обработкой, представляют собой свободные блага. Цена сельскохозяйственных и горнопромышленных продуктов определяется их трудовой стоимостью. Но если земля экономически (? — Я. С.) целиком занята и следовательно всякий пригодный к возделыванию клочок ее действительно обрабатывается, то результаты использования земли начинают становиться специфически редкими. Это состояние возникает еще раньше, если вследствие права собственности обработка пригодной к возделыванию почвы частично не допускается. При таких условиях землевладельцы получают благодаря продаже продуктов земли не-собственникам постоянную ренту редкости, так называемую статическую монопольную прибыль»³.

Итак, «тайна» монопольной прибыли раскрыта: ее источником служат «дары природы» при том условии, если все пригодные к обработ-

¹ Т. I, стр. 108.

² Там же, стр. 109.

³ Там же.

ке земельные участки разобраны. От всей этой «новейшей» теории прибыли так и несет плесенью старины. Ганс Петер вытащил из кунсткамеры давно уже истлевшую теорию физиократов.

Однако разница между физиократами и фашистом Гансом Петером огромна. Физиократы были идеологами буржуазии на заре развития капитализма, когда буржуазия как молодой класс играла исторически прогрессивную роль. Маркс отмечал заслуги физиократов в развитии экономической науки. То обстоятельство, что происхождение прибавочной стоимости им было неясно, что они видели в стоимости только потребительную стоимость и смешивали «чистый дар природы» с прибавочной стоимостью, объяснялось общественными отношениями той эпохи, в которой они жили, эпохи перехода от феодальных к буржуазным производственным отношениям.

Совершенно иначе дело обстоит с Гансом Петером. Он представляет интересы монополистического капитала в эпоху умирающего и загнивающего капитализма, в эпоху кануна пролетарской революции, когда классовые противоречия вырисовываются с исключительной резкостью и яркостью. В такой обстановке повторение неясных представлений физиократов о происхождении прибыли и в особенности их ссылок на «дары природы» как на источник прибыли, повторение этих воззрений с целью противопоставления их марксовой теории прибавочной стоимости может иметь только один смысл: стремление замазать происхождение капиталистической прибыли.

Надо однако сказать, что ссылка на «дары природы» как на источник прибыли приобретает у Ганса Петера расширенное толкование. К ним он относит также и всякого рода монопольные права на получение «даров природы» синтетическим путем, например патент на добывание азота из воздуха, дающий возможность изготовлять искусственные азотные удобрения. Этим дополнением к учению физиократов о «чистом даре природы» Ганс Петер воздает должное имевшему как-никак за 170 лет место техническому прогрессу.

Все эти рассуждения об искусственных «дарах природы» несколько однако не изменяют основной принципиальной позиции Ганса Петера — его взгляда на происхождение прибыли, заимствованного им у физиократов и даже излагаемого им почти в тех же выражениях, как у Тюрго. Физиократы служат для него не только кладезем теоретико-экономической премудрости, из которого он черпает свое объяснение основ капиталистического хозяйства, но и источником демагогических излияний насчет незавидного положения «не-собственников».

Общая картина хозяйства, в котором царит «статическая монопольная прибыль», рисуется Гансом Петером в следующем виде:

«Так как... всякий собственник выступает по отношению к не-собственнику как монополист, то каждый собственник приравнивается к собственнику специфически редких благ, всякое обладание состоянием (Vermögen) означает возможность располагать специфически редкими благами. Всякий собственник получает в качестве производителя или продавца готовых продуктов высокую продажную цену за монопольные блага. А в качестве покупателя труда он платит стоящую на низком уровне — вследствие большой настоятельной потребности в обмене — цену за работу. К его трудовому доходу присоединяется эта разница в виде дохода от собственности, между тем как рабочему достается только заработная плата»¹.

¹ Т. I, стр. 119.

Тут Ганс Петер хотя и в чрезвычайно путаной и двусмысленной форме, с массой всевозможных оговорок и неясностей признает: 1) что в капиталистическом обществе доходы делятся на трудовые и нетрудовые и 2) что нетрудовые доходы являются следствием обладания «состоянием», представляющим собою средства производства. Капиталистическое хозяйство характеризуется, по Гансу Петеру, тем, что все его «хозяйствующие субъекты» делятся на меньшинство собственников, монополизировавших в своих руках естественные и искусственные «дары природы», которые служат средствами производства, и на большинство не-собственников, «дарами природы» не располагающих и потому вынужденных продавать свои услуги, т. е. свою рабочую силу.

От такого признания, что в основе капиталистического строя лежит монополия на средства производства, конечно бесконечно далеко до констатирования заложенного в капитализме главного противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения. Но нам надо во всяком случае отметить тот факт, что Ганс Петер вынужден признать существование в капиталистическом хозяйстве нетрудовых доходов.

Ганс Петер делает еще одно признание. Он говорит, что «не-собственники», выносящие на рынок свои «услуги», оказываются в качестве контрагентов сделок купли-продажи в невыгодном положении. Чтобы иметь возможность поддерживать свое существование, они должны торопиться и поэтому продают свою рабочую силу («услуги» согласно терминологии Ганса Петера) за низкую заработную плату, между тем как собственники средств производства имеют возможность не спешить с продажей своих «специфически редких благ», а посему продают их с большей выгодой.

Перед нами оказывается таким образом несколько разрозненных частей теории прибыли. Прибыль, согласно утверждениям Ганса Петера, извлекается владельцами средств производства, во-первых, из купли «услуг» по низким ценам, во-вторых, из продажи своих изделий по таким ценам, которые оплачивают «заработную плату» самих владельцев средств производства полностью, и наконец, в-третьих, из надбавки к ценам своих товаров как «специфически редких благ».

Основной особенностью всех этих элементов теории прибыли является то, что все они выводятся Гансом Петером из обращения, а не из производства: прибыль проистекает во всех случаях из того, что одни блага продаются дороже, а другие дешевле, и разница присваивается монополистами — владельцами специфически редких благ или средств производства.

Но перечисление разнородных частей теории прибыли еще не создает самой теории. Это сознает сам Ганс Петер. Отдельные элементы теории прибыли нужно объединять, указав, как и из какого источника вообще получается капиталистическая прибыль. Ответ Ганса Петера, что она является результатом монополии на средства производства, есть только первый шаг к объяснению происхождения прибыли. Теперь нужно сделать следующий шаг и ответить на вопрос, служит ли монополия на средства производства орудием эксплуатации, орудием присвоения неоплаченного труда, воплощенного в прибавочной стоимости, или же эта монополия дает возможность владельцам средств производства получать прибыль каким-то другим способом, без эксплуатации.

Прежде чем высказаться, за какое из этих двух решений вопро-

са о происхождении капиталистической прибыли он стоит, Ганс Петер старается извратить самую альтернативу, подsunуть вместо нее совсем другую, внешне как будто похожую на нее, с тем чтобы устранить самую постановку вопроса о присвоении прибавочной стоимости. Делает он это таким образом.

«Для дальнейшего развития теории прибыли, — говорит он, — представляются сначала две различных возможности изложения. Можно рассматривать прибыль или как надбавку к «естественной» цене, т. е. к цене, которая образовалась бы при свободной конкуренции, или же как вычет из заработной платы, которая должна была бы быть уплачиваема при свободной конкуренции. В конечном счете обе эти возможности сводятся к одному и тому же»¹.

Прежде всего в корне неверно то, что дело тут идет лишь о различных способах изложения теории прибыли. Перед нами две диаметрально противоположные теории. Далее, вторая из этих теорий сформулирована умышленно неправильно. Ганс Петер, подразумевающий под нею, как он сам говорит неоднократно, «теорию эксплуатации», т. е. теорию прибавочной стоимости Маркса, старается изобразить дело так, как будто Маркс считал, что прибавочная стоимость есть «вычет из заработной платы», что она образуется в результате снижения цены рабочей силы ниже ее «естественной цены», т. е. ее стоимости. Это грубейшая и притом умышленная фальсификация Маркса.

Ввиду того что учение о прибыли как о надбавке (Aufschlag) является краеугольным камнем всей экономической теории Ганса Петера, что, исходя из нее, он «опровергает» учение Маркса о том, что источником прибыли служит неоплаченный труд, создающий прибавочную стоимость, мы остановимся на «теории надбавки» Ганса Петера несколько подробнее.

Ганс Петер, как мы уже указывали, исходит из того, что в «аллерговом хозяйстве» существует наряду со свободной конкуренцией также и монополия. Конкуренция касается произвольно умножаемых благ, главным образом «услуг», т. е. рабочей силы. В противоположность им специфически редкие блага подчинены законам монополии. «В противоположность труду, — говорит Ганс Петер, — все материальные блага имеют монопольную цену. Они могут доставляться на рынок только теми лицами, которые случайно (?! — Я. С.) являются обладателями специфически редких средств производства. Имущий может купить себе такие средства и принять участие в производстве. Неимущий этого не может. Так как каждый продукт продается с монопольной надбавкой к чистым трудовым издержкам, которых он требует, то рабочие в качестве покупателей этих благ всегда оказываются в убытке. Тот продукт, для производства которого они предоставили свои услуги по конкурентной цене, они могут купить только по монопольной цене. Хотя производители (т. е. предприниматели. — Я. С.) продают друг другу свои товары тоже по монопольной цене, но между ними барыши и убытки до некоторой степени выравниваются. Слой имущих не может добиться внутри себя никакой прибыли посредством монопольных цен. Только особые прибыли могут возникнуть внутри этого слоя, они попадают мелким группам или отдельным лицам, и их бремя несут все остальные. Средняя же прибыль может

¹ Т. I, стр. 111.

получиться лишь посредством сбыта тем лицам, которые находятся вне группы имущих»¹ (разрядка моя.— Я. С.).

В этой выдержке из сочинения Ганса Петера «теория надбавки» предстает перед нами во всей своей красе. Автор этой теории выдает ее за новейшее откровение, за последнее достижение «германского социализма», способное совершить переворот во всей экономической науке и во всяком случае опровергающее «устарелую» марксову теорию прибавочной стоимости.

В действительности же «теория надбавки» представляет собою не что иное, как точное воспроизведение одной старой престарой доктрины, почти такой же дряхлой и обомшелой, как и заимствованное Гансом Петером у Тюрго учение о «чистых дарах природы». Свое учение о прибыли как надбавке к цене Ганс Петер целиком заимствовал у Дестют де Траси, этого, по выражению Маркса, «холодного буржуазного доктринера»².

Как и Дестют де Траси, Ганс Петер не в состоянии объяснить, каким образом могут владельцы специфически редких благ, т. е., по признанию самого Ганса Петера, «всех материальных благ», продавать эти блага с надбавкой рабочим, если эти рабочие получают заработную плату от этих же самых владельцев. Если, скажем, общая сумма всей заработной платы составила 100 млн. марок, то владельцы специфически редких благ, служащих предметами потребления, в состоянии продать их рабочим не более чем на 100 млн. марок и следовательно не могут реализовать никакой «монопольной надбавки к чистым трудовым издержкам». «Теория надбавки» — та же самая вопиющая нелепость, которую 120 лет назад преподнес миру Дестют де Траси, ибо стоит только вообразить себе, что рабочие вместо денег получают зарплату натурой, т. е. «специфически редкими благами», как всякий разговор о монопольной надбавке отпадает. До тех пор, пока Ганс Петер не признает, что из произведенных рабочими «благ» часть возвращается им в виде заработной платы, а другая присваивается владельцами средств производства, все его разговоры о монопольных надбавках к ценам будут, как и у Дестют де Траси, основываться на том, что «он принимает возвращение денег за возвращение самого товара»³.

3. „Исправленные“ схемы простого воспроизводства

Изложив свою, заимствованную у Дестют де Траси, теорию надбавки, Ганс Петер пускается в «критический» поход — «опровергать» марксову теорию прибавочной стоимости.

Ганс Петер исходит из предпосылки «статического аллергового хозяйства», т. е. капиталистического хозяйства, в котором происходит лишь простое воспроизводство.

Далее он излагает те неперемненные условия, которые, по его утверждению, присущи такому капиталистическому хозяйству простого воспроизводства.

Эти условия следующие: во-первых, состояние равновесия во всем хозяйстве, во-вторых, постоянство нормы прибыли и, в-третьих, ра-

¹ Т. I, стр. 113—114.

² Маркс, Капитал, т. I, стр. 517, изд. 1932 г.

³ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 240, изд. 1931 г.

венство нормы прибыли во всех областях хозяйства. «В действительности в статическом аллерговом хозяйстве прибыль всегда выравнена»¹, — заявляет он.

Положив эти три условия в основу своей модели статического аллергового хозяйства, Ганс Петер утверждает прежде всего, что «существование всей теории прибавочной стоимости зависит исключительно от того, удастся ли вывести из нее теорию выравнивания нормы прибыли»².

Ганс Петер считает, что это невозможно. «В действительности, — говорит он, — такое состояние равновесия, в котором одновременно царит закон трудовой стоимости и существует прибавочная стоимость, является внутренне противоречивым представлением»³.

Для доказательства «внутреннего противоречия» между теорией прибавочной стоимости и предпосылкой равенства нормы прибыли в статическом аллерговом хозяйстве Ганс Петер приводит следующий пример:

«Представим себе вместе с Марксом такое общество, в котором существуют только имущие — капиталисты — и наемные рабочие, т. е. общество «чистого капитализма». Промышленность в таком обществе мы представляем себе состоящей из трех подразделений. Во II подразделении производятся предметы потребления, которые идут рабочим. В этом подразделении производится таким образом вся «реальная» зарплата. В III подразделении производятся предметы потребления для капиталистов. В I подразделении изготавливаются средства производства для всего хозяйства. При этом предполагается, что продукты различных подразделений не могут заменять друг друга. Это конечно опять-таки фикция. Так как должно господствовать простое воспроизводство, то вся прибавочная стоимость одного хозяйственного периода целиком потребляется. Чтобы кругооборот благ и услуг осуществлялся без трений, должны существовать известные пропорции, которые изображены в следующей схеме:

Схема 1 ⁴								
	с	+	v	+	m	=	w	р
	Постоянный капитал		Переменный капитал		Прибавочная стоимость	Подразумевает стое выражение	Ганс Петер «стоимости» всего капитала	Норма прибыли
I	225	+	90	+	60	=	375	0,19
II	100	+	120	+	80	=	300	0,36
III	50	+	90	+	60	=	200	0,42
	375	+	300	+	200	=	875	0,296

Далее он рассуждает следующим образом: общая норма прибыли для всех трех подразделений составляет 0,296 (т. е. 29,6%). А так как, дескать, Маркс говорил о выравнивании нормы прибыли, то следовательно эта норма прибыли должна существовать во всех трех подразделениях. Это Ганс Петер называет «переходом от исчисления в стоимостях к исчислению в ценах».

Он берет общую норму прибыли в 0,296 и вычисляет сумму при-

¹ Т. I, стр. 120.

² Там же, стр. 121.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 128.

были по отношению ко всему капиталу каждого подразделения. Получается:

Схема 2¹

	с		v		ш		р	Общая норма
	Постоянный капитал	+	Переменный капитал	+	Сумма прибыли	=	Весь капитал, исчисленный в ценах	прибыли
I	225	+	90	+	93	9/27 =	408	9/27
II	100	+	120	+	65	5/27 =	285	5/27
III	50	+	90	+	41	13/27 =	181	13/27
	375	+	300	+	200	=	875	s=0,296

Теперь наступает для Ганса Петера желанный момент «критических» рассуждений о марксовой схеме воспроизводства. Он излагает их следующим образом: «Что эта схема ошибочна, — заявляет он, — это видно при первом же взгляде. Исчисление в ценах относится к состоянию равновесия. При таком состоянии бесперебойное круговращение благ является само собой разумеющейся предпосылкой. А здесь те суммы, которые предназначены в отдельных подразделениях на приобретение средств производства взамен израсходованных, явно недостаточны для покупки вздорожавших вследствие выравнивания прибыли средств производства, изготовляемых в I подразделении. Заработная плата и прибыль стали, наоборот, больше, чем сумма цен предметов потребления, предлагаемых их обладателям»².

Надо сказать прежде всего, что все эти рассуждения Ганс Петер заимствовал у германского буржуазного экономиста фон Борткевича, который еще в 1906 г. обнаружил эту «ошибку» у Маркса и принялся ее «исправлять».

В чем же заключается, по мнению фон Борткевича и Ганса Петера, сущность этой «ошибки»? В том, что Маркс, видите ли, «берет цены средств производства и зарплату в своей схеме исчисления стоимостей и переносит их в схему исчисления цен. А между тем эти цены и зарплата изменились именно в результате перераспределения прибыли»³. И Ганс Петер принимается за «исправление» Маркса. Смысл этого «исправления» сводится к тому, что Ганс Петер отказывается от предпосылки, что стоимость денег постоянна, и изменяет стоимость денег. Общая сумма капиталов всех трех подразделений у него вырастает с 875 до 1 000 (денежных единиц). Задачу своего построения он видит в том, чтобы «вместо равенства нормы прибавочной стоимости поставить равенство нормы прибыли»⁴. В результате целого ряда вычислений он приходит к следующей окончательно «исправленной» схеме⁵.

Схема 3

	с		v		ш		р
	Постоянный капитал	+	Переменный капитал	+	Сумма прибыли	=	Весь капитал, исчисленный в ценах
I	320	+	106	2/3	+	106	2/3 = 533 1/3
II	160	2/3	+	106	2/3	+	53 1/3 = 266 2/3
III	160	2/3	+	53	1/3	+	40 = 200
	533	1/3	+	266	2/3	+	200 = 1 000

¹ Т. I, стр. 129.

² Там же.

³ Там же, стр. 129—130.

⁴ Там же, стр. 131.

⁵ Там же, стр. 136.

Прежде всего необходимо отметить, что Ганс Петер (вместе с фон Борткевичем), «обвиняющий» Маркса в ошибках при счете, на самом деле сам совершает грубейшую подтасовку цифр. В своей «исправленной схеме» он намеревался исходить из равенства нормы прибыли. А между тем он умышленно не показал общей нормы прибыли для всех трех подразделений. Это нетрудно установить и без него. Общая норма прибыли равняется $200 : 800 = 25\%$. А между тем в действительности у него норма прибыли для I подразделения составляет 25% , для II — 20% , а для III — около $18,77\%$. Ганс Петер рассчитывал просто-на-просто на то, что читатель поверит ему на слово и не возьмет карандаша в руки, чтобы проверить его вычисления. Но даже и без всякой проверки грубая подтасовка цифр бросается в глаза. Чтобы итог вертикального и горизонтального ряда цифр сходился, Ганс Петер, следуя за фон Борткевичем, берет для III подразделения совершенно произвольную цифру 40.

Ганс Петер все время пытается выдать приводимую им схему «трех подразделений» общественного производства за нечто взятое у Маркса. Это абсолютно неверно. Нигде у Маркса этого примера нет. Ганс Петер умышленно спутывает марксову схему простого воспроизводства, изложенную во втором томе «Капитала», с примерами из отношения нормы прибыли к норме прибавочной стоимости, находящимися в третьей главе третьего тома «Капитала», и с примерами образования средней нормы прибыли в девятой главе третьего тома. Маркс вообще нигде не говорит о трех подразделениях, а только о двух подразделениях общественного производства, причем II подразделение он в свою очередь делит на II-а (производство предметов индивидуального потребления рабочих) и II-б — предметов роскоши. Все схемы, приводимые Гансом Петером, взяты им не у Маркса, а у фон Борткевича, который их выдумал для «опровержения» Маркса. А между тем Ганс Петер подсовывает их читателю под видом марксовых схем. Это одно уже в достаточной мере характеризует мошеннические приемы Ганса Петера.

Но этого мало. Возьмем пример Ганса Петера — фон Борткевича с тремя капиталами, из которых один охватывает сферу производства средств производства, а два других — область индивидуального потребления рабочих и капиталистов. Ганс Петер исходит в своих построениях из схемы простого воспроизводства. Напомним, что понимает Маркс под простым воспроизводством. Маркс говорит: «Простое воспроизводство, воспроизводство в неизменяющемся масштабе представляет абстракцию в том смысле, что, с одной стороны, отсутствие всякого накопления, или воспроизводства в расширенных размерах, является неправдоподобным предположением при наличии капиталистического базиса, а, с другой стороны, отношения, в которых совершается производство, в различные годы не остаются абсолютно неизменными (что само собой разумеется)»¹. Таким образом для Маркса простое воспроизводство есть прежде всего абстракция, необходимая для выяснения взаимоотношений между различными элементами воспроизводства для определения «той роли, которую они играют в общем процессе как воспроизводящийся капитал или как воспроизведенный доход»².

¹ Маркс, Капитал, т. II, стр. 283—284, Партиздат, 1932 г., Маркс и Энгельс Соч., т. XVIII, стр. 424.

² Там же.

В этой абстрактной схеме простого воспроизводства Маркс исходит из непрелюбимой предпосылки, что «равновесие самого товарного обмена, обмена различных частей годового продукта, обусловливается равенством величины стоимости взаимно обмениваемых товаров»¹.

Стоит только от этой предпосылки отказаться, как все равновесие абстрактной схемы простого воспроизводства нарушается и обмен различных частей годового продукта осуществиться не может.

Это видно даже в той схеме, которую привел Ганс Петер. В самом деле, стоит только перенести из общей стоимости продукта второго подразделения всего лишь одну единицу, скажем, в первое подразделение, т. е. увеличить стоимость первого подразделения на одну единицу и тем нарушить равенство величины стоимости взаимно обмениваемых товаров, как обмен различных частей годового продукта не сможет осуществиться целиком. Для этого вовсе не нужно прибегать ко всяким вычислениям, как это делают фон Борткевич и Ганс Петер: нарушение равновесия сразу же бросается в глаза.

Что же делает Ганс Петер? Он исходит из предпосылки равновесия в построенной им «модели» простого воспроизводства и в то же время хочет, чтобы норма прибыли во всех его трех подразделениях стала равна и следовательно чтобы величина стоимости взаимно обмениваемых товаров изменилась. Это самая подлинная квадратура круга.

Основой, на которой Ганс Петер (и его прототип фон Борткевич) предается столь нелепому занятию, служит то обстоятельство, что он абстрактную схему простого воспроизводства, предпосылкой которой является равенство величины стоимости взаимно обмениваемых товаров и в которой дело может идти только о стоимостях товаров, путает с реальной капиталистической действительностью, где никакого предустановленного равновесия не существует и существовать не может, где равенства величины стоимости обмениваемых товаров нет и где товары обмениваются в общем по ценам производства, которые являются «превращенной формой стоимости товара»². Закон стоимости от этого нисколько не перестает существовать, ибо «каким бы образом ни устанавливались и ни регулировались первоначально цены различных товаров по отношению друг к другу, во всяком случае движение их управляется законом стоимости»³. «Цена есть проявление закона стоимости, — писал Ленин. — Стоимость есть закон цен, т. е. обобщенное выражение явления цены»⁴. Но в капиталистическом хозяйстве закон стоимости видоизменяется по сравнению с прежними общественными формациями, и поэтому, «независимо от господства закона стоимости над ценами и движением цен, вполне соответствует обстоятельствам рассматривать стоимости товаров не только как теоретическое, но и как историческое *præcis* по отношению к ценам производства»⁵.

Ганс Петер строит свои рассуждения на существовании равновесия всех своих трех подразделений общественного производства не в абстрактной схеме, где речь может идти только о стоимостях, а в капиталистической действительности, в которой цены товаров отклоняются от стоимостей и в которой «условия нормального обмена, следо-

¹ Маркс, Капитал, т. II, стр. 362, Партиздат, Маркс и Энгельс, Соч. т. XVIII, стр. 530.

² Маркс, Капитал, т. III, стр. 106, Партиздат, 1932 г.

³ Там же, стр. 116.

⁴ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 273.

⁵ Маркс, Капитал, т. III, стр. 116—117.

вательно нормального хода воспроизводства как простого, так и в расширенном масштабе... превращаются в столь же многочисленные условия ненормального хода воспроизводства, в столь же многочисленные возможности кризисов, так как равновесие при стихийно складывающемся строе этого производства само является случайностью»¹.

То, что Ганс Петер выдает за марксову схему простого воспроизводства, будто бы лишь «исправленную и дополненную» им, есть целиком выдуманная самим Гансом Петером, насквозь апологетическая схема бесперебойного функционирования капиталистической системы, подделанная им «под Маркса». Основными чертами этой схемы являются: 1) имманентное равновесие простого воспроизводства и 2) равная норма прибыли во всех областях капиталистического хозяйства. Обе эти предпосылки у него взаимно обуславливают друг друга. Ганс Петер неоднократно утверждает, что «капиталистическое хозяйство находится в состоянии равновесия, если норма прибыли выравнена»², он все время толкует о «модели урловновешенного хозяйства, основанного на прибыли»³.

Эта «модель» создана им для того, чтобы, во-первых, показать, что капиталистическое хозяйство существует без прибавочной стоимости, и, во-вторых, что простое воспроизводство есть состояние имманентного равновесия всего хозяйственного процесса.

Первой своей цели — отрицания эксплуататорской сущности капитализма — Ганс Петер думает достигнуть тем, что строит свое учение о «частичной монополии». Собственники «даров природы» используют их таким образом, что им удается перепродать «услуги», воплощенные в полученных из даров природы изделиях, по более высокой цене. Ганс Петер говорит поэтому о «монопольном отношении, перед которым оказывается рабочий на рынке труда или потребитель на рынке готовых благ»⁴. Этим «монопольным отношением» обуславливается то, что «труд в продажной цене готового продукта достигает, после вычета вещественных издержек, более высокой цены, чем ранее, на рынке труда»⁵.

Таким образом источником капиталистической прибыли является, по Гансу Петеру, вовсе не присвоение прибавочной стоимости собственниками средств производства, а «удачная» или «ловкая» торговая деятельность владельцев «даров природы», которые, пользуясь своим монопольным положением, покупают «услуги» дешево, а продают дорого.

Учение о перепродаже услуг есть не что иное, как демагогическое украшение фасада буржуазной апологетической теории надбавки, заимствованной Гансом Петером, как мы видели, у Дестют де Траси.

Рассмотрим теперь вторую цель, которую ставил себе Ганс Петер, создавая свою модель «аллергового хозяйства» простого воспроизводства. Ганс Петер все время твердит о «стабильности частично монополизированного хозяйства».

Для чего же понадобилась Гансу Петеру модель «аллергового хозяйства», в основу которой положено равновесие хозяйства? Потому что эту свою модель он в конце концов выдает за капиталистиче-

¹ Маркс, Капитал, т. II, стр. 362.

² Hans Peter, лит. соч., т. I, стр. 143.

³ Там же, стр. 148.

⁴ Там же, стр. 167.

⁵ Там же, стр. 166.

скую действительность. Ему нужно доказать, что в основе капиталистического хозяйства заложено равновесие. Это равновесие присуще, по Гансу Петеру, только стационарному хозяйству, ибо он не может отрицать существования кризисов и общей неустойчивости всей экономической жизни при капитализме. Но все эти «неприятности» являются, по его утверждению, лишь нарушениями изначального равновесия и проистекают, во-первых, от изменения данных в «модели» пропорций между различными частями хозяйства и, во-вторых, от того, что простое воспроизводство сменилось воспроизводством расширенным. Следовательно стоит только восстановить пропорциональность частей хозяйства и урегулировать расширенное воспроизводство, как капиталистическое хозяйство обретет вновь свою устойчивость.

В этом заключается апологетический смысл беспрестанных напоминаний Ганса Петера о том, что аллерговому хозяйству простого воспроизводства свойственно состояние равновесия.

4. Расширенное воспроизводство и капиталистические циклы

Еще хуже обстоит дело, когда Ганс Петер переходит к расширенному воспроизводству. Объяснить накопление капитала без присвоения капиталистами прибавочной стоимости это совершенно неразрешимая задача. Что же делает Ганс Петер перед лицом этой трудности? Он использует заимствованный им у Адама Смита и весьма популярный среди вульгарных экономистов взгляд на накопление капитала как на результат бережливости капиталиста.

«Теория сбережений», как он высокопарно называет этот взгляд, является для него тем мостиком, по которому он собирается перебраться от простого к расширенному воспроизводству. «Связующим звеном, — пишет он, — между теорией стационарного хозяйства и хозяйства прогрессирующего служит теория сбережений, в частности — субъективная теория сбережений»¹.

Субъективная теория сбережений, излагаемая Гансом Петером, заключается в применении им так называемого «второго закона Госсена» к вопросу о сбережениях. Ганс Петер берет отдельного капиталиста и рассматривает, какие мотивы могут побудить его к сбережениям. Таким мотивом может быть ожидание большего наслаждения от будущих «благ», чем от потребления благ настоящих. «Мы предполагаем, — говорит он, — что благодаря сегодняшнему сбережению может быть достигнуто увеличение дохода завтра»².

Величину сберегаемой доли дохода Ганс Петер ставит в зависимость от размеров его. Чем выше доход, тем конечно эта доля больше. «Допустим, что наименьший доход составляет 1 000 денежных единиц, скажем, марок. На низшей ступени сберегается мало или совсем ничего не сберегается. Сберегаемая доля повышается сначала быстрее, затем медленнее и достигает максимума в 85%»³.

Такова вкратце «теория сбережений» Ганса Петера. Характерной ее чертой является то, что Ганс Петер выводит фонд накопления из фонда потребления. По сути дела фонда накопления у него вообще не существует — он представляет собою только часть фонда

¹ Т. II, стр. 11.

² Там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 31.

потребления капиталистов, причем величина этой части зависит от произвольных субъективных побуждений отдельных капиталистов.

Указав на сбережения капиталистов как на источник расширенного воспроизводства, Ганс Петер в соответствии со своей субъективной точкой зрения переходит к вопросу о том, что является стимулом к обращению сбережений на расширение производства. Этим стимулом служит высота нормы прибыли.

В самом деле, вся субъективная теория сбережений построена на том предположении, что капиталист сравнивает представляющиеся ему в данный момент наслаждения с тем благом, которое сулят ему воздержание от них и расширение производства. Значит, если количество его наслаждений с течением времени не возрастает, то отпадает всякое побуждение к сбережениям. Рост же наслаждений воплощается для капиталиста в повышении нормы прибыли.

Тут Гансу Петеру встречается на пути главная помеха — то обстоятельство, что реальная капиталистическая действительность... свидетельствует как раз о противоположном, о том, что по мере накопления капитала и роста его органического состава все больше и больше обнаруживается тенденция нормы прибыли к понижению. И хотя эта тенденция переплетается с множеством противоборствующих влияний, тем не менее основная линия развития идет в том направлении, что повышение органического состава капитала ведет к падению нормы прибыли.

Чтобы отделаться от этого противоречащего его теории факта, Ганс Петер прибегает к испытанному средству — он принимается за искажение теории Маркса, формулировавшего закон тенденции нормы прибыли к понижению. Ганс Петер утверждает, будто «никаких доказательств в пользу учения о падении нормы прибыли не приведено» и что «падение нормы прибыли ни в коем случае не вытекает из сущности капиталистического хозяйства, как это хотел показать Маркс»¹. Однако, понимая, что одного голословного отрицания марксова учения о законе тенденции нормы прибыли к понижению мало, ибо доказательство этого закона Маркс посвящает в «Капитале» много места и внимания, Ганс Петер приводит свои доказательства возможности не понижения, а повышения нормы прибыли.

Эти доказательства сводятся главным образом к следующему:

«Предметы потребления могут стать дешевле. Зарплата может понизиться, и на этом основании прибыль может повыситься при тех же предпосылках, как и в первом случае (т. е. случае удешевления предметов потребления. — Я. С.). Здесь кроме того происходит одновременно и дальнейший процесс выравнивания. Уволенные рабочие дают на заработную плату...»².

Тут перед нами опять очередной мошеннический прием «критика» Маркса. Как известно каждому, кто держал в руках «Капитал», целая глава в III томе посвящена противодействующим влияниям, которые ослабляют и парализуют влияние общего закона тенденции нормы прибыли к понижению.

Среди противодействующих причин Маркс указывает на повышение степени эксплуатации труда, на понижение заработной платы ниже ее стоимости, на удешевление элементов постоянного капитала, на относительное перенаселение и т. д., т. е. как раз на то, о чем говорит Ганс Петер. Ганс Петер использует «заимствованные» им у

¹ Т. II, стр. 115.

² Там же,

Маркса — без указания источника — доводы для «поучения» Маркса же на счет того, что фактически норма прибыли может и повышаться. Квалифицировать такие приемы «научной критики» представляется нам излишним.

«Отвергнув» таким образом закон тенденции нормы прибыли к понижению, Ганс Петер считает, что он доказал возможность как понижения, так и повышения нормы прибыли. Этот тезис особенно важен для него, так как на нем он строит не только свою теорию расширенного воспроизводства, но и свое учение о промышленных циклах.

При капиталистическом хозяйстве в условиях расширенного воспроизводства норма прибыли, по утверждению Ганса Петера, обладает тенденцией к повышению, но в тот момент, когда прирост нормы прибыли достигает «критической величины» — для Германии 1860—1913 гг., — 5,1% в год, наступает перелом, и норма прибыли начинает снижаться очевидно, до «критической величины» падения.

Чем же объясняет Ганс Петер такую смену повышательных и понижательных тенденций нормы прибыли? «Неправильным ходом» (Fehlsteuerung) капиталистического хозяйства в том случае, если оно предоставлено самому себе. Капиталисты, как утверждает Ганс Петер, занимаются сбережениями. Эти сбережения вкладываются в предприятия в качестве новых капиталов. Так как норма прибыли обнаруживает тенденцию к повышению, то сбережения, а на их основе и новые капиталовложения возрастают. Все это идет гладко до тех пор, пока увеличение продукта происходит пропорционально новым капиталовложениям. Но вот когда сбережения, а вместе с ними и новые капиталовложения опережают в своем росте увеличение продукта, капиталистическое хозяйство попадает в «критическую зону». Капиталисты пытаются поправить дело тем, что снижают заработную плату. Этим самым они повышают норму прибыли и стимулируют сбережения. Но в результате получают чрезмерные новые капиталовложения, еще быстрее приближающие момент перелома в движении нормы прибыли.

Так объясняет Ганс Петер смену фаз в капиталистических циклах. Конъюнктурные колебания определяются, по его утверждению, размерами и характером сбережений.

Ганс Петер считает, что им открыта причина капиталистических кризисов. Эта причина кроется в том, что норма прироста сбережений превышает некую критическую величину, составляющую например для довоенной Германии 5,1%. По уверению Ганса Петера, им найдено «отчетливое статистическое доказательство того, что ход конъюнктуры главным образом определяется прекращением (Versagen) саморегулирования рыночного хозяйства при капитализме»⁴.

Этим подсказывается апологетический вывод: если «саморегулирование» капиталистического хозяйства время от времени отказывается служить, то следовательно стоит только пустить вместо него другой регулятор, и цикличность хозяйственного процесса при капитализме будет предотвращена или во всяком случае настолько существенно смягчена, что кризисы и все связанные с ними для капитализма «неприятности» прекратятся. Капитализм обретет недостающую ему устойчивость.

Этот апологетический вывод Ганс Петер использует вдвойне: во-

⁴ Т. II, стр. 135.

первых, для защиты и обоснования фашистской диктатуры и, во-вторых, для демагогических разглагольствований о «благае рабочих».

Как предотвратить конъюнктурные колебания, вызываемые остановами и нарушениями саморегулирования рыночного хозяйства? Ответ Ганса Петера определяется всеми его предыдущими рассуждениями: если саморегулирование при капитализме отказывается служить, то нужно ввести искусственное регулирование, поручив его государству. Государственная власть должна осуществлять это регулирование посредством прямого вмешательства в экономическую жизнь и притом двояким способом: 1) собственной хозяйственной деятельностью и 2) воздействием на частных предпринимателей.

«Конъюнктурная политика, — говорит Ганс Петер, — возможна в двояком смысле. Если в общей структуре народного хозяйства наряду с капиталистическим сектором существует, как например в Германии, достаточно крупный государственный хозяйственный сектор, то можно посредством соответствующей политики заказов пытаться как бы уравнивать вредные колебания в капиталистическом секторе путем движений, направленных против течения конъюнктуры, смягчать их воздействие на общенародное целое. Наряду с этой возможностью существует еще и другая: так влиять на капиталистический сектор, чтобы в нем самом уменьшились колебания»¹.

Нетрудно догадаться, что представляет собою первый способ, а именно государственная «политика заказов», предлагаемая Гансом Петером. Это с его стороны совершенно откровенная попытка подвести теоретический фундамент под все то, что проделывает фашистская диктатура в Германии в настоящее время. Усиленная подготовка германского империализма к войне и связанная с нею щедрая раздача военными и всякими другими ведомствами заказов промышленности и вместе с тем переплетающиеся с этой подготовкой к войне попытки «накручивания хозяйства» путем всяких открытых и замаскированных подачек, субсидий, «санаций», заказов на подряды и поставки, представляющих собою открытое перекачивание средств населения в карманы капиталистов посредством налогового пресса, — все это Ганс Петер как идеолог германского фашизма стремится «научно» обосновать и выдать за рациональную «конъюнктурную политику».

Что же касается предлагаемого им второго способа, т. е. косвенного воздействия на частнокапиталистический сектор, то тут он рассуждает следующим образом:

«То обстоятельство, что в капиталистическом хозяйстве накопление осуществляется слишком быстрыми темпами, обусловливается тем, что саморегулирование отказывается действовать. Норма прибыли проявляет повышательную тенденцию даже тогда, когда обстоятельства свидетельствуют уже о том, что дальнейшее накопление — и в особенности дальнейшее ускорение накопления — должно неблагоприятно отзываться сначала на рентабельности, а затем и на всем хозяйстве вообще.

Саморегулирование отказывается действовать потому, что доля заработной платы понижается. Накопление происходит на основе «гетерономных сбережений», по выражению Прейзера»².

Отсюда Ганс Петер делает вывод, что косвенное воздействие госу-

¹ Т. II, стр. 138.

² Там же.

дарства на конъюнктуру должно заключаться в том, что оно пре-
кращает «гетерономные», т. е. направленные в ущерб всему хозяй-
ству, сбережения частных капиталистов, происходящие за счет зара-
ботной платы. Однако Ганс Петер чувствует, что тут он вступает на
рискованный путь, ибо следующим шагом в его рассуждениях долж-
но бы быть утверждение, что государство в целях проведения своей
конъюнктурной политики должно стремиться к повышению доли
зарплаты в «частнокапиталистическом секторе». Поэтому Ганс Петер
тут же бьет отбой и заявляет, что «при этом было бы вполне доста-
точно, чтобы доля зарплаты фактически оставалась неизменной, т. е.
чтобы ее изменения были достаточно малы и по возможности не
слишком отставали от общей тенденции конъюнктуры»¹.

Таким образом все рассуждения Ганса Петера о воздействии госу-
дарства на частнокапиталистический сектор и о «приостановке гете-
рономных сбережений» свелись к указанию, что государство должно
следить за тем, чтобы уровень зарплаты в общем не слишком резко
изменялся и не особенно «отставал от конъюнктуры», т. е. в случае,
скажем, кризиса и понижения цен своевременно понижался.

Этот вывод, вполне приемлемый для монополистического капитала,
Ганс Петер украшает всякого рода демагогическими узорами, вроде
например того, что «труд и собственность должны в одинаковой ме-
ре пользоваться плодами совместно достигнутого прогресса. Если
например общественный продукт увеличивается на 3,5%, то трудо-
вые доходы, так же как и доходы от собственности, должны в оди-
наковой мере повыситься на 3,5%, а не так, как это было при капи-
талистическом либерализме, когда трудовые доходы возрастали на
3,1%, а доходы от собственности — на 4,5% и даже еще больше»².

Таким образом Ганс Петер рекомендует предотвращать кризисы
«регулируванием» зарплаты в пределах 0,4%!!!

Трудно представить себе, чтобы Ганс Петер, этот хитрый фашист-
ский идеолог, сам серьезно верил в свое шарлатанское целебное
средство от кризисов. Оно понадобилось ему для демагогических рас-
суждений о «германском социализме» как «синтезе свободы и коллек-
тивности» и т. п. Эти свои рассуждения он адресует к рабочим, по-
путно однако успокаивая капиталистов, что он и не помышляет «ни
об устранении собственности как таковой, ни об устранении или хотя
бы даже нивелировке вытекающих из нее доходов»³.

Надо сказать, что работа Ганса Петера удостоилась многочислен-
ных хвалебных отзывов в германской фашистской печати. Это и по-
нятно. Ганс Петер с усердием и ловкостью выполнил данный ему фа-
шистской диктатурой германского монополистического капитала со-
циальный заказ. Ганс Петер поставил себе задачей подвести «теоре-
тический» базис под экономическую политику фашистской диктату-
ры. Его «германский социализм», как мы уже видели, является не чем
иным, как интерпретацией «закона о регулировании национального
труда», изданного гитлеровским правительством 20 января 1934 г.
Его учение о том, что для предотвращения кризисов необходимо
введение искусственного регулятора в форме государственной поли-
тики заказов, представляет собою попытку обоснования всей той
вакханалии вокруг казенного пирога, которую создала фашистская
диктатура в результате своей лихорадочной подготовки к реваншист-

¹ Т. II, стр. 138—139.

² Там же, стр. 139.

³ Там же.

ской и захватнической войне. Все его учение о прибыли как о «надбавке» представляет собою апологетику капитализма, необходимую для укрепления господства истинных хозяев фашистской Германии—финансовой олигархии. Но не за одно это хвалит Ганса Петера его фашистское начальство. Он не только приложил все усилия к тому, чтобы дать апологетическое обоснование господства финансового капитала, и не только облек свою апологетику в демагогическую форму «германского социализма». Все это делали и делают до него и рядом с ним десятки и сотни его фашистских соратников. Но он сумел посредством беззастенчивых передержек и фальсификаций извратить и «раскритиковать» марксово учение о прибавочной стоимости как источнике капиталистической прибыли, сделав это вдобавок под видом «исправления» и «дополнения» Маркса. Вот в этом фашизм видит его главную заслугу и превозносит его как «пионера в области разработки экономической теории», ибо основную задачу своей идеологии фашизм видит в борьбе против марксизма как учения о пролетарской революции и диктатуре пролетариата.

И. ДВОРКИН

Некоторые экономические итоги фашистской диктатуры в Германии

Три года назад, как только германский фашизм пришел к власти, Гитлер выступил с программной речью, в которой обещал в течение четырех лет ликвидировать безработицу в Германии, обеспечить подъем промышленности, уничтожение нищеты и т. д. Фашизм таким образом пришел к власти с программой преодоления и ликвидации кризиса и обеспечения промышленного подъема. Три года — достаточный срок, для того чтобы показать, насколько реализовал свои обещания германский фашизм, насколько он воплотил в жизнь эти свои хвастливые заверения.

Германский фашизм пришел к власти, превратившись в самую массовую партию германской буржуазии, обещав все всем. Рабочим он обещал «справедливую заработную плату», безработным — работу, крестьянам — землю и уничтожение процентного рабства, автаркию, торговцам — уничтожение универсальных магазинов, ремесленникам — уничтожение налогов, служащим — привилегированное положение в III Империи, капиталистам — удовлетворение их классовых требований в отношении рабочего класса, помещикам — удовлетворение их требований субсидий и высоких цен на с.-х. продукты. Важнейшая классовая задача, которую выполняет фашизм, — предупреждение пролетарской революции. Для этого он и был призван к власти германской буржуазией. Самый приход к власти фашизма означал, что буржуазия уже не способна парламентаризмом и демократией обеспечить себе господство. Роль социал-демократии до прихода фашизма к власти, как известно, свелась к тому, что она расчистила ему путь расколом рабочего класса, срывом единого пролетарского фронта и всей своей политикой облегчила фашизму захват власти.

Каково же положение германского рабочего класса теперь, спустя три года после установления фашистской диктатуры? Сейчас же после разгрома профсоюзов 2 мая 1933 г. Гитлер созвал «рабочий съезд», состоявший из профсоюзной верхушки, на котором он объявил об уничтожении классов и классовой борьбы, о том, что он будет «честным маклером» между рабочими и капиталистами.

Комментируя эту речь Гитлера, «Bergwerkszeitung», орган тяжелой промышленности, писала 14 мая 1933 г.: «Национал-социалистское правительство не знает ни победителей, ни побежденных. Оно знает лишь одного победителя — германский народ. Отныне не должно быть ни господства буржуазии, ни господства пролетариата, а исключительно диктатура народа в целом. Канцлер хочет играть роль независимого честного маклера между предпринимателями и рабочими и свести их друг с другом».

Осуществляя и устанавливая господство диктатуры наиболее реакционной, наиболее шовинистической, империалистической верхушки германского финансового капитала, Гитлер прикрывал террор против рабочего класса и разгром его организаций заявлениями об уничтожении классовой борьбы. Это была обычная социальная демагогия, которая играет важнейшую роль в деле обмана масс фашистской диктатурой.

В разгроме профсоюзов, равно как и в физическом истреблении части рабочего класса и коммунистической партии, капитал искал гарантию возможности нового нажима на жизненный уровень рабочего класса. На происходившем в мае 1933 г. в Лейпциге заседании союза горнопромышленников, говоря о разгроме профсоюзных организаций, капиталист Пауль Гагер заявил: «Мы хотим — и это я ясно подчеркиваю — зарабатывать». Пауль Гагер выразил надежду крупного капитала, что разгром профсоюзных организаций рабочего класса даст возможность крупному капиталу «начать зарабатывать», увеличивать прибыли, улучшить конъюнктуру. В вышедшей в 1934 г. брошюре фон Паппен горячо приветствовал уничтожение профсоюзов и организацию «рабочего фронта». В брошюре он обрушивается против «политической зарплаты», которую, по его мнению, раньше диктовали политические партии в своих интересах. Прежнее законодательство, по Паппену, «отнимало социальные заботы о рабочих у предпринимателей и переносило их на безличное и бездушное государство»¹.

Теперь с этим покончено. Фашизм резко сократил расходы на социальное страхование, расходы, которые крупный капитал рассматривает как чистую потерю. Паппен приветствовал правительство Гитлера за то, что оно «открывает дорогу» предпринимателям. Теперь, заявил он, покончено с «политикой зарплаты» догитлеровских времен, когда в дело установления зарплаты вмешивались рабочие организации и портили дело коммунисты. Паппен отнюдь не был доволен фашистским правительством во всех отношениях. Несколько месяцев спустя после этой речи, в июне 1934 г., накануне расстрела Гитлером и Герингом руководителей штурмовых отрядов, Паппен выступил с заявлением, в котором он откровенно выражал недовольство тем, что фашистское правительство в целях сохранения масс за собой вынуждено делать целый ряд демагогических жестов. Он выражал недовольство гигантскими расходами на коричневую бюрократию, заигрываниями с мелкобуржуазными массами и т. д.

Несколько дней спустя после этого выступления Гитлер расстрелял Рема, как бы реализуя программу Паппена. И если часть крупной буржуазии оставалась недовольной Гитлером в ряде вопросов, то в вопросе о разгроме рабочего класса, о разгроме профсоюзных организаций все фракции германской буржуазии были единодушны. Выступления предпринимателей, которые мы приводили, были торжествующим в о е м хищников крупного капитала, требовавших уничтожения тарифных договоров и установления рабства для пролетариата на предприятиях. Фашистское правительство целиком выполнило эти требования.

17 января 1934 г. было объявлено об уничтожении тарифных договоров. Предпринимателям совместно с фашистскими доверенными по труду было предоставлено право снижать заработную плату, когда и

¹ Паппен, Die Unternehmerpersönlichkeit im neuen Staat, Berlin 1934, S. 9.

насколько они найдут нужным. Декрет от 17 января 1934 г. лишил рабочих права влиять в какой бы то ни было степени на условия труда. Единственное, что сможет себе теперь позволить рабочий, — это апеллировать к доверенному по труду на предприятии, назначенному фашистским правительством и предпринимателями. Рабочее время, заработная плата, штрафы — все это определяется капиталистами, «вождями» предприятия. Создание «рабочего фронта», принудительное включение рабочих наряду с предпринимателями в эту организацию должно было обеспечить организованное удушение германского рабочего, закрыть ему пути к созданию своих организаций. 24 октября 1934 г. был издан декрет о немецком рабочем фронте. Этот декрет завершал собой ряд декретов по части порабощения и закрепощения германского рабочего класса. «Nazional-sozialistische Monatshefte», орган германской фашистской партии, писал, что декрет от 24 октября окончательно ликвидирует классовую борьбу; «делает невозможным раскол народа классовой борьбой и направляет все силы нации на немецкое возрождение»¹.

Январский и октябрьский декреты узаконили рабство пролетариата в III Империи под флагом «единства народа и рабочего класса». Безграничная эксплуатация рабочих капиталом, их бесправие и рабство, крайняя интенсификация труда объявлены «высшим благом», «заслугой перед нацией». Германский фашизм — самая реакционная разновидность фашизма — все мероприятия по удушению трудящихся прикрывает самой безграничной и самой бесшабашной демагогией. Порабощение пролетариата изображается в фашистских газетах как «социализм». Чем тяжелее обстановка в стране, чем больше активность коммунистов, чем сильнее наступает капитал на рабочих, тем больше прикрываются фашистские вожди речами о «социализме», об «уничтожении классов», справедливости и т. д. и т. п. Стачки и всякие другие формы сопротивления объявлены государственным преступлением; за это — концентрационный лагерь, каторжные тюрьмы, смерть.

Демагогия призвана «подсластить» террор, изобразить черное белым, кровавую диктатуру капитала как установление «господства нации». Но в то же самое время нужно резко отличать демагогию, которую проводил фашизм до своего прихода к власти, от той демагогии, которую фашизм осуществляет после своего прихода к власти. Когда германский фашизм ставил себе цель добиться власти, привлечь на свою сторону мелкобуржуазные массы, он раздавал обещания направо и налево, прекрасно зная, что ни одного из них он не выполнит. Так и случилось. Фашизм обманул всех кроме капиталистов и помещиков. После прихода к власти, чем больше усиливались противоречия фашистской диктатуры, тем острее становилась демагогия, но уже в новых формах. Теперь уже нельзя было раздавать безграничные обещания. Партия, находящаяся у власти, обязана выполнять даваемые обещания. Поэтому вместо обещаний развертывается самая бесшабашная и наглая демагогия по части «социализма», по части того, что предприниматели сами жертвуют собой в интересах «общего блага», и т. д.

Установление каторжного режима на предприятиях имеет своей целью не только задушить рабочий класс, но и создать все необходимые условия для психологической и организационной подготовки к войне.

¹ «Nazional-sozialistische Monatshefte», Heft 58, S. 71.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с зарплатой рабочего класса, номинальной и реальной.

Установить действительные размеры снижения заработной платы германского рабочего класса крайне трудно вследствие совершенно исключительной фальсификации данных об уровне заработной платы в фашистской Германии. По подсчетам т. Карро, зарплата по ряду профессий, данные по которым опубликованы в журнале «Wirtschaft und Statistik» за 1935 г. (батраки, строители и т. д.), сокращена за годы фашистской диктатуры от 10 до 20%. Фашистское правительство из боязни острого сопротивления рабочего класса не осмеливается проводить общегосударственное снижение заработной платы. Оно производится доверенными по труду в порядке директивных постановлений по отдельным районам в самых различных формах. Что зарплата сокращена на 15—20% за годы фашистской диктатуры, — эти данные подтверждаются и рядом иностранных источников.

Но еще хуже обстоит дело с реальной заработной платой. Огромный рост цен на продукты питания, имевший место в 1935 г. и продолжающийся и сейчас, привел к резкому снижению реальной заработной платы. В политике цен на продовольственные продукты, проводимой фашистским правительством, нужно различать два периода. Первый период — 1933 г. и первая половина 1934 г. В этот период фашистское правительство стремилось всемерно повысить цены на продовольственные продукты, в частности на жиры, хлеб и т. д. Это привело к значительному росту цен на продовольственные товары. Недород 1934 г. привел к массовому убою скота и одновременно к резкому сокращению поступления мяса на рынок. В результате начались резкие колебания цен, которых испугалось фашистское правительство. Оно создало специальное министерство «сословного питания», которое имело своей задачей приостановить эту скачку цен. Одновременно новоиспеченное министерство должно было создать ряд монополистических организаций по закупке сельскохозяйственных продуктов и подготовить сельское хозяйство к войне. Однако все усилия фашистского правительства воспрепятствовать повышению цен не дали результатов. Начало 1935 г. характеризуется ростом цен, который осенью 1935 г. перешел в продовольственный кризис, особенно резко отразившийся на рынке жиров и мяса.

Контингентирование завоза продовольствия и вся политика германского фашизма, направленная на усиление вооружений, привели к резкому усилению диспропорций в самом народном хозяйстве. Вся эта политика систематически приводила к результатам прямо противоположным тем, которых желало и желает фашистское правительство.

По данным, приведенным «Frankfurter Zeitung» (за 13 декабря 1935 г.), цены на убойный скот повысились в 1933 г. на 19%, в 1934 г. на 9%, в 1935 г. — к началу октября — на 14,5%. Нагрузка боен и мясной промышленности составляет едва 55—60% своего нормального уровня. Производительность предприятий используется на 43,2% в октябре 1935 г. против 65% в октябре 1934 г. При этом газета указывала, что жировая промышленность из-за отсутствия жиров очевидно еще сократится на 20%. «Продовольственное сословное, рыночное регулирование для части промышленности должно означать настоящее потрясение хозяйственных основ».

По данным, приведенным «Berliner Tageblatt» (6 ноября 1935 г.), индекс цен на жиры животные и растительные повысился с 84,9 в 1934 г.

до 130,1 к 4 ноября 1935 г., т. е. больше чем наполовину. Значительно повысились цены на картофель, яйца, фрукты, овощи и т. д.

Величайшее обнищание рабочего класса, сокращение покупательной способности рабочих заставляют германских фашистов все чаще и чаще открыто ставить вопрос о том, что состояние нужды и нищеты является нормальным состоянием и что эта «жертва» необходима в «интересах нации».

Комментируя августовское выступление Шахта в Кельне, в котором он заявил, что зарплата за годы фашистской диктатуры реально и номинально резко сократилась, что так было и так будет и иначе быть не может, орган клуба господ «Wirtsch tsring» 23 августа 1935 г. цинично писал: «Не может быть речи о повышении жизненного уровня. В Германии еще в течение ряда лет придется «варить воду», что для больного организма, которому прописана диета, не является вредным». Эта проповедь полезности голодания для трудящихся, получившая свое идеологическое «обоснование» в философии аскетизма, открыто раздавалась в Нюренберге на съезде фашистской партии.

Огромное возмущение в рабочих массах, выразившееся в ряде стачек на предприятиях, вынудило фашистских вождей открыто поставить вопрос о положении с зарплатой. Гитлер заявил на Нюренбергском съезде в сентябре 1935 г., что никакого повышения зарплаты он не допустит, как не допустит и дальнейшего повышения цен. О том же заявил Лей: «Наша цель может быть достигнута не повышением зарплаты, но повышением жизненного уровня германского народа... Нужно поэтому требовать, чтобы цены были стабильными. Цены — это часть стабильной заработной платы». Как при стабильной зарплате и стабильных ценах может быть повышен уровень жизни — секрет Лей. Фашистские демагоги обещали не допустить повышения цен. Буквально на другой же день после съезда в Берлине исчезли с рынка свинина и ряд других продуктов. В ряде городов начались волнения на почве дороговизны. При этом повышение цен и резкое снижение заработной платы рабочего класса произошли теперь как раз в обстановке, когда германский фашизм подготавливает новое наступление на жизненный уровень германского рабочего класса.

Это наступление на жизненный уровень рабочего класса, стремление снизить его номинальную и реальную заработную плату, находится в тесной связи с проблемой германских вооружений и изысканием источников для покрытия государственных расходов. В ряде выступлений в конце ноября и начале декабря Шахт поставил об этом вопрос в достаточной степени резко. Его выступление против ведущей систематически рядом фашистских газет антитехнической пропаганды, заявление, что армия и капиталистическое хозяйство не могут отказаться полностью от применения технических изобретений, прикрывали требование осуществления рационализации в промышленности, сокращения заработной платы, повышения интенсивности труда, не останавливаясь перед усилением безработицы. Выступление Гитлера в Нюренберге в декабре 1935 г. во время празднования столетия германских железных дорог, в котором он высказался против Шахта, в достаточно ясной форме выражало собой борьбу германской буржуазии по вопросу о том, за счет чего проводить дальнейшие вооружения, где искать средств для покрытия гигантских расходов, следует ли не останавливаться перед увеличе-

нием безработицы. Спор о технике, казалось бы в достаточной степени абстрактный, скрывал за собой острую борьбу в лагере германской буржуазии вокруг насущнейших политических вопросов.

Ряд руководящих кругов германского финансового капитала, от имени которых выступал Шахт, считает необходимым пойти по линии нового жестокого наступления на рабочий класс и мелкобуржуазные трудящиеся массы в интересах роста вооружений. Старые источники финансирования промышленности подошли к концу. Этими источниками были краткосрочные векселя, по которым германское казначейство получало наличные деньги от банков, сберкасс и других кредитных институтов. По подсчетам «Econometist», германское правительство увеличило таким образом внутренний долг к августу 1935 г., за 2½ года своей диктатуры, на 23,5 млрд. марок. Эти деньги пошли на вооружения. В этом прямо признавался Германский конъюнктурный институт в своем обзоре за сентябрь 1935 г., где заявлялось, что источником финансирования вооружений является не государственный бюджет, а главным образом кредит. Но нельзя делать денег из воздуха.

Ограбление банков и сберкасс на 23,5 млрд. марок оказалось возможным лишь потому, что эти средства имелись в системе этих учреждений. Дальнейшее финансирование за счет системы краткосрочных кредитов, которые сами по себе явились пожалуй одной из крупнейших в истории финансовых авантюр, не могло продолжаться без конца. Эти источники иссякли, и уже в сентябре Германский конъюнктурный институт писал: «До сих пор практиковавшаяся форма финансирования имеет свои границы. Достиг ли границы практиковавшийся метод финансирования, в этом нет уверенности»¹.

Безграничное финансирование промышленности и было тем источником ее подъема, о котором протрубил германский фашизм. Этот мнимый подъем заключался в усиленном расширении тех отраслей промышленности, которые обслуживают подготовку Германии к войне, и не был действительным подъемом промышленности вопреки всем демагогическим утверждениям фашистской печати. «Конъюнктурный подъем, — писал Германский конъюнктурный институт, — был возможен главным образом благодаря новым методам финансирования»².

Выкачивание миллиардов путем выдачи казначейством векселей не могло продолжаться без конца. В апреле 1935 г. средства сберкасс и страховых обществ находились: 10,2 млрд. марок — в ипотеках, 2,6 млрд. марок — в коммунальных займах, 5,4 млрд. марок — в ценных бумагах. Таким образом 18,2 млрд. марок, значительно больше половины средств банковской системы, являлись замороженными кредитами.

Если прибавить сюда те новые грандиозные расходы, которые были произведены после апреля 1935 г. в связи с введением всеобщей воинской повинности, новые огромные субсидии на вооружения в связи с англо-германским соглашением о праве Германии иметь морской флот в размере 35% английского, то станет понятной та борьба вокруг дальнейших источников финансирования вооружения, которая происходит сейчас в рядах германской буржуазии. Фашистская верхушка отнюдь не хочет идти по линии резкого увеличения безрабо-

¹ «Vierteljahreshefte», Teil B., Heft A., 1935, S. 194.

² Там же, стр. 192.

тицы в целях сокращения производственных расходов. Она боится дальнейшей рационализации и нового наступления на зарплату, которое должно явиться, по мысли финансового капитала, источником для покрытия грандиозных расходов на вооружение, но которое угрожает привести к острому потрясению фашистской диктатуры и быстрой потере германским фашизмом его влияния на массы.

Фашистская диктатура боится создания единого антифашистского фронта, боится масс.

30 июня 1934 г. фашистам удалось расправиться со своими штурмовыми отрядами, расстрелять верхушку штурмовых отрядов, которая хотела использовать недовольство этих масс в своих собственных интересах. В результате июньских расстрелов фашистской диктатуре удалось укрепить свои позиции; если кое-какие слои мелкой буржуазии и начали тогда отходить от фашистской диктатуры, то это не были еще ее решающие слои. Нынешний продовольственный кризис является лакмусовой бумажкой, которая выявляет все противоречия германской экономики и раскрывает перед массами авантюристский характер фашистской диктатуры, осуществляющей политику террора крупного капитала. Германский фашизм боится лишиться своей массовой базы. Отсюда выступления «Völkischer Beobachter», который например в статье от 7 декабря 1935 г. заявляет в противовес Шахту, что он не за капитализм, а за «социализм», за технику, но лишь такую, которая не приведет к росту безработицы.

Финансовый капитал требует сокращения гигантски разбухшего бюрократического аппарата фашистской диктатуры, против чего конечно возражает фашистская бюрократия. Именно таков был смысл выступления Шахта в конце ноября в Академии прусского государственного права. Шахт заявил, что он против «излишних организационных надстроек» над промышленностью и требует предоставить предпринимателям возможность хозяйствовать самим.

За всей той полемикой, которая в ноябре—декабре 1935 г. велась на страницах фашистской экономической печати, скрывался вопрос о дальнейшем направлении фашистской экономической политики. Фашистские демагоги, чтобы успокоить массы, объясняли им, что ввоз достаточного количества жиров из-за границы для удовлетворения голодающих масс приведет к росту безработицы. Поэтому они предпочитают ввозу продовольствия для прокормления голодающих ввоз стратегического сырья. В своей речи в декабре на курсах для фашистских «вождей» в Лейпциге Лей говорил: «Мы не можем получить достаточного количества жиров, в лучшем случае мы можем удовлетворить лишь 60% потребности. Так же обстоит дело и с одеждой. Наше золотое покрытие слишком резко сократилось, чтобы можно было пустить его дополнительно за границу для удовлетворения таких потребностей. Мы могли бы закупить масло и жиры за границей, но тогда нехватило бы средств для покупки сырья для оборонных работ». Лей заявил, что если вместо никеля, хлопка и т. д. ввезти жиры, количество безработных увеличится на 4,5 млн. чел.

Отсюда демагогический лозунг фашистской диктатуры «жиры или работа» и «пушки или продовольствие». Фашизм откровенно заявляет, что он будет продолжать свои вооружения, не останавливаясь ни перед чем. Но вся авантюристская политика фашизма имеет своим результатом сейчас новый рост безработицы. Борьба, которая происходила в рядах фашистской диктатуры вокруг рационализации, применения техники и вокруг вопросов безработицы в ноябре—декабре, уже привела к фактической победе линии Шахта.

Крупная буржуазия ведет решительный и твердый курс на рационализацию и сокращение зарплаты рабочего класса. Германский фашизм особенно кичится тем, что сократил количество безработных на 3 млн. чел. Эта заслуга, которую он себе приписывал, являлась весьма существенным доводом в попытках фашизма удержать свое влияние на массы. Как бы ни была низка заработная плата германского рабочего, безработный, втягивавшийся в производство, чувствовал себя лучше, чем в годы отрыва от производства и нахождения в рядах безработных. Но это втягивание безработных в производство для расширения военной промышленности и для подготовки к войне без наличия необходимых предпосылок к конъюнктурному подъему подрывало силы германского хозяйства, потому что оно было основано на расширении промышленности с целью производства предметов для непроемительного потребления. Подрывая силы, и без того подорванные годами многолетнего кризиса германской экономики, фашизм подготовил условия для нового обострения безработицы.

Уже в ноябре Германский конъюнктурный институт предупреждал о неминуемом увеличении за зиму количества безработных на 1 млн. чел. Количество безработных в октябре увеличилось на 114 тыс. чел., в ноябре — на 156 тыс. чел., а в декабре — больше чем на 0,5 млн. чел. Таким образом к началу зимы количество безработных в фашистской Германии увеличилось на 800 с лишним тыс. чел. Дальнейшее повышение безработицы неизбежно, причем оно является отнюдь не преходящим явлением, а связано с тем решительным наступлением германского капитализма на рабочий класс, которое он предпринял с целью найти новые источники для финансирования вооружений, откладывая инфляцию про запас. Но рост безработицы наносит удар фашизму, лишает его возможности использования в дальнейшем демагогических лозунгов о сокращении безработицы. Количество безработных в Германии сейчас снова достигло, даже по официальным данным, почти 2,5 млн. чел.

Так фашизм, разрушающий на протяжении трех лет хозяйство страны в интересах восстановления вооруженных сил германского империализма, предпринимает сейчас, по указке финансового капитала, новое наступление на рабочий класс, ликвидируя свое важнейшее «достижение» — сокращение безработицы. Острый рост безработицы будет резким ударом по тем иллюзиям, которые еще существуют у широких масс мелкой буржуазии и части безработных в отношении фашистской диктатуры. К своей трехлетней годовщине германский фашизм приходит в обстановке резкого ухудшения положения рабочего класса. Он предпринимает новое наступление на рабочие массы, вызывая тем самым в рабочем классе новую волну ненависти к разбойничьему фашистскому режиму.

Германский фашизм пришел к власти в период перехода от кризиса к депрессии особого рода, в период, когда промышленность достигла наиболее низкой ступени падения и произошел переход к такому состоянию промышленности, который не вел к подъему и не возвращал промышленность к состоянию наиболее низкого уровня 1932 г. Самый переход от острой фазы кризиса к депрессии фашизм использовал всемерно. Он рассчитывал путем усиленного субсидирования промышленности государством вывести ее на путь хозяйственного подъема. Но политика вооружений, совершенно фантастических затрат, расширение военной промышленности не создали однако

конъюнктурного подъема. Во-первых, тяжелая промышленность вследствие гигантской недогрузки производственного аппарата при выполнении военных заказов отнюдь не нуждалась в расширении предприятий или постройке новых. Просто увеличилась загрузка существующего производственного аппарата. Значительная часть германской буржуазии, не верящая в прочность фашистского режима, к тому же отнюдь не склонна расширять предприятия за счет полученных ею значительных прибылей. Массовой смены основного капитала не произошло, между тем только это, т. е. постройка новых предприятий и замена оборудования на существующих предприятиях, могло создать предпосылки конъюнктурного подъема.

Во-вторых, за годы своей диктатуры германский фашизм привел к резкому сокращению внутреннего рынка. По официальным данным фашистской статистики, средний уровень легкой промышленности за 1935 г. был ниже 1934 г. на 6—10%, сокращение количества занятых рабочих на 800 с лишним тысяч человек за октябрь—декабрь относится прежде всего и главным образом к легкой промышленности, поставляющей на широкий рынок предметы потребления.

Отчет еженедельника «Deutsche Bank und Diskonto Gesellschaft» от 3 декабря объясняет причины тяжелого положения легкой промышленности следующим образом: «Причины заметной задержки лежат не в трудностях снабжения сырьем. Препятствия, наоборот, лежат на стороне сбыта и даже, отвлекаясь от волны увеличения закупок про запас, которая имела место в прошлом году, объясняются движением доходов и цен».

Таким образом официальный орган германской биржи прямо признает, что сокращение сбыта в легкой промышленности есть результат сокращения доходов рабочего класса и роста цен¹.

Вплоть до сентября 1935 г. наблюдалась своеобразная и противоречивая картина. При росте количества занятых рабочих нагрузка легкой промышленности сокращалась. Количество занятых рабочих, по официальным данным, составило в конце октября больше 16,5 млн. чел., между тем доходы населения почти не увеличились. Это означает, что при увеличивавшемся количестве рабочих размер заработной платы, получаемой отдельными рабочими, значительно понизился.

Продовольственный кризис привел к еще большему ухудшению в легкой промышленности по той простой причине, что рабочие и служащие при бешеном росте цен на продовольствие вынуждены решающую часть своей заработной платы и жалованья тратить на покупку хлеба, картофеля и других необходимых продовольственных продуктов.

Увеличение количества безработных за октябрь—декабрь на 800 с лишним тыс. чел. отнюдь не сезонное явление, как утверждает трехмесячный обзор Германского конъюнктурного института, вышедший в январе 1936 г. Это — необходимый результат резкого сокращения покупательной способности масс и огромного повышения цен на сельскохозяйственные продукты. Германский фашизм своей политикой резко обострил противоречия между производством и потреблением.

Диспропорция между легкой и тяжелой промышленностью стала небывало острой. При резком расширении тяжелой промышленности сокращение легкой промышленности означает неизбежность прибли-

¹ «Deutsche Bank und Diskonto Gesellschaft», S. 310.

жения нового острого кризиса. Этого кризиса боится германская буржуазия.

Германская буржуазия идет теперь по линии сокращения и прекращения — за исключением железных дорог и почты — системы «предоставления работы» (Arbeitsbeschaffung). Исчерпав в основном источники краткосрочного кредитования, германская буржуазия считает необходимым, во-первых, обеспечить военную подготовку за счет налоговых поступлений и, во-вторых, за счет снижения заработной платы, стремясь в то же время избежать инфляции. Германская буржуазия (в этом отношении Шахт представляет ее, так сказать, «разум») боится социальных последствий инфляции. С другой стороны, определенные круги фашистской бюрократии считают, что лучше прибегнуть к инфляции, чем допустить значительный рост безработицы. В вышедшей в 1935 г. книге Форстмана¹, видного германского национал-социалиста, ставится вопрос о необходимости обесценения германской валюты на 30% по сравнению с ее нынешней стоимостью, которое должно коснуться не только паритета, но и повести к политике «кредитной экспансии» как компенсации за недостаток «ликвидности капитала». Автор требует повышения уровня цен на 100%, снижения издержек производства путем рационализации и уменьшения накладных расходов, удлинения рабочего времени на 50%. Это — совершенно реальная программа дополнительного ограбления рабочего класса путем рационализации, снижения заработной платы и инфляции. Проблема повышения эксплуатации рабочего класса посредством рационализации усиленно занимает фашистских экономистов. В вышедшей недавно в Берлине книжке «Rationalisierung, Arbeitslosigkeit und Arbeitsverkürzung»² Гойко Гржиц усиленно доказывает, что рационализация присуща крупной промышленности вообще, что всемерное снижение издержек производства за счет уменьшения расходов на переменный капитал является обязанностью германского финансового капитала.

Вся германская промышленность сейчас представляет чрезвычайно уродливую картину: промышленность, работающая на широкое потребление и внутренний рынок, относительно все больше и больше сокращается, одновременно растет часть национального дохода, идущая на непроизводительное потребление. Это означает неслыханное расхищение производительных сил страны. Фашизм восстановил военную мощь германского империализма, но подорвал германское хозяйство, углубил все противоречия германской экономики и подготовил новое обострение кризиса. Об опасности нового кризиса усиленно заговорила в последние месяцы экономическая пресса германской буржуазии в связи с тем, что старые источники финансирования вооружения и тяжелой промышленности за счет краткосрочного кредитования иссякли. Уже цитировавшийся нами еженедельный «Deutsche Bank und Diskonto Gesellschaft» за декабрь 1935 г. пишет: «Задача хозяйственного оживления при помощи государства в основных чертах должна считаться законченной». Отчет откровенно объявляет, что тяжести финансирования в значительной мере должны будут лечь на плечи налогоплательщиков. За годы фашистской диктатуры налоговый гнет уже гигантски увеличился. В то время как доход за 1932—1933 бюджетные годы составлял 6,647 млн. марок, в 1934/35 г. он составлял 8,223 млн. марок, повысившись таким образом больше

¹ «Der Kampf um den internationalen Handel», Berlin 1935, S. 306.

² Heitmans Verlag, Berlin 1935.

чем на 1,5 млрд. марок. Министр финансов Шверин Крозигка заявил о повышении налоговых обложений с целью получить добавочные доходы для финансирования военной промышленности.

Но какое повышение налогов может дать такое количество средств, которое необходимо для поддержания германских вооружений и государственных субсидий на нынешнем уровне? Отсюда заявление Шахта и Шверин Крозигка относительно необходимости перехода промышленности на «самофинансирование» и старания Шахта увеличить количество акционеров с целью притока мелких капиталов в промышленность¹, отсюда разработка нового положения об акционерном праве, отсюда наконец и уже упомянутые нами требования максимальной рационализации, снижения заработной платы, требования не останавливаться перед увеличением количества безработных.

Фашистская экономическая печать выражает опасения, связанные с переходом на «самофинансирование». Во второй ноябрьской тетради журнала «Die deutsche Volkswirtschaft» № 32 за 1935 г. как раз и ставится вопрос об опасности отказа от государственных субсидий. «Стремление к самофинансированию является не новым для хозяйства. Оно особенно выступает тогда, когда кредитное и капитальное покрытия относительно недостаточны и опасность состоит в том, что предприниматели ряда хозяйственных округов или областей по каким-либо причинам не будут иметь возможности снабжаться кредитами из общественных источников». Журнал выступает против перехода хозяйства на самофинансирование, заявляя, что «нельзя из нужды делать добродетель, хозяйственный постулат. Если во всем хозяйстве перейти к принципу самофинансирования, это привело бы к чрезвычайно тяжелым последствиям, ряд отраслей хозяйства был бы лишен долгосрочных кредитов».

В частности журнал выступает против принципа самофинансирования в сельском хозяйстве. «Также бессмысленно было бы строить снабжение кредитами сельского хозяйства на принципе самофинансирования». В первом декабрьском номере журнал снова возвращается к проблеме самофинансирования и особенно настойчиво ставит вопрос об опасностях кризиса промышленности в связи с сокращением государственного финансирования. «Налицо опасность, что вследствие дефектов в построении кредитной системы разразится новый кризис... Тот, кто анализирует диспропорции, нарушающие хозяйственное равновесие и вызывающие кризис, тот должен конечно будет указать и на усиление опасности, связанной с самофинансированием». Журнал на своих страницах отражает борьбу внутри германской буржуазии вокруг вопросов, связанных с бесконечным субсидированием промышленности. Журнал при этом в значительной своей части отражает требования и интересы помещиков, которые опасаются прекращения государственных субсидий, щедро выдаваемых им фашистским правительством: за год фашистской диктатуры помещикам и кулакам были предоставлены налоговые льготы, кредит, прямые субсидии и т. д. на общую сумму свыше 1,5 млрд. марок.

Но нас здесь интересует не только это. Крайне характерны здесь высказывания журнала и его опасения наступления хозяй-

¹ «Акционерные общества, — заявил он в своей речи в Академии германского права в Берлине, — сейчас призваны, как и в начале капиталистического хозяйства, помочь строительству Германии через объединение мелких сбережений».

ственного кризиса в связи с прекращением финансирования. Часть фашистских экономистов боится, что развитие техники и рационализация приведут к кризису. Фриц Нонненбрух, считающийся светилом фашистской экономической «мысли», в недавно вышедшей¹ брошюре пишет, что развитие техники угрожает «падением конъюнктуры» (стр. 31). «Кто хочет быстро сделаться богатым, становится бедным. Кризис обойдется дороже того, что может принести излишняя экспансия» (стр. 32). Значительная часть германской буржуазии не верит в возможность, следуя новыми путями, обеспечить расширение промышленности. Более того, она боится, что исчезновение старых источников финансирования приведет к кризису, т. е. что промышленность, предоставленная собственным силам, обанкротится.

Надежды на то, что удастся методами государственного финансирования вывести народное хозяйство на путь подъема, не осуществились. Предпринимая новое наступление против рабочего класса, идя на дальнейшее сокращение внутреннего рынка, германская буржуазия лишь еще больше усиливает противоречия и подготавливает новое обострение кризиса.

Банкротство фашистской политики, оздоровление хозяйства страны путем государственного финансирования, дополняется банкротством фашистской политики автаркии. В интересах подготовки к войне фашистское правительство усиленно провозглашало и осуществляло политику всемерного сокращения ввоза, усиления внутреннего производства сельскохозяйственных продуктов, в первую очередь жиров и военного сырья. Германская буржуазия считала, что одной из важнейших причин ее поражения в мировой войне был сырьевой голод во время войны, то обстоятельство, что промышленная Германия неспособна была удовлетворить потребности в сырье и продовольствии собственным производством.

Приход к власти фашизма ознаменовался политикой резкого повышения цен на жиры, зерно и другие сельскохозяйственные продукты. Было проведено самое жесткое контингентирование ввоза продовольственных продуктов. Но подготовка к войне требовала как раз не сокращения ввоза сырья, а всемерного расширения ввоза стратегического сырья. Для ввоза же сырья необходим был соответствующий вывоз промышленных товаров. Вообще полное осуществление автаркии являлось реакционнойшей утопией для высоко индустриальной Германии.

Годы фашистской диктатуры характеризуются повышением ввоза сырья для нужд военной промышленности. Если принять 1928 год за 100, то ввоз сырья — за вычетом сырья, необходимого для промышленного производства средств питания и предназначенного для легкой промышленности, — составил в 1932 г. 71%, в 1933 г. — 80, в 1934 г. — 84, в 1935 г. — 80%. Но для покрытия возросшего ввоза сырья нужен был возрастающий вывоз промышленных товаров. Этого как раз не получилось. Впервые за многие годы германский торговый баланс в 1934 и 1935 гг. оказался пассивным. Для ввоза огромной массы сырья германские фашисты уже в первые два года растратили сотни миллионов марок золота и девиз, которые они получили в наследство от предыдущего буржуазного правительства Германии. Золотое покрытие германского Рейхсбанка упало ниже 2%, и весь золотой

¹ Fritz Nonnenbruch, Die Wirtschaft in der national-sozialistischen Politik, Danzig 1935.

запас германского Рейхсбанка сейчас не достигает и 100 млн. марок.

Сокращение ввоза продовольственных товаров должно было освободить средства для ввоза стратегического сырья. Но, несмотря на все мероприятия, за годы фашистской диктатуры Германия дважды пережила острый кризис внешней торговли. Фашистское правительство в 1933 и 1934 гг. объявило формальное финансовое банкротство, отказавшись от уплаты процентов по коммерческим долгам. Но и этого оказалось недостаточно, и резкая пассивность торгового баланса летом 1934 г. заставила Шахта принять драконовские меры по увеличению вывоза и контингентированию ввоза. Этот так называемый «новый план», принятый в сентябре 1934 г., не дал особых результатов. В то время как еще первые месяцы 1933 г. дали избыток вывоза над ввозом в 263 млн. марок, первые месяцы 1934 г. дали дефицит по внешней торговле Германии в 179 млн. марок. Благодаря мероприятиям, предпринятым Шахтом, пассив внешней торговли Германии удалось снизить за весь 1934 г. до 26 млн. марок. Первые месяцы 1935 г. дают новый рост импорта при дальнейшем сокращении экспорта. Ввоз в январе 1935 г. составил 404 млн. марок, вывоз—299 млн. марок, т. е. один январь дал пассив торгового баланса в 105 млн. марок, в 4 раза больше, чем пассив внешней торговли за весь 1934 г. Ввоз в феврале 1935 г. составил 359 млн. марок, вывоз — 302 млн. марок, пассив — 57 млн. марок. В апреле пассив внешней торговли составлял 19 млн. марок. Чтобы не сокращать ввоза сырья, германская буржуазия пошла по линии дальнейшего усиления нажима на широкие трудящиеся массы. Вопреки своему лозунгу об автаркии, о создании хозяйства, полностью удовлетворяющего свои потребности без ввоза, германское правительство должно было провести ряд мероприятий с целью расширения экспорта, так как иссякание золотого запаса и пассивный торговый баланс поставили Германию перед катастрофой. На промышленность, работающую на внутренний рынок, был наложен налог в 720 млн. марок, который должен был служить премией для экспортных отраслей промышленности. Этим была создана основа для беспрецедентного в истории демпинга германских товаров на международном рынке. Это привело к росту цен на промышленные товары, потребителями которых являются германские трудящиеся массы.

В результате применения этих чудовищных мероприятий ввоз за январь—октябрь 1935 г. составил 3 429 млн. марок, вывоз — 3 452,5 млн. марок, активное сальдо составило ничтожную сумму в 23,5 млн. марок.

Германский фашизм обострил этими мероприятиями противоречия между легкой и тяжелой промышленностью. Нынешний продовольственный кризис, как и все факты экономической действительности Германии, показал банкротство политики автаркии. После трех лет фашистской диктатуры германский капитализм вынужден ввозить из-за границы, по данным Конъюнктурного института исследований («Wochenbericht» от 10 апреля 1935 г.): от 11 до 20% всего количества животных жиров, от 21 до 30% яиц, битой птицы, от 31 до 40% рыбы, от 41 до 50% жиров вообще, от 51 до 60% бобов, до 100% риса, всяких круп и т. д. По линии сельскохозяйственного сырья Германия вынуждена ввозить до 30% леса, до половины потребной стране кожи, до 70% жиров, до 80% потребного табака, от 80 до 90% льна и почти полностью удовлетворять за счет ввоза потребности в хлопке, конопле, джуте, шерсти, шелке, каучуке и т. д.

Политика автаркии привела к резкому обострению противоречий между германской буржуазией и буржуазией торгующих с Германией капиталистических стран, так как резкое обострение конкуренции Германии на мировом рынке тяжело отражается на внешней торговле других стран. Германская буржуазия выбрасывает в интересах ввоза сельскохозяйственного сырья сотни миллионов народных денег на ветер, продавая собственные товары по бросовым ценам. Вследствие государственного банкротства Германия далее вынуждена покупать сырье и все необходимые ей товары на зарубежных рынках втридорога за наличный расчет, так как она не имеет кредита за границей. Положение в последние месяцы еще более обострилось потому, что в 1935 г. произошло значительное повышение цен на мировом рынке. На это жаловался Шахт в одной из своих речей в декабре 1935 г., умоляя международные банки о кредите; по этому поводу бьет тревогу январский (1936 г.) обзор Германского конъюнктурного института.

Проведение политики автаркии, которая является не чем иным, как формой подготовки к войне, привело к соответствующей политике цен со стороны фашистского государства. С приходом к власти фашизм проводил контингентирование и резкое сокращение ввоза жиров, яиц и других продуктов из-за границы, а также обеспечил употребление германского масла в производстве маргарина. Летом 1933 г. пошлина на ввоз свиного сала была повышена до 65 марок за центнер, а цена топленого сала повышена с 10 до 100 марок за центнер. Пошлина в 2 раза превысила настоящую стоимость товаров. Лишь осенью 1935 г. и эта огромная пошлина была несколько снижена. В течение 1933 г. и первой половины 1934 г. проводилась политика повышения цен на сельскохозяйственные продукты внутри страны. При этом фашистское правительство заботилось об интересах помещиков и кулаков. Главным производителем мяса и жиров является в Германии, как известно, крестьянское хозяйство, которое вынуждено при этом само покупать зерно и корма в кулацких хозяйствах. Приведем данные об индексе оптовых цен на скот, корма и зерно:

	1913 г. = 100 ¹	
	1931 г.	Декабрь 1933 г. 1934 г.
Скот	83	57,5 77,8
Корма	101,9	81,9 104,9
Продовольственные зерновые . . .	119,3	95,7 121,9

Как видим, в декабре 1933 г. уровень цен на скот, несмотря на повышение цен, не достиг уровня 1931 г., тогда как цены на корма и зерно, которые крестьянин вынужден был покупать у помещика, превысили уровень 1931 г.

Цены на скот в декабре 1931 г. были ниже уровня цен 1913 г. почти на 25%, тогда как цены на зерно почти на 25% превышают уровень цен 1913 г., цены на корма также выше цен 1913 г.

Из следующих данных еще ярче видно, что политика цен фашистского правительства ведется в интересах помещиков.

¹ Данные взяты из статьи Ганса Меркеля «Bauerliche Marktordnung», «Jahrbuch für national-sozialistische Wirtschaft», Stuttgart — Berlin 1935, S. 93.

Общие годовые цены в 1934 г.

	Берлин	Копенгаген
Яйца (в марках за 100 шт.)	9,03	4,99
Пшеница (в марках за 100 кг)	19,49	6,08
Масло (в марках за 50 кг)	125,4	45,34

Цены на яйца почти в 2 раза выше цен мирового рынка, цены на пшеницу более чем в 3 раза превышают мировые. И если крестьянин немного больше выручил в 1934 г. за масло, то это с избытком уходило к помещику и крупному кулаку в форме оплаты повышенных цен на корма и хлеб, получаемые у них. Лишь острый продовольственный кризис привел к резкому росту цен на мясо и жиры летом и осенью 1935 г. Этот рост цен на продукты, производимые крестьянским хозяйством, произошел вопреки всей политике фашистского правительства. Фашистское правительство поспешило приостановить этот рост цен установлением максимальных цен.

В 1934 г. был резко сокращен ввоз продуктов питания из-за границы. Недород привел к недостатку кормов и росту цен на них. Крестьянин вынужден был покупать у помещика корма для скота по крайне вздутым ценам. Так, двойной центнер жмыхов в июне 1933 г. стоил 103 марки, в июне 1934 г. — 153 марки, в августе 1935 г. — 173 марки. Цены на фураж в 1934 г. были повышены на 50% по сравнению с ценами 1933 г., а в 1935 г. они были повышены еще на 20%. Крестьянину невыгодно было вывозить на рынок скот и мясо, невыгодно также было продолжать выращивать скот. Начался массовый убой скота. Все это привело к острому продовольственному кризису осенью и зимой 1935 г.

При фашистской диктатуре ограбление трудящихся и крестьянства происходит в небывалых размерах с той разницей, что это проводится под лозунгом создания крестьянской империи и т. д. Эта политика привела к резкому ухудшению жизни крестьян. По данным проф. Отто Кестнера, являющегося директором Гамбургского психологического института (фашистского), количество калорий, получаемых каждым ремесленником, крестьянином, сельскохозяйственным рабочим, составляет теперь в среднем 2 000—2 800 калорий против 3 600—5 000 калорий в 1913 г. Уровень потребления крестьянина, сельскохозяйственного рабочего и ремесленника на 25—50% ниже довоенного уровня¹.

Как известно, германский фашизм обещал избавить крестьян от чудовищного гнета долгов, от «процентного рабства», он обещал им национализировать банки. Но, как и во всех других вопросах, фашизм обманул крестьян. Уровень процентной ставки по сути дела не снизился, оставшись на высоте 4,5%. Что касается задолженности деревни, то она рисуется в следующем виде. По данным, приведенным Центральным сельскохозяйственным банком, задолженность на 1 га в 1934 г. составляла в Восточной Пруссии 705 марок, сократившись всего на 1 марку по сравнению с 1933 г., составив 79% стоимости имущества на гектар. В Западной Германии на каждый гектар падает 566 марок задолженности, причем она уменьшилась всего на 11 марок. Общая задолженность сократилась всего на 200 млн. марок — с 11,8 млрд. марок в 1933 г. до 11,6 млрд. марок в июле 1934 г.

Таким образом задолженность деревни мало уменьшилась. Это уменьшение падает главным образом на кулацкие и помещичьи хо-

¹ «Jahrbuch für national sozialistische Wirtschaft», S. 22.

зяйства, причем кулаки получили льготы в результате проведения закона о наследственных дворах. В целом тяжесть долгов сейчас не меньше, чем до прихода фашистов к власти.

С точки зрения задолженности, сообщает отчет Рентного банка (цитируем по «Volkischer Beobachter» за 25 октября 1935 г.), «наиболее напряженную картину представляют хозяйства от 5 до 20 га. Больше половины из них имеют задолженность, превышающую 60% стоимости земли («Einheitswert»). В кулацких хозяйствах задолженность колеблется от 36 до 40% стоимости земли.

Это означает, что тяжесть обложения мелкого и прежде всего среднего хозяйства (так как хозяйства в 5—20 га это преимущественно середняцкие) больше чем в двое превышает задолженность крупных хозяйств. Что касается тяжести задолженности хозяйств ниже 5 га, то данные обследования об этом просто молчат. Относительный размер задолженности этих хозяйств превышает задолженность хозяйств в 5—20 га. В восточной части страны задолженность повысилась на 8 марок на 1 га, в Баварии она также повысилась.

Таким образом те скудные данные, которые опубликованы фашистским правительством, свидетельствуют о повышении задолженности бедного и среднего крестьянина. Мелкому и среднему крестьянину фашизм принес не избавление от процентной кабалы, а усилившееся процентное рабство. Именно бедноте и середнякам фашизм обещал конфискацию крупных имений, банков, сокращение налогов. Ни одного из этих обещаний трудящемуся крестьянству фашизм не выполнил. Осуществляется лишь закон о наследственных дворах, который имеет целью создать для фашизма крепкую социальную опору в деревне в лице кулаков. Закон о наследственных дворах обрекает на пролетаризацию младших детей кулаков и запрещает дробление крупных хозяйств.

На 1 января 1935 г. общее количество наследственных дворов составляло 650 тыс. Предполагается довести их до 700 тыс., или до 12% всех дворов. Интересы миллионов младших сыновей и дочерей кулаков принесены в жертву интересам укрепления социальной базы фашизма в деревне, так как фашизм рассчитывает в лице старших сыновей крестьян и владельцев наследственных дворов приобрести крепкую опору фашистского режима. Закон о наследственных дворах объявлен, разумеется, величайшим достижением германского «социализма».

Далее, фашизм в интересах подготовки к войне осуществил широкую монополизацию сбыта сельскохозяйственных продуктов. Созданное министерство продовольствия в свою очередь организовало ряд монопольных организаций по принудительной скупке сельскохозяйственных продуктов в крестьянских хозяйствах по определенным ценам. Свое молоко, мясо, яйца и другие продукты крестьянин обязан сейчас продавать монополистским объединениям по твердым ценам. Последние продают их на городских рынках по крайне вздутым ценам, кладя себе в карман огромную торговую (по сути дела спекулятивную) прибыль.

Острый продовольственный кризис является выражением острого недовольства крестьянства конкретными мероприятиями фашистской политики. Крестьянство еще не восстает против фашистской диктатуры в целом, но оно резко

протестует против совокупности экономических мероприятий фашистского правительства, в частности против его монополистских объединений по закупке товаров, против его политики цен. Отказываясь продавать мясо и жиры по твердым ценам, крестьянин по сути дела организовал экономическую стачку против мероприятий фашистской диктатуры. В продовольственном кризисе вскрылись противоречия фашистского режима, противоречие между крестьянином и помещиком (соотношение цен на корма и мясные продукты), между крестьянином и фашистской диктатурой, между городом и деревней при фашистском режиме.

Германский фашизм ограбил рабочий класс и крестьянство в интересах восстановления капитала, накоплений германской буржуазии и военной мощи германского империализма. Фашизм сумел удержаться благодаря тому, что он до сих пор внушает значительной части мелкобуржуазных масс убеждение в том, что фашистская диктатура защищает национальные интересы Германии на международной арене.

Резкое ухудшение положения рабочих и крестьянских масс, обострение противоречий в лагере фашистской диктатуры создают благоприятные условия для работы коммунистической партии и создания единого пролетарского фронта в массовых организациях фашистской диктатуры. Фашистский режим поставил страну перед голодом, гонит страну в объятия инфляции и продовольственной катастрофы всей своей политической сумасшедших вооружений. Обман крестьян, ремесленников и служащих шовинистическим военным угаром не может продолжаться бесконечно. Трудящиеся крестьяне, так же как и пролетарии, отнюдь не заинтересованы в войне, а заинтересованы в мире.

Для единого пролетарского фронта, единого народного антифашистского фронта, долженствующего объединить вокруг себя все недовольные фашистским режимом группы населения, создаются благоприятные перспективы. Завоевать разочаровавшиеся в фашистском режиме мелкобуржуазные массы на сторону пролетариата можно только серьезным революционным действием, созданием единого пролетарского фронта, который может, должен и будет создан в Германии.

За три года фашистской диктатуры фашизм обманул всех и не выполнил ни одного из своих обещаний, обрек страну на голод и величайшее истощение.

Фашизм разоряет страну. Задача компартии, революционного пролетариата заключается в том, чтобы создать единый антифашистский фронт, который свалит проклятый фашистский режим, раньше, чем он успеет зажечь пожар мировой войны.

Что дает сельскохозяйственная перепись США 1930 г. для характеристики процесса развития капитализма в земледелии?

I

Прошло свыше 20 лет с тех пор, как Ленин написал свою знаменитую работу «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии»; в которой он дал чрезвычайно яркую характеристику развития капитализма в земледелии США и на-голову разбил «теорию некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе». Эта теория «есть в сущности теория громадного большинства буржуазных профессоров, буржуазных демократов и оппортунистов в рабочем движении всего мира, т.-е. новейшей разновидности тех же буржуазных демократов»¹. Доводы Ленина, вытекающие из глубокого изучения и гениального анализа американских переписей, однако, не заставили буржуазных профессоров и социал-оппортунистов признать ошибочность своих утверждений. Ибо «эта теория есть иллюзия, мечта, самообман всего буржуазного общества»². От этой иллюзии оно не может отказаться, хотя есть немало ученых, которые признают превосходство крупного хозяйства и в земледелии.

Корифей буржуазной науки профессор В. Зомбарт в книге «Современный капитализм»³ категорически заявлял, что в сельском хозяйстве, «в этой до сих пор еще важнейшей сфере хозяйства, об общей тенденции к концентрации не может быть и речи». И он ссылается на пример США, где якобы «ничего похожего на концентрацию» не наблюдалось. То же самое повторяют современные социал-оппортунисты Бааде, Гильфердинг, Каутский, Отто Бауэр и другие. В частности Бааде, который являлся автором Кильской аграрной программы социал-демократии, заявлял в своем отчете на Кильском съезде следующее: «Законы развития сельского хозяйства совершенно другого порядка, нежели законы промышленности. Все категории сельскохозяйственных предприятий сохранили поражающую всех жизнеспособность... Совершенно правильно, что в сельском хозяйстве человеческий труд как квалифицированный труд, как труд, который требует особой заботливости и наибольшего понимания работником своего интереса, играет особую роль. Семейное предприятие, которое ведется исключительно заинтересованными членами семьи, имеет в этом отношении значительное преимущество перед крупным предприятием, ведущимся при помощи наемных сил»⁴.

¹ Все цитаты, если нет особого указания на автора, взяты нами из указанного произведения Ленина, т. XVII, изд. 3-е. Данную цитату см. на стр. 576.

² Там же.

³ Т. III, ч. II, стр. 822—825, нем. изд.

⁴ См. протоколы этого съезда, стр. 118.

Ленин опрокинул апологетику кулацкого хозяйства, технического и социального застоя «семейного производства», считающегося якобы более устойчивым, более подходящим для земледелия. Одновременно Ленин подверг убийственной критике так называемый закон «падающей производительности последовательных затрат», являющийся основой всех утверждений об отсутствии концентрации в сельском хозяйстве и о жизнеспособности мелкого производителя.

США — «передовая страна новейшего капитализма — представляет особенный интерес для изучения общественно-экономического строя современного сельского хозяйства и его эволюции»¹. Именно поэтому Ленин так подробно остановился на характеристике социальных отношений в сельском хозяйстве этой страны. После того как Лениным была написана работа, произведены три новых переписи: в 1920, в 1925 и в 1930 гг. В 1925 г. перепись была неполной. Переписи 1920 и 1930 гг. тоже не дают такого богатого материала, как перепись 1900 г. Далее, то, что Ленин писал о переписи 1910 г., а именно: «Перепись 1910 г. представляет из себя нагляднейший образец того, как великолепный по богатству и полноте материал обесценен, испорчен рутинной и научным невежеством тех, кто его обрабатывал»², полностью применимо и к последующим переписям. Все они сохранили группировку по размерам земли, дающую «картину притупления классовых противоречий в капитализме», а перепись 1930 г. к тому же до сих пор не дала распределения скота по группам. Все же и эти переписи дают возможность судить о развитии капитализма в сельском хозяйстве США за последние 20 лет и представляют большой интерес. Они отвечают на вопрос, «разрушается ли капиталистическое земледелие, дробится и мельчает производство», как утверждали «буржуазные профессора, буржуазные демократы и оппортунисты в рабочем движении всего мира», или прав был Ленин, констатировавший, что «идет вперед вытеснение мелкого производства крупным в земледелии»³.

США, говорит Ленин, «передовая страна новейшего капитализма». За истекшие 20 лет после появления замечательного труда Ленина капиталистическое развитие этой страны пошло вглубь и вширь. США — одна из руководящих стран мирового капитализма. Она сильно нажила на поставках по высоким ценам во время мировой войны и в первые годы после нее, когда оставалась почти монополистом на сельскохозяйственных и на ряде других рынков.

Несколько данных достаточно наглядно иллюстрируют значение этой страны в мировом хозяйстве.

В то время, как население Европы увеличилось с 1900 по 1930 г. с 400 до 500 млн., или на 25%, население США выросло с 76 до 122,77 млн., или на 61,5%. В ряде производств США занимают руководящую роль, хотя их доля в мировом хозяйстве мало изменилась. По подсчетам Снейдера, производство сельскохозяйственных продуктов и сырья в США составляло в 1910 г. 33,5, а в 1929 г. — 32% мирового их производства. В производстве стали доля США увеличилась с 39 до 47%, в общей промышленной продукции в 1928 г. она составила 45%.

Но нас интересует в настоящее время не мировое положение США,

¹ Стр. 575.

² Стр. 611.

³ Стр. 575, 576 и 644.

а те сдвиги, которые произошли в характере производства страны и специально главных ее районов. В 1910 г. из всего самостоятельного населения страны в сельском хозяйстве было занято 12,4 млн., или 25%, в 1930 г. из 48,8 млн. самостоятельных на долю сельского хозяйства приходилось всего 10,47 млн., или 21,4%.

При анализе развития США обычно или ограничиваются общими данными, относящимися ко всей стране в целом, или рассматривают отдельно все 9 районов, так что автор теряет в частности, из-за деревьев не видит леса. Иначе поступил Ленин. Имея в виду, что США представляют собой гигантскую площадь с разнообразными условиями хозяйства в разных концах страны, он считал безусловно необходимым отдельное рассмотрение главных районов, неоднородных по своему экономическому положению. Определенную закономерность явлений можно выявить, анализируя более крупные числа, в данном случае более или менее значительные районы. Поэтому Ленин рассматривал не все 9 районов в отдельности, а 3 крупные области: Север, к которому относятся Новая Англия, Среднеатлантические штаты, Центральные северо-восточные и северо-западные штаты, Юг, включающий Южноатлантические, Центральные юго-восточные и юго-западные штаты, и наконец Запад, или Горные и Тихоокеанские штаты. В этом разрезе и мы будем рассматривать экономическое развитие США за последние 20 лет.

Численность населения в разных районах возросла неравномерно. Выше всего прирост на Западе, слабее всего — на Юге. Это видно из следующих данных, составленных нами по материалам цензов:

Районы	Население США (в млн.)		Прирост (в %)	В % к итогу	
	1910 г.	1930 г.		1910 г.	1930 г.
Север	55,76	73,03	31,0	60,6	59,6
Юг	29,38	37,86	28,9	32,0	30,8
Запад	6,83	11,89	79,4	7,4	9,6
Всего	91,97	122,78	33,3	100	100

На Западе в 1930 г. было около 10% населения против 7% в 1910 г.

Еще характерней изменения, которые произошли в распределении городского и сельского населения по районам (в млн. чел.). (См. верхнюю табл. на стр. 151).

На Западе выросло и сельское население на 40%, в то время как на Севере оно почти не изменилось (прирост за 20 лет на 3,8%). Но особенно быстро выростали на Западе города. И даже на Юге городское население почти удвоилось, что имело конечно влияние на рост интенсификации сельского хозяйства.

Все же сельское население на Юге почти в два раза превышает еще городское, на Западе оно составляет еще 41,2% всего населения, в то время как на Севере — 32,8%. Фермерское население в сельских местностях составило на Севере 16%, на Юге — 42,9%, а на Западе — почти 20% населения. Точно так же процент самостоятельных, заня-

Районы	Все население		Городское			Сельское			Сельское население (в % ко всему населению)	
	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.	при- рост (в %)	1910 г.	1930 г.	при- рост (в %)		
									1910 г.	1930 г.
Север	55,8	73,0	32,67	49,06	50,2	23,09	23,96	3,8	41,4	32,8
Юг	29,4	37,9	6,62	12,90	94,9	22,76	24,95	9,6	77,4	65,3
Запад	6,8	11,9	3,33	6,99	109,9	3,49	4,90	40,4	51,2	41,2
Всего	92,0	122,8	42,62	68,95	61,8	49,35	53,82	9,1	53,6	43,7

тых в сельском хозяйстве, в 1929 г. на Юге и на Западе выше, чем на Севере.

На Севере	16,7
» Юге	43,1
» Западе	23,1

В среднем 21,4

Эти данные показывают, что в 1929 г. Юг в значительной мере сохранил еще земледельческий характер, а Запад стал промышленной областью. Север до 1930 г. оставался средоточием промышленности США, как это видно из следующих данных о промышленности США в 1909 и 1929 гг. (данные взяты нами из публикаций цензов, подсчет по районам и проценты наши):

Север, Юг и Запад в промышленности США

Показатели	США		Север		Юг		Запад	
			в % к общему итогу по США					
	1909 г.	1929 г.	1909 г.	1929 г.	1909 г.	1929 г.	1909 г.	1929 г.
Число предприятий (в тыс.)	268,5	210,9	72,3	69,8	20,8	19,5	6,9	10,7
Число рабочих (в млн.)	6,6	8,8	78,8	75,3	16,7	18,2	4,5	6,5
Механическая сила (в млн. л. с.)	18,7	42,9	73,8	72,5	19,8	18,7	6,4	8,8
Зарплата (в млн. долл.)	3 427	11 621	81,0	80,2	12,9	12,8	6,1	7,0
Стоимость материалов (в млн. долл.)	12 143	38 550	81,6	76,6	12,4	14,9	6,0	8,5
Валовая стоимость продукции (в млн. долл.)	20 672	70 435	81,4	78,1	12,8	14,0	5,8	7,9
Вновь созданная стоимость продукции (в млн. долл.)	8 529	31 885	81,1	79,2	13,2	13,6	5,7	7,2

По темпу своего развития Запад значительно обогнал остальные районы. Однако, как указал т. Сталин, процентный прирост не всегда достаточно показателен. Хотя доля Запада в промышленности США увеличилась, все же она составляет еще только 7—8% всей промышленной продукции, в то время как на Севере сосредоточены 78—79%. Таким образом Север и поныне остается наиболее промышленным центром США, хотя и Запад — уже развитая капиталистическая область.

Интересно отметить, что на долю двух наиболее промышленных районов, Новую Англию и Среднеатлантические штаты, приходилось в 1910 г. 47,4%, а в 1930 г. все еще 39,4% всей промышленной продукции страны.

В сельскохозяйственном отношении роль главных районов видна из следующих таблиц, составленных нами на основании данных цензов. Процентные отношения исчислены нами.

Развитие сельского хозяйства США по районам

Показатели	США		Север		Юг		Запад	
			(в % ко всей стране)					
	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.
Число ферм (в тыс.)	6 362	6 289	45,4	40,8	48,7	51,2	5,9	8,0
Вся земля (в млн. акров) . . .	1 903		30,9		29,5		39,6	
Вся земля в фермах (в млн. акров)	878	987	47,2	43,2	40,3	34,7	12,5	22,1
Обрабатываемая площадь ¹ (в млн. акров)	478	522	60,6	55,4	31,5	31,4	7,9	13,2
Обрабатываемая земля (в % ко всей фермерской земле) . . .	54,4	52,9	70,1	67,8	42,5	47,8	34,2	31,7

Капиталовложения в фермы

Показатели	США		Север		Юг		Запад	
	(в долл.)		(в % к средней величине по США)					
	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.
На 1 ферму								
Земля	4 476	5 554	147,9	137,3	42,7	51,8	204,7	219,2
Постройки	994	2 059	157,3	165,2	46,4	46,3	101,5	111,8
Машины	199	525	148,7	161,0	47,7	41,1	155,8	166,5
Скот	774	964	132,9	145,8	55,3	48,9	216,2	193,5
Всего	6 443	9 102	147,6	145,9	95,0	49,6	188,9	189,2
На 1 акр								
Земля	32,4	35,4	142,9	129,7	51,5	76,3	95,4	79,4
Постройки	7,2	13,1	151,4	156,3	55,6	68,3	47,2	40,4
Машины	1,4	3,3	145,8	152,2	55,6	60,6	97,2	59,7
Скот	5,6	6,2	128,6	138,2	66,1	72,2	100,0	63,9
Всего	46,6	58,0	142,7	135,4	54,1	87,9	88,6	67,3

Промышленный Север продолжает оставаться и в 1929 г., как констатировал Ленин для 1910 г., главным источником сельскохозяйственных продуктов. В нем сосредоточены 43,2% всей фермерской земли (на Юге—34,7%, на Западе—22,1%) и 55,4% всей обработанной площади (на Юге—31,4%,

¹ Ценз 1930 г. не указывает больше обрабатываемой земли. Она нами исчислена за этот год.

на Западе—13,2%). На Севере значительно более высокая цена на землю, чем в других районах, машинный капитал, считая на 1 акр земли, в 2½ раза больше, чем на Юге или на Западе, скота в два раза больше. По стоимости всей сельскохозяйственной продукции в 1929 г. районы располагаются следующим образом: Север дает 56,2% (в 1910 г.—61%) с.-х. продукции, Юг—30,3% (в 1910 г.—30,4%) и Запад 13,5% (в 1910 г.—8,6%).

II

Запад показывает чрезвычайно быстрый темп развития. Фермерская земля здесь увеличилась на 108 млн. акров, в то время как на Севере последняя расширилась только на 13 млн. акров, а на Юге даже сократилась на 14 млн. акров. Как же происходило заселение Запада за последние 20 лет? В общем так же, как до 1910 г., т. е. «путем даровой раздачи незанятых земель». Только речь идет уже не о раздаче средних участков (в среднем до 160 акров), а о захвате крупных земельных площадей, доходящих (начиная с 1918 г.) до 640 акров. Тем самым характер гомстедов изменился. Насаждаются не средняцкие (по площади) фермы, а крупнокапиталистические. Приведем данные о регистрации гомстедов за последние 20 лет (в тыс. акров):

Районы	1911—1920 гг.	1921—1930 гг.	1911—1930 гг.
Северо-восточные центральные	200	32	232
Северо-западные центральные	14 905	1 961	16 866
Всего по Северу	15 105	1 993	17 098
Южноатлантические (Флорида)	731	251	985
Юго-восточные центральные	511	67	578
Юго-западные центральные	2 222	468	2 750
Всего по Югу	3 524	789	4 313
Горный	88 086	43 545	131 631
Тихоокеанский	12 135	7 004	19 139
Всего по Западу	100 221	50 549	150 770
Всего по США	118 850	53 331	172 181
В том числе крупные скотоводческие	13 721	41 089	54 810

Речь идет о заявках; число действительно прикрепленных гомстедов по районам не указывается. Площадь последних составила в 1911—1920 гг. 74 317 тыс. акров, а за годы 1921—1930 — 40 391 тыс. акров, или 63% и 76% заявок.

Общая площадь сданной в виде гомстедов земли составляет за исследуемый период 114,7 млн. акров, или 66,7% всей земли, на которую были сделаны заявки. На Западе заявки составили 150,8 млн. акров. Две трети этого количества составят кругло 100 млн. акров, что совпадает с указанным выше расширением фермерской земли на 108 млн. Другими словами: до сих пор «Запад — сплошной район гомстедов» (Ленин). Но речь идет уже о «гомстедах» не в 160 акров, а в 640 акров, т. е. о крупнокапиталистических фермах,

насажденных за последние годы. Ибо из этих 100 млн. акров 53,2 млн. приходится на крупные «скотоводческие фермы» в 640 акров. Все же Запад до сих пор выделяется из остальных районов как колониальный район. На Севере и на Юге раздача гомстедов весьма незначительна. Ленин отметил, что «совершенно нет розданных за последнее десятилетие гомстедов только в двух районах севера: Новой Англии и Средне-Атлантическом»¹. Так оставалось и после 1910 г. В третьем северном районе такая раздача встречается только в двух штатах: Мичиган и Висконсин, притом только за годы 1911—1925. После 1925 г. раздача гомстедов прекращается. В целом заявки составили на Севере 17 тыс. акров, а на Юге даже только 4,3 тыс. К этому надо прибавить, что на Западе до сих пор только 29% в всей территории заняты под фермами, в то время как на Севере фермерская земля составляет 72%, на Юге несколько меньше — 61%.

Преимущественно крупнокапиталистический характер Запада и производство высокоинтенсивных культур придали земледелию этого района интенсивный характер. Стоимость земледельческих культур на 1 акр уборочной площади здесь выше, чем в других районах (25,8 долл. против 23,2 долл. на Юге и 21,9 долл. на Севере). Если однако исчислить эту стоимость на всю фермерскую землю, то отношение между районами будет обратное:

Стоимость продуктов земледелия в 1929 г. (на 1 акр фермерской земли в долл.)	
Север	14,9
Юг	11,1
Запад	8,2
	<hr/>
США	12,1

Именно потому, что на Западе обрабатываются только 31,7% всей фермерской земли, на Юге 47,8%, а на Севере даже 68%, средняя стоимость продукции на 1 акр на Западе ниже, чем в других районах. В этом смысле, т. е. имея в виду незначительный процент обрабатываемой земли, можно еще говорить о Западе как о наиболее экстенсивном районе.

Выше мы уже отмечали, что Север отличается более высоким уровнем индустриализации, чем остальные районы. Валовая стоимость промышленной продукции Севера составила 54,8 млрд. долл., или 750 долл. на душу всего населения. Продукция Юга — 10,085 млрд. долл., или 266 долл. на душу, а продукция Запада — 5,55 млрд., или 465 долл. на душу. Стоимость сельскохозяйственной продукции на 1 душу населения по районам располагается в обратном порядке:

Стоимость с.-х. продукции на 1 душу населения (в долл.)	
Север	87
Юг	100
Запад	148
	<hr/>
США	96,9

Товарная часть продукции фермеров составляет на Севере 86% всей стоимости продукции, на Юге—79%, на Западе, где развито производство фруктов и овощей,—95%.

Во всех районах промышленная продукция (включая и стоимость

¹ Стр. 578.

сырья) уже значительно больше сельскохозяйственной: на Севере — в 8 раз, на Юге — в 2,7 раза, на Западе — в 3 раза.

Но не все штаты Севера развивались одинаково. Закон неравномерного развития капитализма привел к тому, что особенно выделились два штата: Новая Англия и Среднеатлантический. На эти районы из всей промышленной продукции страны приходилось в процентах:

	Число занятых	Механическая сила	Стоимость продукции
1909 г.	50	44	47,4
1929 г.	41	38	39,4

Заметим, что и средняя урожайность хлебов в этих штатах наиболее высокая. Таким образом эти штаты до сих пор отличаются наиболее интенсивным земледелием, за исключением тихоокеанского побережья.

Юг отличается тем, что здесь «система хозяйничанья посредством арендаторов, главным образом негров, заменила систему хозяйничанья посредством рабского труда»¹, цитирует Ленин заключения американских статистиков по поводу переписи 1910 г. Для характеристики этой системы хозяйничанья посредством арендаторов-негров мы воспользуемся небольшой публикацией бюро переписи 1930 г. «The Negro Farmer in the United States». Основные данные этой брошюры сводятся к следующему.

В 1930 г. в США насчитывали 11,89 млн. негров (9,7% всего населения) против 9,83 млн. в 1910 г. (10,7%).

Распределение негритянского населения по районам таково:

Районы	В млн.		В %	
	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.
Север.	1,03	2,41	10,5	20,3
Юг.	8,75	9,36	89,0	78,7
Запад.	0,05	0,12	0,5	1,0
США	9,83	11,89	100,0	100,0

Количество негров на Юге относительно уменьшилось. Негры бегут из южных штатов. Главная масса негров продолжает жить в сельских местностях: в 1910 г. 72,6%, всего негритянского населения, в 1930 г. 56,3%. За эти 20 лет сельское негритянское население уменьшилось абсолютно с 7,14 до 6,7 млн., или на 0,4 млн. Сельское фермерское население за одно десятилетие с 1920 по 1930 г. уменьшилось на 419,4 тыс. — до 4,68 млн.

Сельское фермерское население сосредоточено почти исключительно на Юге (98%). Но негритянское фермерское население на Юге уменьшилось на 419 тыс. Если негр покидает Юг, то во всяком случае не для того, чтобы обосноваться где-нибудь в качестве фермера. В других районах за последние 10 лет негритянское население ферм увеличилось всего на 6 тыс. В 1930 г., как и в 1910 г., негры составили 14% всех фермеров (а вместе с другими «цветными» — 14,5%),

¹ Стр. 582.

но несколько меньше, чем в 1920 г., когда они составили 14,4%. 98,7% всех негритянских ферм находятся на Юге. Чрезвычайно характерно, что за прошедшие 20 лет негры почти не приобретали больше ферм. Только в отношении 11,6% ферм указывалось, что фермы находятся в их распоряжении меньше 25 лет; из 182 тыс. негров-собственников только 3 393 (1,3%) приобрели фермы за последние 25 лет.

Уже эти данные свидетельствуют о крайне тяжелом положении негров-фермеров: не только все приросшее население, но и значительная часть старых фермеров (около 43 тыс.) вынуждена была оставить сельское хозяйство и искать других заработков. Перспектив на образование новых ферм—никаких. Растущий процесс экспроприации негров-фермеров выражается прежде всего в уменьшении числа собственников, в бегстве негров из деревни, а затем в процессе раздробления участков, что в основном является несомненным результатом ухудшения положения негров. Однако и в отношении негров-фермеров проявляется процесс дифференциации, сказывающийся в росте капиталовложений в ферму. Сопоставим хотя бы средние данные по всем фермам с данными о фермах негров; даже эти средние числа выявят тяжелое положение последних¹:

Показатели	Фермы белых	Фермы негров	Фермы негров (в % к фермам белых)
Средний размер земли в акрах:			
во всех фермах	176,0	20,42	24,3
у собственников	179,6	61,9	34,4
у арендаторов	143,0	37,3	26,1
Цена земли за 1 акр в долларах:			
1. В США:			
у собственников	32,96	20,42	60,5
у арендаторов	42,97	31,47	72,5
2. В Южноатлантических штатах:			
у собственников	30,29	20,22	66,8
у арендаторов	27,55	24,67	89,5
3. В Юго-восточных центральных штатах:			
у собственников	23,80	16,31	68,5
у арендаторов	27,87	31,53	113,1
4. В Юго-западных центральных штатах:			
у собственников	16,32	23,68	144,9
у арендаторов	31,52	40,05	127,1
Стоимость машин на 1 акр ² в южных штатах:			
в среднем	1,83—4,56	1,58	86,2—34,7
у собственников	2,03—2,82	1,72	84,7—61,0
у арендаторов	1,84—1,94	1,51	82,1—77,8

В основном негры имеют мелкие фермы; в гораздо большей мере, чем белые, они страдают от высокой цены земли и значительно хуже снабжены машинами. Негры-фермеры — в основном арендаторы, при

¹ «General Report», volume 4, стр. 159, и названная выше работа о неграх, стр. 25, 43.

² В среднем на ферму приходилось на Юге машин (в долл.): у белых собственников 336, арендаторов—182, у кропперов—94, у цветных собственников—111, арендаторов—56, а у кропперов—44. Там же, стр. 161.

этом преимущественно издольщики. Средний размер фермы кроппера на Юге—40,7 акра, а у кроппера-негра—30,5 акра. 1 акр с постройками обходится белому кропперу в 44,25 долл., негру— в 45,97 долл. Жилище кроппера стоит у белых 330 долл. (у собственников 749 долл., у арендатора за наличные—586 долл.), у кроппера-негра—238 долл. (у собственника-негра 287 долл., у арендатора за деньги—232 долл.). Жилищные условия арендаторов, в особенности цветных, гораздо хуже, чем собственников. Но особенно бедно живут кропперы-негры, которые в состоянии тратить на жилище только минимальные суммы.

Наконец положение арендаторов крайне необеспечено. Огромное большинство их имеет свои клочки на короткий срок, они могут быть в любой момент выброшены на улицу. Таковы пережитки рабства в виде закабаления негров.

Перепись 1930 г. констатирует рост среднего размера фермерской земли в США, тем самым опровергая все доводы Зомбарта и его последователей. Но на Юге он мало изменился. Проанализируем, что произошло за эти 20 лет на Юге¹.

Средний размер ферм в акрах

Показатели	1910 г.	1930 г.	Увеличение или уменьшение
Белые фермеры			
Собственники	162,1	144,8	—17,3
Управляющие	1 612,1	1 651,4	+39,3
Арендаторы	83,8	91,0	+ 7,2
В т. ч. денежные	125,0	164,6	+39,6
В т. ч. кропперы	107,0	51,2	—55,8
Другие фермеры			
Собственники	71,8	63,1	—8,7
Управляющие	291,5	321,8	+30,3
Арендаторы	39,6	37,3	— 2,3
В т. ч. денежные	45,1	41,8	— 3,3
В т. ч. кропперы	35,8	30,5	— 4,3

Увеличивается следовательно средний размер ферм, находящихся в управлении управляющих или сдаваемых белым арендаторам. Уменьшается размер арендованных неграми ферм, а также размер ферм собственников.

Посмотрим, в каких группах собственников уменьшился средний размер ферм. К сожалению, данные о распределении собственников и арендаторов по группам имеются только за 1900 и 1930 гг. Сопоставляем эти данные² (см. верхнюю табл. на стр. 158).

Таким образом на Юге произошло раздробление латифундий и всех крупных и средних хозяйств и увеличение мелких, в особенности парцеллярных. В остальных районах, наоборот, произошел рост числа самых крупных собственников и парцеллярных. Мелкие и средние вымываются.

¹ «Abstract» 13 ценза, стр. 301, «General Report», в. 4, «Agriculture» 15 ценза 1930 г., стр. 156.

² Текст переписи 1900 г., стр. 4, и переписи 1930 г., 4 кн., стр. 194.

Распределение собственников ферм по группам

Группы по размеру ферм (в акрах)	США в целом			Юг			США без Юга		
	1900 г.	1930 г.	изменение	1900 г.	1930 г.	изменение	1900 г.	1930 г.	изменение
До 20	336,2	456,1	+119,9	119,4	169,5	+50,1	216,8	286,6	+69,8
20 — 50	610,4	636,7	+26,3	240,5	325,7	+85,2	369,9	311,0	-58,9
50 — 100	931,6	884,0	-49,6	355,1	404,3	+49,2	578,5	479,7	-98,8
100 — 175	1 018,3	832,6	-185,7	376,1	299,7	-76,4	642,2	532,9	-109,3
175 — 500	611,8	592,0	-19,8	229,8	179,0	-50,8	412,0	413,0	+1,0
500 — 1 000	79,4	108,7	+29,3	31,9	24,3	-7,6	47,5	84,4	+36,9
1 000 и больше	34,2	58,2	+23,7	17,0	13,7	-3,3	17,5	44,5	+27,0
Всего	3 654,2	3 538,4	-85,8	1 339,8	1 416,2	+46,4	2 284,4	2 152,2	-132,1

Если же на Юге мы замечаем раздробление крупных хозяйств, то «дело, значит, именно в условиях Юга», как констатировал Ленин. Речь идет о продолжающемся процессе раздробления рабовладельческих латифундий и крупных помещичьих хозяйств как результате бывших рабовладельческих отношений.

III

Вопрос о применении наемного труда в сельском хозяйстве США не разработан и в переписи 1930 г. Чтобы получить более или менее сопоставимые данные, мы взяли за 1909 и 1929 гг. не те цифры, которые приводятся в отчетах о переписях, а те, которые дает известный статистик Кинг в своей работе «The National Income and its purchasing power», изд. National Bureau of Economic Research (Нью-Йорк 1930 г., стр. 50—62), и прибавили к ним данные сенатской комиссии («National Income 1929—1932», Вашингтон 1934, стр. 49). В результате мы получили следующую картину:

Распределение фермерского населения США (в тыс.)

	1909 г.	1919 г.	1929 г.
Общее число занятых (не считая членов семей)	8 733	8 947	8 793
В т. ч. фермеров	6 289	6 378	6 029
Наемных рабочих	2 384	2 499	2 694
Служащих.	60	70	70

Эти данные свидетельствуют о росте числа наемных рабочих на 13% и об уменьшении числа хозяев самостоятельных.

Отношение числа рабочих и служащих к общему числу занятых (не считая членов семей) составило в 1909 г. 28%, а в 1929—31%. Если прибавить число занятых членов семей, которых насчитывали в 1909 г. 3 650 тыс., а в 1929 г. — 2 733 тыс., то общее число занятых в 1909 г. составило 12,38 млн., а в 1929 г. — 11,94 млн.

Число рабочих и служащих к общему числу занятых — 20% и 26%. Процесс проникновения капиталистических отношений и разложения «семейного производства» идет довольно быстро...

Американская статистика до сих пор рутинно придерживается принятого деления на 11 групп. Ленин все эти группы объединил в 4 социальные группы, отнеся хозяйства до 100 акров к мелким, от 100 до 175 к средним, от 175 до 1 000 к капиталистическим и крупнокапиталистическим и от 1 000 и свыше к латифундиям. Остается ли такое деление в отношении фермеров 1930 г.? Нельзя ли например уже группу от 50 до 100 акров отнести к середнякам? Приблизительный ответ на этот вопрос дает средний доход такого хозяйства. Средние данные не отражают конечно действительного положения, затушевывают классовые различия. Но у нас, к сожалению, нет социально дифференцированных данных. Мы вынуждены брать средние, допуская, что мелкие и другие хозяйства имеют примерно такой же доход на 1 акр, как высшие группы.

Если исходить из чистого дохода всех фермеров в 5 655 млн. долл., то средний доход на 1 акр фермерской земли будет 5,7 долл., а на 1 акр обработанной земли — 11,8 долл. Доход ферм в 72 акра будет 410—500 долл. Сельскохозяйственный рабочий получал в том же 1929 г. 589 долл., а промышленный рабочий — 1 300 долл. Таким образом доход целой семьи, владеющей 50—100 акрами земли, был ниже дохода сельскохозяйственного рабочего. Среднячкой такую семью считать нельзя.

Группа в 100—175 акров имела в среднем 79 акров обработанной земли, или кругло 930 долл. в год. Это несомненно середняцкая группа, стоящая между батраками и городскими промышленными рабочими.

В «Ежегоднике департамента земледелия» за 1923 г., стр. 1162, опубликованы бюджеты фермерских семей с площадью 143—172 акра за годы 1911/12—1921/22. Эти фермы почти совсем не сдавали своей рабочей силы, а на наем тратили в среднем за 1911/12—1920/21 гг. меньше $\frac{1}{4}$ той суммы, которую они исчисляли как оплату за труд членов семей (29,7 и 123 долл. в год). Да и сама по себе затрата 30 долл. в год на наем рабочей силы говорит о том, что они пользовались только временной наемной рабочей силой.

Группа от 175 до 499 акров имела обработанной земли кругло 160 акров на хозяйство, что дает 1 900 долл. чистого дохода. Это даже по американским понятиям довольно значительный доход, а в особенности в деревне, где рядом сосед превышает доходом в 4 или 2 раза меньшим. Валовая продукция превышает 4 тыс. долл. Таким образом эту группу приходится уже относить к кулацким зажиточным элементам, а группы с 500 до 1 000 акров (в среднем 750 акров), с доходом в 4,3 тыс. долл., — к крупным капиталистическим фермам¹.

Следует ли и ныне предприятия с 1 000 и более акров относить к категории латифундий? Что считал Ленин наиболее ярким признаком латифундий? Незначительный процент обработанной земли в них.

¹ В «Бюллетене Мичиганской опытной станции» № 241 за сентябрь 1933 г. приводятся бюджеты ферм различной величины. Оказывается, что мелкие фермы до 80 акров почти совсем не тратятся на наемную рабочую силу, на фермах в 120—160 акров наемная рабочая сила составляет около $\frac{1}{3}$ семейной, в фермах в 240 акров — около $\frac{1}{2}$, а в фермах в 320 акров — больше половины. В штате Нью-Йорк («Бюллетень» № 554 за апрель 1933 г.) в 68 фермах с 187 акрами наем рабочей силы в среднем составляет 43% всех расходов на труд, включая и оплату хозяина за наблюдение и т. д. Все это подтверждает правильность деления на группы, принятого Лениным.

Этот процент остался и поныне таким же: 19,8 против 18,7 в 1910 г. На Юге он несколько увеличился, но все же очень низок (14,7%). Однако среди хозяйств, имеющих 1 000 и более акров, уже много хозяйств чисто капиталистического типа.

Таким образом то деление социальных групп, которое дал Ленин, остается и поныне правильным.

Рассмотрим, как распределяются эти группы по главным районам.

В процентном отношении мы имеем следующее изменение числа ферм по группам и районам:

Группы хозяйств	США		Север		Юг		Запад	
	1910	1930	1910	1930	1910	1930	1910	1930
Мелкие	24,2	20,9	17,9	12,9	39,9	39,9	10,0	9,4
Средние	26,9	22,7	29,3	26,1	25,3	22,2	15,2	7,9
Капиталистические (175— 999 акр.)	42,3	44,7	48,8	53,8	30,0	29,2	42,5	42,0
Латифундии	6,5	11,7	4,1	7,2	4,8	8,7	32,3	40,7

Во всех районах отмечается процесс концентрации земли. Доля и мелких и средних уменьшилась, доля крупных, в особенности латифундий, увеличилась. Некоторое исключение представляет Юг, где доля мелких осталась без изменения. Дело в особых условиях Юга, как отметил Ленин.

Однако процесс концентрации производства в сельском хозяйстве идет не только и даже не главным образом путем образования более крупных по размеру площадей ферм. Своеобразие развития сельского хозяйства, установленный Лениным закон эволюции сельского хозяйства, заключается в том, что мелкие по размеру участки могут стать крупными хозяйствами. Недавно Бюро ценза опубликовало работу о крупных фермах¹. В ней говорится, что один только размер земли не может служить показателем величины фермы. Ибо «птицеводческая ферма может иметь на 15 акрах большее производство, чем ранчо (скотоводческая ферма) на 5 000 акрах». «Другим показателем величины ферм, — читаем в этой публикации, — является размер урожая. Это вполне хороший показатель, если речь идет о земледельческих фермах, но не может явиться показателем для других типов хозяйств. Часто считают таким показателем вложенный в ферму капитал. Но некоторые типы ферм, например овощные, не требуют больших капиталов для крупного производства. С другой стороны, зерноводческая ферма и ранчо затрачивают большой капитал, но занимают сравнительно мало людей. Следует также учесть и число занятых. Но ни один из этих моментов — ни земля, ни капитал, ни число занятых — не может сам по себе быть удовлетворительным показателем величины фермы различных типов». Лучшим показателем величины фермы эта публикация считает размер продукции фермы, на что указал Ленин, хотя и в этом отношении она делает известные оговорки. Считая ферму, производящую продукты на 30 тыс. долларов в год, крупной, она отмечает, что исключением являются садоводческие фермы, которые хотя и дают меньшую продукцию, но по размеру площади, величине капитала и т. д. должны считаться крупными. То же относится к некоторым птицеводческим фермам Кали-

¹ «Large - scale Farming in the United States», 1929.

форнии, которые производят меньше, чем на 30 тыс. долл., но по своим размерам должны считаться крупными.

Продукцию в 30 тыс. долл. дают действительно только весьма крупные фермы. Ленин относил к капиталистическим фермам уже такие, которые производят на 1 тыс. долл. Считаясь с тем, что уровень фермерских цен поднялся с 1909 по 1929 г. на 50% и имея в виду, что повысился общий уровень жизни, можно было бы теперь считать фермы, стоимость продукции которых составляет 2 500—3 000 долл., предприятиями капиталистического характера. 30 тыс. долл. дают только очень крупные фермы.

Таких крупных ферм названная публикация насчитывает всего 7 875. Но самое характерное, что многие из них имеют небольшую площадь, как это видно из следующих данных, составленных нами на основании этой публикации.

Крупные фермы США

Группы хозяйств	США	Север	Юг	Запад
До 25 акров	331	39	11	281
25 — 49	118	39	15	64
50 — 99	314	80	21	213
До 100 акров	763	158	47	558
100 — 149	399	87	45	267
150 — 199	476	91	65	320
100 — 200 акров . . .	875	178	110	587
200 — 500	1 767	439	294	1 034
500 — 1 000	1 083	292	262	529
1 000 и больше	3 387	574	1 059	1 754
Всего	7 875	1 641	1 772	4 462

Мы видим, что значительное число крупных ферм приходится на мелкие по количеству земли фермы (около 10%, а на Западе даже свыше 10%), затем свыше 10% на средние фермы. Если бы мы имели такое же исследование о хозяйствах с производством, начиная с 3 тыс. долл., то конечно значительно большее число мелких по количеству земли ферм пришлось бы отнести к капиталистическим фермам. Ибо «главная линия развития капиталистического земледелия состоит именно в том, что мелкое хозяйство, оставаясь мелким по площади земли, превращается в крупное по размерам производства»¹.

«Есть ли основания думать, — спрашивает Ленин, — что интенсификация земледелия должна вести к уменьшению количества земли в хозяйстве?»². И Ленин отвечает, что все зависит от конкретного уровня техники при данных условиях земледелия и от конкретной величины капитала, необходимой для такой системы хозяйства.

Чтобы ответить на поставленный вопрос, Ленин пользуется группировкой различных типов хозяйств в земледелии, которую дал ценз

¹ Стр. 618.

² Стр. 620.

1900 г. Американские цензы после 1900 г. не давали больше анализа ферм по типам хозяйств. Только в 1930 г. ценз снова возвращается к этому вопросу и дает характеристику 5 999 882 ферм (из всего числа в 6 288 698) против 5 739 657 в 1900 г. Однако группировка в 1930 г. иная, чем в 1900 г. В 1900 г. все фермы были разделены на 14 групп, в 1930 г.—на 12 групп. В 1900 г. были установлены по главному источнику дохода следующие группы: 1) сено и хлеба, 2) смешанные, 3) скотоводство, 4) хлопок, 5) овощи, 6) фрукты, 7) молочные продукты, 8) табак, 9) рис, 10) сахар, 11) цветы, 12) тепличные продукты, 13) таро, 14) кофе. В 1930 г. различаются следующие группы: фермы смешанного типа (в которых ни один продукт не составляет больше 40% всей выручки), зерновые, хлопок, овес, специальные растительные культуры (табак, сено, картофель, сахарная свекла, сахарный тростник, соевые бобы и т. д.), фруктовые, овощные, молочные, скотоводческие (специальные), ранчо (скотоводческие—пастбищные), птицеводческие, потребительские (потребляющие в собственном хозяйстве 50% и больше всей продукции фермы) и «анормальные», отличающиеся от всех названных типов.

Совершенно очевидно, что простое сопоставление этих групп с теми, которые установил ценз 1900 г., невозможно, так как в основу внешней группировки положен другой принцип (не вся стоимость продукции, а денежный доход), а затем и само разделение по типам другое (сено соединено не с зерновыми продуктами, а с табаком, свеклой и т. д.). Все же в отношении основных групп, выводы, которые делал Ленин из данных переписи 1900 г., полностью подтверждаются и данными ценза 1930 г. Это показывает следующий анализ.

К зерновым фермам ценз 1930 г. относит только крупные хозяйства, производящие для рынка, располагающие огромными площадями и составляющие 7% (вместо 23%) всех типовых хозяйств. Они имеют и весьма значительный расход на наемный труд. Характеристика, данная Лениным зерновым и смешанным хозяйствам в 1900 г. как средним, в 1930 г. по новой группировке ценза может уже быть отнесена к смешанным хозяйствам. Ленин писал, что эти хозяйства «могут быть названы средними и по степени развития капиталистического характера хозяйства (расход на наемный труд ближе всего к среднему: 0,35—0,47 при средней для всех США 0,43) и по интенсивности земледелия»¹. В 1930 г. расход на наемную рабочую силу в смешанных хозяйствах уже составил 0,60 долл. при среднем расходе 0,97 долл.

Скотоводческие фермы в 1930 г. разделены на специальные скотоводческие и на ранчо, совершенно различные по типу, как видно из следующих данных за 1930 г.

Фермы	% к общему числу	Среднее количество земли на 1 ферму (в акрах)		Расходы в среднем на 1 акр убор. площади (в долл.)	
		всей	уборочной площади	на наемный труд	на удобрения
Специальные скотоводческие	7,6	230	181	2,0	0,18
Ранчо	1,1	2912	121	5,9	0,03

¹ Стр. 621—622.

Совершенно очевидно, что ранчо — крупные капиталистические предприятия, в то время как остальные относятся к средним с наименее интенсивным земледелием. Размер хлопковых предприятий даже несколько уменьшился, но усилился капиталистический характер их (расход на наемный труд выше среднего). Характеристика Ленина последних трех разрядов (овощи, фрукты и молочные фермы) полностью применима к ним и в 1930 г. Они наиболее мелкие, наиболее капиталистические: расход на наемный труд наиболее высокий, в молочных фермах почти в 2 раза, а в овощных и фруктовых в 10 раз превышающий средний расход. Они также наиболее интенсивные. Все признаки интенсивности земледелия стоят здесь выше среднего: и расход на удобрение и стоимость машин. Данных о стоимости скота за 1930 г. нет, и мы не можем, к сожалению, сказать, как обстоит дело с этим признаком. Как бы то ни было, все эти фермы, гораздо более мелкие по размеру, чем зерновые, представляют по существу гораздо более крупные капиталистические предприятия.

Возьмем овощные фермы, на которые в свое время указывал Ленин. В них в 8 раз меньше земли, чем в зерновых, но на 1 акр они расходуют в 4 раза больше на наем рабочей силы, применяют в 100 раз больше удобрений и в 3 раза больше машин. Если взять стоимость продукции этих ферм, то увидим, что «мелкие» фермы дают большую продукцию. В среднем продукция одной фермы в 1930 г. составила (в долл.):

смешанные	1 480	молочные:	2 765
зерновые	2 943	животноводческие.	3 634
хлопковые	1 035	ранчо	7 175
специальные.	1 934	птицеводческие	1 989
фермы, продающие фрукты . . .	3 354	потребительские	425
» » овощи.	2 881	анормальные	1 073
		В среднем	1 835

Овощные фермы производят в два раза больше, чем смешанные, и столько же, сколько зерновые, а фруктовые фермы производят даже больше, чем зерновые.

Сопоставим данные 1930 г. с данными за 1900 г. по группам хозяйств (см. табл. на стр. 164).

Процесс концентрации не только капитала, но и землепользования совершенно ясно вырисовывается из этих данных: за исключением овощных, садоводческих и отчасти молочных ферм, в хозяйствах других типов имело место усиление ферм, крупных по размеру земли.

В уже цитированной публикации имеются сведения о крупных фермах с разделением их по типам (см. табл. на стр. 165).

Крупные фермы, продающие продукты на 30 тыс. долл., встречаются чаще всего среди ранчо (2,6%), садоводческих (1,4%) и овощных (0,9%) хозяйств. И именно среди этих последних типов ферм сравнительно много таких, которые имеют небольшую площадь. Этим снова подчеркивается закон эволюции сельского хозяйства, установленный Лениным, что «не только происходит, вообще говоря, вытеснение мелкого производства крупным, но что это вытеснение идет также в следующей форме: мелкое производство вытесняется крупным путем вытеснения более «крупных» по площади земли, но менее производительных, менее интенсивных и менее капиталистических ферм более «мелкими» по площади земли, но более

Крупные фермы по типам

Группы	Овощные	Фрукто- вые	Хлопковые	Смешанные	Спец. культур	Ранчо	Молочные	Птицевод- ческие	Специаль- ные ското- водческие	Зерновые
До 25 акров . . .	48	1	—	—	—	65	106	95	—	—
25—49 . . .	16	16	—	—	1	2	35	39	2	—
50—99 . . .	48	168	—	—	13	5	45	23	3	—
100—149 . . .	76	218	—	—	39	1	41	20	2	—
150—199 . . .	113	229	1	1	47	6	56	12	8	—
200—499 . . .	284	745	72	3	245	21	270	20	70	—
500—999 . . .	117	294	139	14	155	22	172	8	113	24
1 000 и более . . .	83	253	229	22	196	1 707	157	8	210	462
Всего крупных ферм.	785	1 924	441	50	699	1 829	882	225	408	486
Всех ферм данно- го типа	84 561	141 417	1 640 025	1 044 264	431 379	71 000	604 837	166 517	479 042	454 726
рупные фермы (в % ко всему числу ферм) . . .	0,9	1,4	0,03	—	0,2	2,6	0,1	0,1	0,1	0,1

производительными, более интенсивными и более капиталистически-ми фермами»¹.

IV

Процесс экспроприации мелких землевладельцев иллюстрируется Лениным прежде всего данными о росте городского населения за счет деревенского. Последние две переписи устанавливают количество фермерского населения, которое уменьшилось за одно десятилетие—1920—1930 гг.—не только по отношению ко всему населению (с 29,9% до 24,8%) или к сельскому населению (с 61,5% до 56,6%), но и абсолютно — с 31,6 млн. до 30,4 млн.

Затем процесс уменьшения числа собственников, отмеченный Лениным для Севера, происходит теперь во всех районах, как видно из следующих данных:

Показатели	Юг		Запад	
	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.
Сельское население (в млн.)	22,76	24,95	3,49	4,90
Число ферм (в тыс.)	3 097	3 224	373	503
Число собственников и управл. (в тыс.) . .	1 561	1 433	321	308
Число собственников всей фермы (в тыс.) .	1 329	1 191	276	307

Таким образом на Юге число собственников уменьшилось на 128 тыс. (на 8,2%), на Западе — на 13 тыс. (4%), а на Севере — на 14%. Далее, чрезвычайно характерен для периода 1910—1930 гг. громадный рост арендаторства как раз на Западе, где оно удвоилось.

Число арендаторов (в тыс.)

	1910 г.	1930 г.
Север	765,5	768,5
Юг	1 536,7	1 790,8
Запад	52,4	105,1
Всего	2 354,6	2 664,4

На Юге относительно больше развито арендаторство. Но за последние годы быстрее всего оно развилось на Западе в результате того обстоятельства, что почти все земли захвачены крупными землевладельцами и что на Западе нет больше свободных незанятых земель. Наличие незанятых свободных земель, отсутствие частной собственности на землю в известных районах облегчили широкое и быстрое развитие капитализма в США. Ныне и США относятся уже к «старым» капиталистическим странам с относительно замедленным темпом развития, а современный кризис там действует особенно интенсивно. Это конечно результат развития монополистического капитализма, вступившего в период общего кризиса. Но то обстоятельство, что и в США нет больше свободных незанятых земель, в свою очередь задерживает темп развития капитализма.

К данным переписи 1930 г. стоит еще прибавить следующее: в «Ежегоднике департамента земледелия» за 1923 г. опубликована специальная работа, посвященная вопросу об арендаторстве. Из нее мы

¹ Стр. 625.

узнаем (стр. 531), что в 1920 г. 20,3% всех лендлордов, сдающих свою землю в аренду, имели по две и больше ферм. Им принадлежали 50,6% всех арендованных ферм. Среди них 3,2% сдавали 5 и больше ферм в аренду, а им принадлежали 25,4% (в 1920 г. 22%) всех арендованных ферм. То, что в цензе указывается как самостоятельное хозяйство, есть часто только часть владений крупных лендлордов.

Далее, из работы О. Р. Джонсона, опубликованной экспериментальной станцией Миссури («Бюллетень» № 315, июль 1932 г.)¹, мы узнаем, что различные формы арендной платы означают и количественно различные величины. В зависимости от цены земли колеблется и арендная плата. При цене земли от 40 до 200 долл. за акр издольная арендная плата составляет 4,67—9,45 долл., в среднем 6,39 долл. за акр, смешанная арендная плата—3,37—9,87 долл., или в среднем 4,9 долл., а денежная арендная плата—1,35—4,13, в среднем 3,5 долл.

Издольщик платит аренду в два раза более высокую, чем фермер, арендующий землю за наличные. Это обстоятельство бросает яркий свет на положение арендаторов-издольщиков, являющихся привязанными к земле рабочими. Остатки рабства в форме издольщины оказываются выгодными для землевладельцев. Та же работа констатирует, что арендаторы получают гораздо более низкий доход, чем собственники, и ведут свое хозяйство более убого, чем те. Она приводит из другого бюллетеня той же экспериментальной станции (№ 167) сведения о 272 фермерах-собственниках и о 179 фермерах-арендаторах. Хотя размер земли и у тех и у других почти одинаков (135 акров у собственников и 133,5 акра у арендаторов), все же доход фермера-собственника составляет 942 долл., а арендатора— всего 578 долл., урожай кукурузы у первых—38,3 бушеля с акра, у вторых—32,9 бушеля, количество голов скота на ферму у первых—20,5, у вторых—15.

Распространение арендных условий означает следовательно экспроприацию мелких хозяйств и деградацию сельского хозяйства.

Отметим далее процесс концентрации землепользования, который происходит на почве арендных отношений.

Распределение арендаторских хозяйств в США по группам (в %)

Группы хозяйств	Денежные		Издольщики	
	1900 г.	1930 г.	1900 г.	1930 г.
До 3 акров	1,2	1,0	0,2	0,1
3—10	6,8	7,6	3,5	3,7
10—20	10,8	9,1	11,5	13,2
20—50	30,9	24,0	32,0	31,2
50—100	20,9	19,8	20,9	17,8
До 100 акров	70,6	61,5	68,1	66,0
100—175	18,2	22,5	19,9	17,9
175—260	6,0	7,8	6,5	7,2
260—500	3,7	5,4	4,4	6,6
500—1 000	1,0	1,6	0,9	1,8
1 000 и больше	0,5	1,2	0,2	0,5
От 175 до 1 000 и больше акров	11,2	16,0	12,0	16,1

¹ Johnson O. R., The farm Tenant and his renting Problem.

Несомненен рост капиталистических и преимущественно крупнокапиталистических групп за счет мелких, а в отношении издольщиков и за счет средних хозяйств.

Уменьшение числа собственников—только одна сторона экспроприации мелких землевладельцев. Другая выражается в растущей их зависимости от банков и от денежного капитала в целом, который является фактическим хозяином большого числа фермеров.

Характерно, что в отношении числа задолжавших фермеров Запад уже «обогнал» Север. На Западе, как мы уже говорили, почти нет свободных земель и растут земельные цены.

По вопросу о задолженности ферм ценз 1930 г. дает ряд интересных сведений. Мы из него узнаем, что полусобственники-полуарендаторы задолжали в большей мере, чем собственники. Если в 1930 г. 39,8% всех собственников сообщали об ипотечной задолженности, то из полусобственников-полуарендаторов о ней дали сведения 51,8%. Более того, и задолженность последних растет быстрее, нежели первых. Процент собственников, заложивших свои фермы, увеличился с 1920 по 1930 г. с 36,2 до 39,8, а процент собственников-арендаторов — с 43,7 до 51,8. Это значит, что многочисленный слой собственников, приарендовывающих участки, эксплуатируется не только землевладельцами, но и в растущем размере также денежным капиталом.

Размер задолженности собственников всей земли значительно колеблется, как видно из следующих данных (в млрд. долл.):

Районы	Цена земли с постройками		Задолженность		Задолженность в % к цене земли	
	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.
Север	4,6	6,2	1,3	2,7	28,3	43,5
Юг	1,0	2,1	0,2	0,7	20,0	33,3
Запад	0,7	2,0	0,2	0,6	28,6	30,0
США	6,3	10,3	1,7	4,1	27,3	39,4

Мы видим значительный рост размера задолженности во всех районах, но особенно сильно на Юге. К этому надо добавить, что за время кризиса (с 1929 по 1933 г.) цена земли упала в среднем на 37%. Вся ипотечная задолженность упала с 1928 по 1932 г. с 9,5 до 8,5 млрд. долл.¹, или на 10,5%. Отсюда ясно, что тяжесть долга должна была еще вырасти. В 1932 г. долг составил 40% цены земли и построек задолжавших ферм. Тот же «Ежегодник» указывает, что в 1932 г., у 16% заложенных ферм долг превышает 75% цены земли и построек. По цензу рост капиталовложений в фермы за 1910—1930 гг. шел в основном за счет кредитов. Это видно из данных табл. на стр. 169.

Отсюда видно, что почти весь прирост капитала, вложенного в ферму, составляет ипотечный долг. Собственных средств фермер почти не вкладывал. Накопление было незначительным.

Эти средние цифры не дают конечно правильного представления о том, какие социальные слои экспропрированы. Разделение задолженности по группам имеется только за годы 1920 и 1925. Но надо пола-

¹ «Ежегодник департамента сельского хозяйства», 1934 г., стр. 62.

Средняя цена ферм (земли и построек) (в долл.¹)

	1910 г.	1930 г.	Прирост с 1910 по 1930 г.
Вся сумма	6 289	8 997	2 708
Ипотечный долг	1 715	3 561	1 846
Чистая стоимость фермы	4 574	5 436	862

гать, что картина в этом отношении мало изменилась, разве только задолженность мелких групп выросла еще не только абсолютно, но и относительно.

Задолженность ферм по группам в 1925 г.
(в долл. на 1 ферму)

До 3 акров	1 396,10
3— 9	337,25
10— 19	166,52
20— 49	58,32
50— 99	36,54
100—174	32,87
175—259	30,61
260—499	22,10
500—999	13,67
1 000 и больше	5,98

Отвлекаясь от самых мелких по площади хозяйств, среди которых имеются на деле крупные капиталистические, садоводческие, огороднические и т. д. (средняя цена 1 акра в этой группе 4 061,14 долл. при средней цене 1 акра по всем группам 62,67 долл.), мы видим падение задолженности по мере увеличения размеров ферм. Если сопоставить размер задолженности с общей стоимостью ферм, то мы получим следующую весьма поучительную картину:

Отношение задолженности к цене земли с постройками²

Группы по стоимости ферм (в долл.)	Процент долга		Уплачиваемые в 1920 г. проценты
	1920 г.	1925 г.	
До 2 500	42,2	49,6	6,8
2 500— 4 999	37,4	44,8	6,5
5 000— 7 499	35,7	43,6	6,2
7 500— 9 999	34,6	43,7	6,2
10 000—14 999	34,0	43,6	6,0
15 000—19 999	30,7	42,7	6,0
20 000—24 999	29,2	42,4	5,9
25 000—29 999	28,5	41,4	5,9
30 000—34 999	27,3	40,7	5,9
35 000—39 999	26,3	39,8	5,9
40 000—44 999	25,4	39,4	5,8
45 000—49 999	24,2	39,7	5,7
50 000 и больше	20,1	36,1	5,9
В среднем	29,1	41,9	6,1

¹ Журнал «Crops and Markets» (1934, № 8) исчисляет капитал фермеров-собственников за 1929 г. в 43,2 млрд., за 1934 г. — в 27,1; долг их в 9,3 и 7,2 млрд., так что их чистый капитал составил 33,9 и 19,1 млрд. долл.

² «Abstract of the fourteenth Census of the U. States», 1920, Wash. 1923, p. 739 «United States Census of Agriculture», 1925, Summary statistics by States», Wash. 1928, p. 136

Задолженность относительно падает с ростом стоимости всего имущества. Крупные хозяйства менее задолжали, чем средние и мелкие. Крупным приходится платить и меньший процент.

Приведем еще данные о размере процентов, уплачиваемых собственниками всей земли. Они составили в 1920 г. 238,5 млн. долл., а в 1930 г.—242,8 млн. долл. В среднем в 1930 г. платили 6,12%, цветные фермеры платили 7,20%. 242,8 млн. долл. только небольшая часть всей суммы процентов, уплачиваемых фермерами. Другой подсчет того же департамента земледелия говорит о платежах не фермерам в 682 млн. долл. в 1929 г., 596 млн. долл. в 1932 г. и 526 млн. долл. в 1933 г.

Доход фермеров составил (без вычета налогов, процентов и аренды) в 1929 г. 6 159 млн., в 1933 г. — 3 458 млн. долл. К этому доходу проценты составили:

в 1924 г.	11
» 1933 г.	15

Таким образом тяжесть задолженности значительно выросла.

Прибавим к этому, что речь идет об ипотечной задолженности. Вся задолженность такова (в млн. долл.) ¹:

Г о д ы	Ипотечная	Краткосрочная	Вся
1910	3,3	1,1	4,4
1930	9,1	4,3	13,4
1932	8,9	2,5	11,4

При этом задолженность у частных лиц часто обходится в 10—32% годовых.

Таким образом значительно усилилась власть финансового капитала над фермерами.

В последней главе своей работы Ленин сопоставляет развитие промышленности и сельского хозяйства, доказывая, как противоречит действительному ходу вещей «наиболее ходячая идея буржуазной экономики», а именно: **п р о т и в о п о л о ж е н и е** промышленности земледелию. Ленин приводит данные о числе предприятий, о затраченном капитале и о стоимости продукции в промышленности и в сельском хозяйстве. К сожалению, данные за 1930 г. не вполне сопоставимы с данными за 1910 г. Все же они полностью подтверждают основную мысль Ленина.

Капитал промышленности больше не указывается цензами. Поэтому мы приводим данные об общем национальном состоянии, о капитале промышленности и о капитале сельского хозяйства (в млн. долл.) ²:

Г о д ы	Общее национальное состояние	В том числе капитал		
		промышленность	горное дело	сельское хозяйство
1900	98,8	9,4	1,5	20,4
1909	172,1	18,4	1,9	41,3
1929	451,7	45,7	5,0	58,1
1932	238,8	29,5	3,2	30,7

¹ R. R. Doane, The measurement of american Wealth, 1933, p. 178.

² Там же, стр. 10.

Если отвлечься от кризисного обесценения капитала, темп роста капитала в промышленности гораздо более быстрый, чем в сельском хозяйстве. За 20 лет капитал промышленности вырос на 148,4%, а в сельском хозяйстве — на 40,7%.

Для характеристики развития сельского хозяйства Ленин берет изменение объема и стоимости зерновых продуктов. Ввиду усилившейся тенденции к развитию скотоводства и технических растений мы взяли индекс продукции сельского хозяйства департамента земледелия, а затем стоимость всей сельскохозяйственной продукции в номинальных долларах и в товарных единицах и сопоставили со стоимостью промышленных товаров в товарных единицах.

Показатели	1909 г.	1919 г.	1929 г.	Изменения в %		
				1909—1919 гг.	1919—1929 гг.	1909—1929 гг.
Номинальная цена промышл. продукции (в млн. долл.)	20 672	62 418	70 435	+202,0	+ 12,8	+240,7
Общий индекс цен (1926 г. = 100)	67,6	138,6	95,3	—	—	—
Стоимость промышленной продукции в неизмен. ценах (в млн. долл.)	30 580	45 035	73 909	+ 47,3	+ 64,1	+141,7
Индекс сбора 10 земледельческих продуктов (1910—14 г. = 100)	94	103	105	+ 9,6	+ 1,9	+ 11,7
Номинальная стоимость всей продукции (в млн. долл.)	6 238	16 935	11 941	+171,5	— 29,5	+ 91,4
Индекс фермерских цен (1926 г. = 100)	69,6	157,6	104,9	—	—	—
Стоимость с.-х. прод. в неизменных ценах (в млн. долл.)	8 963	10 746	11 383	+ 19,9	+ 5,9	+ 27,0

Небольшое сравнительно увеличение продукции сельского хозяйства (между 1910 и 1920 гг. на 19,9%, а между 1910 и 1930 гг. на 27,0% и значительный прирост промышленной продукции (на 47,3% и на 141,7%)¹ подтверждают полностью положение Ленина, что «земледелие отстает в своем развитии от промышленности — явление, свойственное всем капиталистическим странам и составляющее одну из наиболее глубоких причин нарушения пропорциональности между разными отраслями народного хозяйства, кризисов и дороговизны» (разрядка наша. — М. С.)².

Отсталость земледелия, говорит далее Ленин, используется землевладельцами благодаря их монопольному положению для того, чтобы класть себе в карманы миллионы и миллиарды. За 1900—1910 гг. цена земли возросла на 10 млрд., за 1910—1930 гг. — снова на 6,45 млрд. долл.

Далее, в промышленности резко снизилось число мелких предприя-

¹ Другой подсчет приводит Норс в новой работе о производственной мощности США:

Г о д ы	Индексы продукции (1900 г. = 100)		
	Сельского хозяйства	Горного дела	Обраб. промышленности
1910	106,1	191,2	160,4
1929	142,5	348,9	305,2

тий. Если бы однако можно было выделить предприятия с продукцией до 23 тыс., то вероятно картина изменилась бы. В сельском хозяйстве мы имеем теперь уменьшение числа мелких и средних, что свидетельствует о несомненном усилении процесса концентрации даже земледелия. Что касается данных о всей стоимости ферм, то огромный рост цен на землю в мелких участках усиливает удельный вес этих групп. Если взять стоимость машин и построек, то получим увеличение удельного веса крупных и мелких. Последние тратят больше на постройки, нежели средние и крупные. Этим и объясняется рост их удельного веса в общей стоимости ферм (без земли).

Распределение стоимости построек и машин по группам

	Млн. долл.		В % к итогу	
	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.
Мелкие	1 175	5 871	35,7	36,2
Средние	908	4 351	27,7	26,7
Крупные	1 200	6 030	36,6	37,1
Всего	3 283	16 252	100,0	100,0

Средние хозяйства потеряли, усилились крупные и мелкие. Несомненно, что в отношении степени концентрации сельское хозяйство сильно отстает от промышленности. Но и тут и там одна и та же эволюция, идет процесс вытеснения мелких и средних предприятий. Однако число предприятий в сельском хозяйстве значительно больше, чем в промышленности, хотя нельзя забывать, что промышленная перепись не считала предприятий с продукцией до 5 тыс. долл. в год. Все же несомненно, что в сельском хозяйстве сохранилось большее число мелких предприятий, чем в промышленности. Они составляют 59,4% всех хозяйств. Наконец, правильно конечно и по сей день, что «ручной труд неизмеримо более преобладает в земледелии над машиной по сравнению с промышленностью. Но машина неуклонно идет вперед, поднимая технику хозяйства, делая его более крупным, более капиталистическим»¹. Вот несколько данных, иллюстрирующих эту глубоко верную мысль Ленина, которую до сих пор пытаются опровергнуть оппортунисты всех мастей — буржуазные профессора, меньшевики и т. п. буржуазные «ученые».

По данным журнала «American Economic Review» за сентябрь 1933 г. (стр. 428 и след.), в 1869 г. сельское хозяйство США не знало еще механической силы, в 1879 г. было всего 600 тыс. л. с.; в 1889 г. — 1,2 млн., затем она нарастает следующим образом²:

1899 г.	4,8 млн. л. с.	1923 г.	27,6 млн. л. с.
1909 г.	9,2 " " "	1929 г.	51,5 " " "
1919 г.	21,5 " " "		

В 1930 г. в сельском хозяйстве США было занято 10,5 млн. чел., что при переводе на механическую силу дает 1,26 млн. л. с. Кроме того

¹ Стр. 644.

² Надо сказать, что указанный журнал не приводит цифры применяемой механической силы на фермах, а общую сумму использованной силы, включая и лошадиную. Чтобы получить механическую силу, нам пришлось сначала установить, какую силу доставляют фермам лошади, и вычесть ее из общей суммы.

За годы 1909—1929 получается огромный рост применения механической силы (почти в 6 раз).

на фермах числилось 19,8 млн. лошадей (13,2 млн. л. с.), 4,3 млн. мулов и ослов (2,1 млн. л. с.). Все это вместе дает не больше 17—20 млн. л. с., т. е. во всяком случае меньше половины применяемой в сельском хозяйстве технической силы¹.

В промышленности в США применялось в 1929 г. 48,2 млн. л. с. Однако указанное нами число лошадиных сил в сельском хозяйстве обнимает и автомобили. Если бы возможно было исключить силу грузовиков (их было всего 900 385), то вероятно в сельском хозяйстве техническая сила оказалась бы еще менее значительной, чем в промышленности; в особенности, если к ней причислить горную промышленность (10,5 млн. л. с.)².

Надо иметь в виду, что современные машины не могут быть применяемы в мелких и средних предприятиях. Только 13,5% всех ферм имели тракторы, 4% ферм — электромоторы и 15% ферм — неподвижные моторы³. Цена этих орудий производства слишком высока для мелких и средних ферм, да на небольшом клочке земли их использовать нельзя, и вместе с этим возрастают производственные расходы. Машина в капиталистическом сельском хозяйстве несет разорение мелких и значительной массы средних хозяйств, как в капиталистической промышленности она ведет к безработице и закабалению рабочих.

Какое число ферм непосредственно эксплуатируется помещиками и капиталистами? Ленин полагал, что по крайней мере 10% всех фермеров прибегают к продаже своей рабочей силы.

В 1929 г. доход сельского хозяйства составил 9 млрд. долл. (по Кингу — около 8 млрд.). Разделив эти 9 млрд. долл. на 468 млн. акров, получаем примерно средний доход в 19 долл. Группе до 20 акров принадлежали 7,25 млн. акров. Ее доход составил в среднем около 150 долл. на хозяйство, в то время как годовой сельскохозяйственный рабочий получал 470 долл. Ясно, что вся эта группа продает рабочую силу и в основном живет не от своего хозяйства, а от заработков на стороне. Эта группа охватывала 14,6%. Около 4% приходится на кропперов. Таким образом мы снова получаем, что не меньше 10—11% (не считая кропперов) продают свою рабочую силу. Прибавив 32% издольщиков, получим 42—43% ферм, в той или другой форме эксплуатируемых помещиками и капиталистами. Затем 41—42% ферм нанимали рабочих. Мы можем констатировать, что только 16—17% фермеров могут быть отнесены к категории не нанимающих и не нанимаемых. За эти 20 лет указан-

¹ По данным уже цитированного бюллетеня Мичиганской опытной станции, 21% площади под зерновыми обрабатывается лошадьми и 79% — тракторами. Расходы на живую рабочую силу составляют меньше половины расходов на машины и на тракторы вместе.

² Затем в сельском хозяйстве механическая сила действует не круглый год, как в промышленности.

³ Вышецитированный бюллетень Мичиганской опытной станции указывает на то, что только 47% ферм, имевших по 80 акров, пользовались тракторами, 76 и 72% ферм в 120—160 акров имели тракторы, но почти все фермы в 240 и больше акров пользовались ими. При этом на фермах в 80 акров трактор, работа 123 часа, обрабатывал 156 акров в год, а в фермах в 320 акров — в 391 час 511 акров. Таким образом мелкие фермы не в состоянии полностью использовать свои тракторы.

ный слой сильно сократился. «Трудовое» некапиталистическое мелкое земледелие и здесь есть «миф».

Можно закончить нашу краткую характеристику развития капитализма в земледелии США за годы 1910—1930 словами Ленина: «...Сравнение однородных данных за одно и то же время относительно промышленности и земледелия показывает нам, при несравненно большей отсталости второго, замечательную одинаковость законов эволюции, вытеснение мелкого производства тут и там»¹ (разрядка наша. — М. С.).

Раздробленность производства в сельском хозяйстве, отсталость его не являются доказательством невозможности обобществления земледельческого производства и на данной ступени его развития. Если в 1910 г. была заложена $\frac{1}{3}$ ферм, то в 1930 г.—уже 42%, причем долг составил не 27% цены земли и построек, а уже почти 40%. Власть банков над фермами значительно усилилась, в особенности в годы кризиса, когда задолженность осталась почти без изменения, а капитал всех фермеров сильно обесценился: с 57,6 млрд. в 1929 г. до 43,3 млрд. в 1932 г.² Значительный рост числа ферм в управлении служащих за годы кризиса (с 70 тыс. до 82 тыс.)³ тоже свидетельствует о том, что усилилась власть банков над сельским хозяйством США. Самые «попытки» Рузвельта организовать производство являются доказательством правильности приведенных положений Ленина. Если эти «попытки» Рузвельта не дают желательных результатов, то отнюдь не потому, что организация производства по одному общему плану неосуществима: успех колхозного движения у нас, где сельское хозяйство было менее развито, нежели в США, на практике доказал осуществимость и выгодность такой плановой организации. Неудача Рузвельта и других подобных же попыток объясняется тем, что они проводились на основе капиталистических отношений. Призывы к плановой организации сельского хозяйства за последние годы очень участились среди буржуазного мира. Однако на почве капиталистических отношений плановая организация хозяйства невозможна, как показал т. Сталин в беседе с Уэльсом. Только социалистическая организация производства, проводимая диктатурой пролетариата, основанная на всемерном развитии производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве, в состоянии разрешить и проблему плановой организации сельского хозяйства.

¹ Стр. 645.

² «Ежегодник департамента земледелия за 1934 г.», стр. 698.

³ Данные сенатской публикации за 1934 г., № 124, стр. 49.

Книга о наиболее жизненном и непреодолимом движении современности

(Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев. Стенографический отчет, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935 г. 376 стр., цена 5 р. 75 к.)

В ночь с 30 на 31 августа 1935 г. рядовой забойщик шахты «Центральная-Ирмино» непартийный большевик Алексей Стаханов, спустившись в шахту, вырубил за шестичасовую смену 102 тонны угля вместо 7 тонн по норме. Вслед за ним 3 сентября парторг этого участка т. Дюканов вырубил 115 тонн угля, а еще через несколько дней комсомолец Концедалов дал 125 тонн.

Удары отбойных молотков Алексея Стаханова, Дюканова, Концедалова и других получили изумительный резонанс. «Не постепенно, а с какой-то невиданной быстротой...» (стр. 368), «... не в порядке постепенности, а в порядке взрыва, прорвавшего какую-то плотину» (Сталин), (стр. 370), развилось стахановское движение, охватив своим порывом все отрасли, все участки нашего строительства.

Бусыгин — в машиностроении, Виноградовы — в текстильной промышленности, Сметанин — в обувной, Мусинский — в лесной, Кривонос — на транспорте — первыми подхватывают знамя стахановского труда, увлекая за собой лучших сынов и дочерей рабочего класса. И уже всего через 2½ месяца после первого рекорда Стаханова — 14 ноября 1935 г. — в большом зале Кремлевского дворца собрались на Первое всесоюзное совещание три тысячи лучших передовых ударников и ударниц-стахановцев различных отраслей нашего народного хозяйства — тяжелой, легкой, пищевой и лесной промышленности, а также железнодорожного транспорта.

Четыре дня длилось это совещание, и вот перед нами поразительный документ нашей эпохи, ярчайшее свидетельство огромных побед социализма — стенографическая запись этого изумительного совещания. Нельзя без глубокого, радостного волнения, без большого чувства гордости за вождей, людей и дела нашей родины читать эту книгу!

Совещание стахановцев явилось ярким свидетельством рождения нового типа людей, оно показало, как в горнице свободного социалистического труда выковывается новый человек, прообраз социалистического производителя.

Для стахановцев, этих партийных и непартийных большевиков, характерна прежде всего глубочайшая преданность делу социалистического строительства, беспредельная любовь к своей родине, к нашей партии — организатору всех наших побед, к тому, кто твердо и мудро ведет нас от победы к победе — т. Сталину.

Эти чувства отчетливо выявлялись в простых, искренних, взволнованных выступлениях стахановцев, в том огромном подъеме, с которым проходило все совещание, в бурных овациях, которыми участники его встречали вождей нашей партии и в особенности любимого вождя, друга и учителя — т. Сталина.

«Любимый вождь нашей партии и народов Советского союза товарищ Сталин и руководимая им партия большевиков, — говорил т. Стаханов, — были вдохно-

вителями наших побед... Для него, для большевистской партии, для любимой родины мы готовы отдать всю нашу жизнь до конца» (стр. 16).

Отличительной чертой стахановцев является далее новое, социалистическое отношение к труду. Труд стал для них действительно делом чести, доблести и героизма, источником радости, потребностью жизни. «Стахановец, — совершенно правильно определял токарь Невского завода им. Ленина т. Душенков, — это такой человек, который... любит свое дело, любит свой станок, верит в победу социализма, в победу того строя, который дает нам лучшую жизнь» (стр. 90).

Радость творческого труда на себя, на благо своей родины прозвучала в восклицании т. Бусыгина: «С песнями будем работать!».

«Я люблю свою фабрику, — говорил т. Сметанин, — люблю свою страну, люблю труд — вот почему я могу давать еще большие показатели» (стр. 38).

И дружными аплодисментами выразило совещание свою солидарность с этими прекрасными словами, отражавшими общее настроение, общие мысли и чувства всего коллектива.

Устанавливая поразительные рекорды, перекрывающие высшие нормы капиталистической техники, стахановцы меньше всего являются рекордистами, ищущими личной славы, желающими оторваться от коллектива, от массы. Наоборот, своей основной задачей стахановцы ставят передачу своего опыта как можно большему числу рабочих.

«Действительный стахановец, — определил тов. Бусыгин — тот, который не только о своих рекордах заботится, не только о своей работе думает, а готов всяким советом помочь товарищу, кто радуется не только своему успеху, а и успеху всего своего цеха, всего своего завода» (стр. 26).

Подлинными стахановцами так именно и поступают. Знатные стахановки, подруги Нина Славникова и Маруся Макарова помогли работницам своего цеха поднять выработку с 17 деталей до 40 при одновременном уменьшении брака. Машинист Сталинской железной дороги Омельянов всегда берет с собой в путь другого машиниста, чтобы тот учился его искусству. Стрелочница станции Омск т. Неудахина рассказала, как она обучила 15 стрелочников. Веселым и одобрительным смехом наградило собрание сообщение самого юного участника совещания токаря Курьянова о том, что и он взялся обучать ученика, который «старше меня и больше меня namного».

В огне стахановского движения переплавляются люди, ранее бывшие плохими работниками. В прошлом алкоголик, «пропащий человек», рабочий Толчанов становится стахановцем. Трудно без волнения читать простой и скромный рассказ т. Омельянова о том, как он перевоспитал «самого плохого машиниста — Ладыжинского, который сделал в прошлом месяце 13 обрывов и был выгнан» (стр. 56), и обучил его так, что он заданную норму перевыполнил, не допустив ни одной аварии, ни одного обрыва.

Таковы люди стахановского, социалистического труда!

Стенографический отчет Первого всесоюзного совещания стахановцев дает и чрезвычайно богатый материал для изучения методов и приемов стахановской работы. Один из важнейших методов стахановской работы заключается в правильной специализации труда на базе его разделения.

Как известно, существеннейшим моментом победы Алексея Стаханова явилось то, что он отделил процесс забойки от процесса крепления. И когда парторг участка, где работает т. Стаханов, т. Дюканов рассказал о том, что «раньше мы сами рубали и сами крепили, а сейчас мы труд разделили», т. Сталин тотчас же в реплике подчеркнул: «В этом суть успеха». «Это главное», — добавил т. Орджоникидзе (стр. 29).

Для стахановских методов работы характерной, далее, является рациональная расстановка рабочей силы в бригадах, правильная, продуманная

до деталей организация рабочего места и всего технологического процесса, тщательная подготовка производства, максимальное уплотнение рабочего дня на основе ликвидации всяких простоев, связанных с непродуктивной беготней за инструментом, нарядом, материалом.

Овладение техникой своего станка и производства, соответствующее расчленение производственных процессов дают возможность стахановцам обеспечить точный и ровный, бесперебойный производственный ритм.

«Хронометраж показал, — рассказывал т. Сметанин, — что я сделал 1 860 пар, — это две с лишним нормы, — затрачивая на каждую пару 13—13½ секунд. Не было такой пары, на которую я затратил бы 11 секунд, т. е. поспешил, и не было пары, на которую я затратил бы 15 секунд, т. е. замедлил работу» (стр. 38).

Твердый маршрут — основа успехов ткачих Виноградовых, Одинцовой и др. Ровный, выверенный ритм характеризует кузнецов-стахановцев.

Знание техники своего производства сочетается у стахановцев с любовным, внимательным отношением к оборудованию. Каждую деталь просмотрит, проверит стахановец, прежде чем начнет работу; внимательно прислушиваясь, вникая в ритм станка, сначала медленно пустит свою машину, снова проверит все ее части уже в действии, а затем, ускоряя производственный ритм, доведет нагрузку оборудования до высшего уровня. Особенно запоминается изложение этой стороны дела т. Бусыгиным.

Достигая исключительных количественных показателей, стахановцы огромное внимание уделяют качеству продукции.

«Качество валов не портится от быстрой работы?» — спросил Бусыгина т. Сталин. «Наоборот, — отвечает Бусыгин, — меньше браку получается и качество лучше. Раньше я делал 450 штук, а брак — 20 штук. Теперь я даю 1 000 штук, а брак — 2 штуки» (стр. 24).

О качестве продукции и уменьшении брака говорили и ткачиха Одинцова, и токарь Душенков, и сверловщица Макарова, и многие другие стахановцы. Задача обеспечения безаварийности работы стояла в центре внимания всех выступавших стахановцев железнодорожного транспорта.

Изменяя методы организации труда и производства, творчески преобразуя производственные процессы, стахановцы революционизируют и непосредственно технологические процессы, опрокидывают старые, обветшалые представления о режимах резания, о производительности доменных и мартеновских печей, прокатных станков, химических агрегатов, о пределах форсировки паровозных котлов и т. д.

Совершенно очевидно, что в рамках журнальной рецензии нельзя исчерпать всего многообразия стахановских методов работы, применяемых во всех отраслях народного хозяйства в соответствии со спецификой технологических процессов каждой отрасли. Глубокое, внимательное изучение этой богатой мыслими и фактами книги несомненно принесет большую практическую пользу каждому рабочему, каждому, кто связан с производством.

На трибуне совещания стахановцев промышленности и транспорта сменяли руководящие работники и командармы этих отраслей.

Как всегда, исключительно ярко и содержательно выступал т. Орджоникидзе, бессменный председатель всех заседаний совещания. Его роль в деле подготовки и развертывания стахановского движения исключительно велика. Это т. Серго еще на майском Совете НКТП с подлинной большевистской энергичностью нанес сокрушающие удары так называемым «технически обоснованным» нормам, призывал всех рабочих и инженерно-технический персонал к мобилизации огромных резервов производства, к борьбе с технической косностью и рутинной. После первых же известий о рекордах Стаханова т. Орджоникидзе оценил всю значительность тогда еще только зарождавшегося движения. В ряде своих телеграмм и приказов т. Орджоникидзе требовал широкой, подлинной поддержки

стахановского движения, решительного и немедленного наказания саботажников его.

Пламенная речь т. Орджоникидзе на совещании, десятки раз прерывавшаяся бурными овациями всего зала, звала к полному использованию колоссальных возможностей промышленности, к коренному пересмотру всех старых расчетов производительности оборудования и производственных мощностей, к достижению социалистической производительности труда.

«Старые нормы побиты, — говорил т. Орджоникидзе. — Почему? Да потому, что те нормы были капиталистические, а нормы стахановцев — нормы Октябрьской революции, нормы Ленина—Сталина... Нормы капиталистических стран для нас не предел, и мы, дойдя до этих норм, пойдем дальше своим путем, путем Ленина и Сталина!» (стр. 316—317).

Тов. Орджоникидзе призывал далее к коренному пересмотру старых учебников, к пересмотру всех устаревших расчетов производительности оборудования.

Глубокую и яркую речь произнес т. Микоян. В словах наркома ярко вырисовывалась счастливая, зажиточная жизнь нашей страны, открывалась реальная перспектива дальнейшего повышения богатства и изобилия нашей родины. Наряде ярких, незабываемых примеров т. Микоян показал ту огромную роль, которую сыграл т. Сталин, его повседневную заботу о широчайших трудящихся массах, его конкретное руководство в деле поднятия пищевой промышленности. Рассказ т. Микояна о том, как т. Сталин лично отбирал и утверждал для производства образцы туалетного мыла, ознакомился с рецептурой каждого сорта, с весом каждого кусочка мыла, дает прекрасную характеристику сталинского стиля работы, его умения конкретно, до мельчайших деталей разобрать любой вопрос, найти наилучшее его разрешение.

Подробно остановившись на анализе достижений и задач различных отраслей пищевой промышленности, т. Микоян рассказал в конце своей речи о стахановцах пищевой промышленности, об их рекордах в повышении производительности труда и освоении новой техники, созданной на предприятиях наркомата.

Много интересных фактов о работе стахановцев лесной и легкой промышленности привели в своих речах нарком лесной промышленности т. Лобовиц и зам. наркома легкой промышленности СССР т. Еремин. Их речи свидетельствовали о том, что и в этих отраслях получило широкое развитие стахановское движение и что на его основе эти отрасли сумеют дать стране еще больше и более высокого качества всевозможных товаров индивидуального потребления — тканей, трикотажа, обуви, мебели, спичек, бумаги и т. д.

С блестящей, образной и содержательной речью выступил народный комиссар путей сообщения т. Л. М. Каганович, обрисовавший путь «долголетней упорной и напряженной революционной борьбы нашей большевистской партии Ленина — Сталина» (стр. 185).

Нелегко был путь, по которому шла партия, ведя за собой рабочий класс. Классовый враг и его агентура в рядах партии и пролетариата — троцкисты и их охвостье — зиновьевцы, правые оппортунисты, всякие другие антипартийные группировки, со всех сторон атаковали генеральную линию партии, не гнушаясь никакими приемами и способами, они пытались остановить и сорвать победоносное строительство социализма. «Но... к нашему счастью, к нашей радости, к нашей гордости, руль, а по-железнодорожному — реверс, локомотива революции взял в руки ученик и соратник Ленина — наш великий Сталин» (стр. 186), и партия победила, преодолев все трудности и лишения, сплотив вокруг себя широчайшие массы рабочих и крестьян. Из страны отсталой и зависимой СССР превратился в передовую в индустриальном отношении, мощную, независимую, культурную, богатейшую страну.

Тов. Каганович далее глубоко и убедительно вскрыл прямую связь между исторической речью т. Сталина о кадрах и развертыванием стахановского движения.

Переходя к рассмотрению вопроса о стахановско-кривоносском движении на транспорте, т. Каганович привел данные о подъеме железнодорожного транспорта вопреки всяким оппортунистическим «теориям».

Практика борьбы за последние месяцы, — говорил т. Каганович, — разбила наголову героев «предела» и их, с позволения сказать, теорию» (стр. 192).

Тов. Каганович развернул далее подробную, конкретную программу дальнейшего подъема транспорта, доказав полную возможность довести на основе стахановско-кривоносского движения среднесуточную погрузку до 80 тысяч вагонов. Бурные овации, которыми щедро награждало собрание речь т. Кагановича, не оставляли никаких сомнений в том, что все стахановцы уверены, что это сталинское задание они выполнят.

С большим напряженным вниманием выслушало совещание прекрасную речь маршала Советского союза, наркома обороны т. Ворошилова.

Тов. Ворошилов говорил о кадрах, о стахановцах обороны, о невиданном в мире развитии парашютного дела — «этой области авиации, в которой монополия принадлежит Советскому союзу» (стр. 346); о танкистах, «которые, как виртуозы, буквально играют своими грозными машинами» стр. 348); о доблестных подводниках, также перекрывающих все нормы и пределы, установленные теорией».

Ясно, что и в Красной армии широко развивается стахановское движение, ибо «красноармейские стахановцы так же, как их братья на предприятиях, ломают установленные нормативы своего оружия и человеческого умения, так же ведут за собой вперед, к лучшим и лучшим показателям тысячи и тысячи своих товарищей» (Ворошилов) (стр. 348).

Тов. Ворошилов поставил затем очень важный вопрос о командных кадрах промышленности и Красной армии. Стахановское движение показало, что рабочие и красноармейские массы настолько выросли в производственном и культурном отношении, что зачастую командные кадры оказываются не впереди масс, как это полагается, а позади них. Вот почему предостерегал т. Ворошилов: «Полностью на своем месте может быть сейчас только такой командир и начальник, который непрерывно, буквально непрерывно, совершенствуется, не останавливаясь на достигнутом» (стр. 350). Последнюю часть своей речи т. Ворошилов посвятил вопросам качества продукции, поставляемой Красной армии. Качество этой продукции должно быть безукоризненным, максимально высоким. Для того чтобы победить «малой кровью, с затратой минимальных средств и возможно меньшего количества жизней наших славных бойцов» (стр. 354), техническая и боевая оснащенность нашей Красной армии должна быть лучшей в мире.

С трибуны совещания выступили также руководители трех крупнейших партийных организаций нашей страны — тт. Постышев, Хрущев и Жданов. Рассказав о состоянии стахановского движения в руководимых ими частях нашего Союза, тт. Постышев, Хрущев и Жданов сформулировали задачи, стоящие перед партийными организациями в связи со стахановским движением.

«Наши партийные организации, — говорил т. Жданов, — должны еще больше заниматься политическим воспитанием наших кадров. Надо еще шире развернуть массовую работу среди рабочих, колхозников, еще глубже довести до сознания масс идеи Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, еще крепче связаться с массами» (стр. 299).

Прекрасным дополнением к речам крупнейших работников нашей партии явились выступления парторга участка, где работает т. Стаханов, т. Дюканова и парторга шахты «Центральная-Ирмино» т. Петрова. В их речах был дан яркий показ роли партийных организаций шахты и Донецкого обкома ВКП(б) в деле подготовки организации и поддержки стахановского движения. Многие партийные работники найдут для себя немало поучительного в речах этих подлинных большевиков-организаторов.

С исключительно содержательной, полной глубоких мыслей и обобщений речью выступил на совещании т. Молотов. Кто такие стахановцы? ставит вопрос глава нашего правительства, и на ряде биографий зачинателей стахановского движения показывает, что первые стахановцы — это молодые еще люди, выходящие из рабочей среды или трудящихся крестьян, в большинстве еще стоящие вне рядов нашей партии.

«Секрет» их победы в том, что они прекрасно изучили технику своего производства, смело опрокинули установившиеся каноны, взялись за создание социалистической производительности труда, более высокой, чем при капитализме.

Стахановцы угольной промышленности далеко оставили позади уровень производительности рабочего на отбойном молотке в шахтах Рура (Германия) и в других угольных бассейнах капиталистических стран Европы.

Бусыгин и его бригада превзошли на ковке коленчатых валов и на других операциях высшие нормы американских заводов; Сметанин дал уже в октябре 1935 г. на перетяжной машине 1860 пар обуви в смену, тогда как наивысшая норма на лучшем в мире чехословацком предприятии Томаса Батя равняется 1125 парам; ткачихи Виноградовы перекрыли производительность труда, достигнутую на лучших американских предприятиях.

Этих поразительных итогов стахановцы добиваются однако не за счет перенапряжения, как это пытается представить желтая пресса капитализма.

«Дело здесь не в суетливой торопливости и не в перенапряжении сил, — говорил т. Молотов, — а в чем-то другом. Считать минуты и секунды своей работы, вносить ритм, соблюдать маршрут, устанавливать порядок во всех процессах труда — значит покончить с беспечностью к позорным простоям и растрате времени, значит вносить культуру в свою работу. Дело, следовательно, не в перенапряжении рабочего, а в культуре его отношения к своему труду» (стр. 278).

А раз так, то ясно, что «стахановцем может стать каждый рабочий», каждый, кто любит свою родину, предан делу социалистического строительства и овладел техникой своего дела.

Свою речь т. Молотов заканчивает мастерским анализом современного этапа развития капитализма и указанием на огромное международное значение стахановского совещания.

В самом конце совещания выступил т. Сталин с исторической речью, которая является новым ценнейшим вкладом в сокровищницу марксизма — ленинизма. Глубочайшие теоретические проблемы — о характере капиталистического и социалистического труда, о путях уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, о связи науки с практикой, о взаимоотношениях между вождями и массами и ряд других проблем — были подняты в речи т. Сталина на огромную высоту, получили дальнейшую разработку на основе обогащения практикой социалистического строительства.

Свою речь т. Сталин начал с изложения значения стахановского движения. Значение этого движения заключается прежде всего в том, что оно является новым, и более высоким этапом социалистического соревнования, этапом, неразрывно связанным с новой техникой и с кадрами, сумевшими овладеть ею.

Значение стахановского движения далее в том, что оно сокрушает старые нормы, старые представления о производительности оборудования, о производственных мощностях, о планах, создает производительность труда более высокую, чем та, которую создал капитализм. Вот почему «стахановское движение является в основе своей глубоко революционным».

Но значение стахановского движения выходит за пределы этого. В своей речи т. Сталин показал, что стахановское движение содержит в себе первые ростки, начатки перехода от социализма к коммунизму и в частности ликвидации противоположности между трудом умственным и трудом физическим.

Каковы же корни, причины стахановского движения, которое «является наиболее жизненным и непреодолимым движением современности?» (стр. 368).

Прежде всего причиной этого движения явились решающие победы в деле подъема материального положения рабочих. «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится», — говорит т. Сталин.

Тов. Сталин дает далее глубокий анализ принципиального различия социалистического труда и труда при капитализме. Раздробленному, личному характеру труда при капитализме социализм противопоставляет труд «на себя, на свой класс, на свое, советское общество», труд, имеющий общественное значение.

Создание новой техники и нарождение кадров, ее освоивших, явились также решающими предпосылками стахановского движения.

Вот на какой основе возникло и развилось стахановское движение.

В связи со стахановским движением т. Сталиным был разобран большой теоретической и практической важности вопрос о науке и практике.

Практика стахановского движения нанесла сокрушающие удары всем разновидностям лженауки; она — это практика — показала, что наука, порвавшая связь с практикой, не обогащаясь непрерывно опытом практики, не проверяющая повседневно своих положений на деле, на практике, такая наука перестает освещать практикам дорогу вперед, перестает быть наукой.

Известное положение марксистской философии о том, что практика является последним и решающим критерием истины, в словах т. Сталина — о науке и практике — приобретает дальнейшее свое углубление и разработку. Совершенно очевидно, что горький, но справедливый упрек т. Сталина научным работникам, отстающим от жизни, должен быть воспринят и учтен на всех участках научного и теоретического фронта.

С исключительной простотой и убедительностью разобрал затем т. Сталин вопрос о технических нормах. Он показал, что глупо говорить об отказе от норм вообще, ибо «без технических норм невозможно плановое хозяйство» (стр. 372). С другой стороны, было бы неверно теперь же установить нормы на уровне производительности труда, достигаемой Стахановым, Бусыгиным, Сметаниным, Виноградовыми и др. Нужны очевидно «такие нормы, которые проходили бы где-нибудь посредине между нынешними техническими нормами и теми нормами, которых добились Стахановы и Бусыгины» (стр. 373).

Тов. Сталин переходит затем к изложению ближайших задач в связи со стахановским движением.

«Помочь стахановцам развернуть дальше стахановское движение» (стр. 373), «обуздать все те элементы из хозяйственных и инженерно-технических работников, которые упорно цепляются за старое» (стр. 373—374) и наконец «помочь перестроиться и возглавить стахановское движение тем хозяйственникам, инженерам и техникам, которые не хотят мешать стахановскому движению, которые сочувствуют этому движению, но не сумели еще перестроиться, не сумели еще возглавить стахановское движение» (стр. 375) — таковы задачи, сформулированные т. Сталиным.

Заканчивая свою речь, т. Сталин выразил благодарность участникам совещания за то, что «мы, руководители правительства, многому поучились у вас, у стахановцев» (стр. 375), и сообщил о решении президиума совещания представить 100—120 лучших стахановцев к высшей награде.

Последние строки этой книги снова описывают бурную овацию всего собрания по адресу т. Сталина. Мощное пение пролетарского гимна завершило это совещание.

Прекрасно и чрезвычайно быстро изданная Партиздатом, эта книга должна внимательно и тщательно изучаться, должна стать настольной книгой каждого рабочего, каждого сознательного трудящегося, каждого научного работника.

Стахановские методы использования комбайнов

(О книге «Совещание передовых комбайнеров и комбайнерок СССР с членами ЦК ВКП(б) и правительства 1 декабря 1935 г.», партиздат, 1935 г., стр. 143, цена 2 руб.)

Со всех концов нашей великой родины съехались в Москву, в Кремль, на совещание лучшие представители крупного социалистического индустриализованного сельского хозяйства. Мандатом на совещание передовых комбайнеров и комбайнерок с членами ЦК ВКП(б) и правительства служило перевыполнение норм уборки более чем вдвое за сезон 1935 г. Это совещание является крайне важным потому, что на нем впервые стахановцы социалистического земледелия подвели итоги и поделились практическим опытом своей непосредственной работы по овладению столь сложной машиной, как комбайн. Оно стало поистине историческим, ибо на этом совещании выступил т. Сталин, обосновавший в своей речи необходимость и возможность того, чтобы в ближайшие 3—4 года ежегодное производство хлеба в нашей стране достигло 7—8 млрд. пудов зерна.

Постановка такой грандиозной задачи стала возможной в результате успешного проведения генеральной линии партии, строительства социализма в нашей стране, социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Потребность в зерне в нашей стране колоссально возросла. Рост этой потребности в нашей стране объясняется ростом промышленности и городов, увеличением производства технических культур, ростом зажиточности колхозников, значительным увеличением чистого прироста населения, ростом потребности населения в продуктах животноводства, для производства которых необходимо иметь большие запасы зерна, и т. д.

Для разрешения поставленной партией задачи ежегодного производства 7—8 млрд. пудов зерна у нас имеются все необходимые условия. В колхозах уже состоит около 90% всего крестьянства. Следовательно господствующей формой хозяйства в земледелии у нас является не мелкое, а крупное хозяйство, способное освоить современную технику, использовать в достаточной степени современные агротехнические знания и применять как следует удобрения. За колхозами закрепляется навечно 400 млн. гектаров земли — это больше, чем имели до революции помещики, трудящиеся крестьяне и кулаки вместе взятые. Колхозы получают большое количество тракторов, сельскохозяйственных машин, комбайнов. В колхозах уже есть кадры (хотя их еще мало), умеющие обращаться с техникой.

«Выходит, таким образом, — говорил т. Сталин на совещании комбайнеров, — что мы имеем все условия, необходимые для того, чтобы добиться в ближайшем будущем ежегодно производства зерна в размере 7—8 миллиардов пудов... Главное теперь в том, чтобы налечь на кадры, обучить кадры, помочь отстающим освоить технику, выращивать изо дня в день людей, способных освоить технику и погнать ее вперед. В этом теперь главное, товарищи» (стр. 122). Громадное значение совещания комбайнеров и комбайнерок заключается в частности в том, что на нем демонстрировались непосредственная практика и живой опыт людей, которые освоили высокую технику комбайна, оседлали эту технику и дали высокие, стахановские нормы использования комбайнов. Иначе говоря,

в рецензируемой книге имеются практические ответы на вопросы, поставленные т. Сталиным в качестве главных предпосылок разрешения проблемы 7—8 млрд. пудов зерна.

Значение комбайна для сельского хозяйства очень велико. Комбайн в огромной степени облегчает труд в сельском хозяйстве. До революции бедняк и середняк убирали хлеб косой и серпом, молотили его цепом. Эта чрезвычайно тяжелая, каторжная работа перекладывается теперь на машину. Комбайн и трактор являются техническими орудиями превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. «Значение комбайна состоит в том, что он помогает убрать урожай во-время. Это очень большое и серьезное дело, товарищи» (Сталин) (стр. 122). Насколько убыстряет уборку комбайн, можно судить по следующим данным, приведенным т. Я. А. Яковлевым на совещании мастеров урожая. Для уборки и молотбы гектара хлеба бедняк и середняк должны были при помощи тех орудий производства, которые у них тогда были (коса, серп и цеп), затратить труд трех человек в течение шести-восьми дней. Для уборки и молотбы того же гектара хлеба более усовершенствованными орудиями — лобогрейкой и молотилкой — требуется работа трех человек в течение примерно двух-трех дней. Между тем комбайном этот же гектар хлеба три работника (комбайнер, его помощник и тракторист) скосят, обмолят и очистят только за один час. Вот какое ускорение уборки хлебов дает комбайн.

Тов. Сталин отметил еще одну весьма существенную черту комбайна: «Он избавляет нас от громадных потерь» (стр. 122). При уборке хлеба косой или лобогрейкой получаются огромные потери, доходящие до 20—25% урожая. Потери эти образуются при косье, сборе в снопы, копны, в скирды, при подвозке к молотилкам и т. д. Комбайн сводит эти потери до незначительного минимума. По сравнению с лобогрейкой комбайн увеличивает урожайность (вследствие уменьшения потерь) на гектар на 10 пудов зерна. При 100 млн. гектаров зерновых посевов уборка комбайнами экономит целый миллиард пудов зерна. «Вот почему я думаю, — говорит т. Сталин, — что внедрение комбайна в земледелие и выращивание многочисленных кадров комбайнеров и комбайнерок является первостепенной задачей» (стр. 123).

При столь огромном значении, которое придается партией и правительством внедрению в наше сельское хозяйство комбайнов, особенно важно выявить и передать другим лучшие образцы стахановских методов использования комбайнов. Разбираемая нами книга с этой точки зрения представляет собою важнейший документ сталинской эпохи. В ней собраны факты громадного перевыполнения норм использования комбайнов, рассказано, какими способами стахановцы социалистического земледелия добились перевыполнения норм, какие препятствия встречали они на своем пути и как они их преодолевали, как выковывались кадры, сумевшие оседлать высокую технику — комбайн.

Еще в 1933 г. освоение комбайна находилось на незначительном уровне. Освоение комбайна происходит в условиях сопротивления и классовой борьбы остатков кулачества и его «недобитков». Приходилось преодолевать антикомбайновые настроения. Классовый враг нередко вел агитацию против комбайнов, пуская в ход разговоры о том, что наши советские комбайны и вообще комбайны якобы непригодны для уборки. В среднем по Союзу выработка на комбайн составляла в 1933 г. всего лишь 70 гектаров. Но уже в 1934 г. произошел резкий скачок — выработка на комбайн увеличилась в среднем по Союзу до 124,7 гектара. «Кадры решают все». Выполнение этого лозунга т. Сталина, усиление работы по подготовке кадров для лучшего освоения богатейшей техники, имеющейся в нашем сельском хозяйстве, привело к тому, что в 1935 г. в среднем по Союзу на комбайн приходится выработки уже 257,3 гектара, что дает увеличение только за один год в два раза. Эта цифра сама по себе говорит уже о многом, о наших крупнейших достижениях. Фактическая норма выработки на ком-

байн в Америке составляет только 230 гектаров. Значит, мы уже не только догнали, но и перегнали самую передовую капиталистическую страну в отношении норм использования комбайнов. Отмечая этот факт, т. Чернов справедливо говорит: «И в этом величайшая заслуга товарищей стахановцев-комбайнеров. Их заслуга в том, что они не только сами дали большую выработку, но и потянули за собой остальную массу комбайнеров» (стр. 112).

На совещании в Кремле присутствовало около 200 передовиков-комбайнеров и комбайнеров, стахановцев социалистического сельского хозяйства. Из них выработали на комбайн свыше 300 и до 500 гектаров 63 человека, награжденных правительством «знаком почета», свыше 500 и до 600 гектаров — 66 человек, награжденных орденом трудового красного знамени, и свыше 600 гектаров — 68 человек, награжденных орденом Ленина. Отдельные же комбайнеры-стахановцы дали еще более высокие нормы: т. Борин выработал 780 гектаров на комбайн, т. Яковлев — 772 гектара, т. Пономарев — 850 гектаров, а т. Полагутин выработал 1 005 гектаров на комбайн. Тов. Марджанян дает обещание в 1936 г. после окончания учебы перейти работать на два комбайна, с тем чтобы производительность каждого была не ниже 700 гектаров, и вызывает на соревнование комбайнеров соседних с Арменией республик — Грузии и Азербайджана. «Сейчас главное, — говорит т. Марджанян, — состоит в том, чтобы сочетать подготовку кадров с овладением техникой и поднятием производительности труда. Почему в текстильной промышленности ткачихи могут работать на нескольких станках, а мы не можем изучить технику и перейти на несколько комбайнов? Я это оправдаю на деле!» (стр. 105).

Приведенные цифры выступают перед нами в еще большей своей значительности, если мы вспомним, что действующие нормы выработки на комбайн составляют 160 гектаров для 15-футового комбайна и 180 гектаров для 20-футового комбайна.

Почти каждый из выступавших на совещании говорил не только о достигнутых нормах выработки на комбайн, но и брал на себя перед лицом партии и ее вождя т. Сталина конкретное социальное обязательство повышения норм в будущем году. Так, т. Ведерников выработал в 1935 г. 605 гектаров за 26 дней, обязуется в 1936 г. выработать за 20 дней 1 000 гектаров; т. Полагутин обязуется поднять выработку с 1 005 до 1 300 гектаров на комбайн. Ряд товарищей стахановцев тут же на совещании в Кремле заключил социальный договор на дальнейшее увеличение нормы выработки на комбайн с одновременным улучшением качества работы и достижением экономии горючего. В своем приветствии т. Сталину все участники совещания заявили: «Мы клянемся убрать в будущем году не меньше 600 гектаров на «коммунаре» и 700 гектаров на «сталинце» (стр. 127).

Стахановцы не только сами лично дают высокую производительность, они заражают производственным энтузиазмом других, обучают и подтягивают отстающих, добиваются общего подъема производительности труда. Каждый из выступавших брал на себя лично обязательство подтянуть отстающих, обучить и сделать стахановцами несколько человек из своих ближайших товарищей. «Мы клянемся каждый воспитать десятки других таких же комбайнеров, как мы» (стр. 128), — так заверили вождя партии участники совещания. Все это не могло не стать прочным основанием для проектирования на будущий год значительного повышения нормы использования комбайнов. «В будущем году, — говорит на заключительном заседании т. Чернов, — мы должны дать по нашей системе в среднем по Союзу не 257 гектаров, а 350 гектаров на комбайн. И вы нам в этом деле безусловно поможете» (бурные аплодисменты) (стр. 111).

Какими способами и почему стахановцы-комбайнеры добились высоких норм использования комбайнов? Прежде всего бросается в глаза высокая степень культурности и политической зрелости выступавших на совещании рядовых комбайнеров, вышедших из самой гущи советского народа, их безграничная предан-

ность партии и вождю народа т. Сталину. Тов. Яковлев Ф. И., комбайнер ингушского зерносовхоза, следующим образом формулирует причины своего успеха в работе: «Я работал и чувствовал, что я работаю, товарищи, не так, как в старое время работал на кулака и помещика. Я чувствовал, что работаю в своей стране, добиваюсь лучшей жизни для себя и для своих детей. Поэтому в моей работе и были успехи» (стр. 30).

«Мой отец, — рассказывает т. Пономарев, — прожил 65 лет, а он не видал такой жизни, какой я сейчас живу. Он весь свой век работал на кулака и не видал ничего, кроме деревянной сохи. А я, сын батрака, стою сейчас перед вождями народа и рассказываю о своей работе (аплодисменты). Вот к чему нас привела линия партии и любимый вождь наш товарищ Сталин» (аплодисменты) (стр. 50).

Давший рекордные нормы использования комбайна, лучший из стахановцев т. Полагутин говорит: «Наш вождь товарищ Сталин (аплодисменты, крики «ура») сказал, что жить стало лучше, жить стало веселей, — вот поэтому я и выработал 1 005 гектаров. Мы полностью осознали, для кого мы работаем. И потому, что мы осознали это, мы достигаем высоких норм выработки» (стр. 37—38).

Сознание рядовых комбайнеров, что они работают на себя, на свою родину, на построение коммунистического общества, в корне изменило отношение рядовых тружеников страны строящегося социализма к труду, к средствам производства, к орудиям труда. Труд стал делом чести, славы, доблести и геройства. Буржуазные ученые, фашисты и оппортунисты, еще и теперь пытаются защищать теорию преимущества мелкого хозяйства перед крупным, выдвигая в качестве одного из основных доводов в пользу мелкого хозяйства любовное отношение мелкого хозяина к труду и средствам производства в противовес крупному хозяйству, где якобы этого достигнуть невозможно. Марксистско-ленинская аграрная теория давно разбила эти «доводы» противников социализма. Практика же нашего социалистического строительства, в особенности стахановцы социалистического земледелия, дает все новые и новые аргументы, целиком и полностью подтверждающие марксистско-ленинскую теорию и разбивающие в пух и прах теории врагов социализма. Вот например как формулирует свое отношение к комбайну т. Кобзарь — девятнадцатилетний юноша, комбайнер Богоявленской МТС. «Самое главное заключается в том, — говорит т. Кобзарь, — что надо любить машину, ухаживать за ней, организовать ее как следует. Я например всегда заранее говорю председателю колхоза, что мне нужно на завтра, говорю, чтобы была вода, были люди. Если у меня комбайн не в исправности, то я всю ночь не лягу спать, пока его не исправлю. Перед уборкой я получил комбайн за пять дней до выезда в поле. Когда я получил его, осмотрел, я мобилизовал бригаду и сказал: «Давайте, хлопцы, возьмемся за работу. Я разъяснил им, что главное — надо любить машину и хорошо за ней ухаживать» (стр. 20). Комбайнерка Малороссийской МТС, Азово-черноморского края, т. Кофанова в 1934 г. выработала 320 гектаров на комбайн, в 1935 г. — 606 гектаров, в 1936 г. обещает выработать 800 гектаров. Вот ее отношение к комбайну: «Работала я очень ударно. Я горячо любила машину. Эта машина была для меня хорошим другом, я ее любила, смотрела за ней тщательно» (стр. 86). Такое же отношение стахановцев мы наблюдаем в нашем социалистическом животноводстве, хлопководстве, свекловодстве и на любом участке социалистического строительства.

Как организовали стахановцы-комбайнеры свой труд и самый производственный процесс, чтобы добиться высоких норм выработки?

«Когда я принял комбайн, то прежде всего проверил людей, которые должны работать со мной, — рассказывает т. Андреев, комбайнер зерносовхоза «Рабочий» Куйбышевского края. — Проверил своих помощников, посмотрел, могут ли они работать на сложной машине, могут ли идти в первых рядах и убрать не

менее 500 гектаров. И я увидел, что у меня помощники слабые. Тогда я что сделал? За две недели до уборки я выехал с ними в поле и подучил их, чтобы они овладели комбайном и работали хорошо» (стр. 44). Инструктирование штурвального и тракториста, объяснение им, как работает комбайн, — с этого начинал работу и т. Кобзарь. Но этого мало. Сами комбайнеры должны непрерывно повышать свою техническую и политическую квалификацию. Тов. Понамарев работает комбайнером второй год. В 1934 г. он убрал на комбайн 358 гектаров. «Но меня эта цифра не успокоила, — говорит он, — она мне казалась малой, и я стал изучать машину, спрашивать про нее у лучших комбайнеров и специалистов, как можно больше из машины выжать, и в 1935 г. убрал уже 850 гектаров. Заработал денег 4 500 рублей» (а п л о д и с м е н т ы) (стр. 50).

Стахановцы-комбайнеры добились правильной расстановки людей, целесообразного разделения труда. Тов. Ведерников говорит: «Я потребовал от колхоза, чтобы мне дали полную возможность работать на комбайне так, как полагается. Я этого добился: председатель колхоза дал мне хороших работников, которые убирали зерно. Он дал еще человека, который полностью обеспечивал меня горючим и водой, чтобы не было простоев, и специальную кухарку, которая своевременно готовила пищу. И вот я начал работу. В среднем у меня вышло 23 гектара на день. Бывали дни, когда я давал по 38 и по 40 гектаров, а в один день дал 51 гектар» (а п л о д и с м е н т ы) (стр. 61).

Передовики-комбайнеры сумели правильно поставить техническое обслуживание комбайна в поле, они настояли на том, чтобы им заранее были отведены для их работы загонки достаточных размеров, для того чтобы комбайнеры не тратили попусту время на излишние повороты, на холостые переезды. Стахановцы-комбайнеры добивались того, чтобы отведенное им для работы поле было хорошо обработано и очищено от сорняков. «После проверки людей, — рассказывает т. Андреев, — я проверил загонки. Оказалось, что загонки были намечены не так, как нужно для комбайна. Их нарезали поперек пахоты, отчего получалось сотрясение комбайнов, поломки. Это дело я решил исправить и сделал это» (стр. 44). Тов. Капуста говорит: «Первым долгом мы перед уборочной кампанией проработали план своей уборки. Мы всем агрегатом проверили свои пайки, проверили, с какого края лучше заходить комбайну, где нужно обойти ямы, посмотрели, где ость столбы, чтобы во время работы не натолкнуться на них» (стр. 11).

В правильном использовании комбайна существенно важную роль играет организация выгрузки зерна. Некоторые стахановцы-комбайнеры производили выгрузку зерна на ходу, останавливаясь только в самых крайних случаях, когда требовалось смазать шатун или подправить подшипник. «Выгрузку производили так, — рассказывает т. Ведерников: — давали тихий ход комбайну, трактору и выгружали. Лошади у нас были великолепные. Для того чтобы не было потерь зерна, у меня был брезентовый рукав чуть ли не до самого ящика, в который мы высыпали зерно. Когда возчик кричал, что достаточно, мы сразу выключали шнек и рукав закидывали, чтобы не было потерь» (стр. 61—62). Тов. Понамарев тоже применил новый способ выгрузки зерна, сделав при помощи плотников приспособление для выгрузки, в результате чего на другой день он выкосил вместо 17 гектаров 28 гектаров. Среди стахановцев-комбайнеров рационализаторская мысль бьет ключом. Они смело идут вперед, выдвигая все новые и новые предложения об усовершенствовании организации труда и производства.

Организации питания в поле передовики-комбайнеры уделяли должное внимание. Они умеют «ценить фактор времени в работе» (Сталин). Тов. Ведерников говорит: «Завтракали мы таким образом: приезжал бригадир тракторного отряда, садился на трактор, а тракторист и мой помощник шли завтракать. Когда тракторист и помощник возвращались, я шел завтракать» (стр. 62). Точно так же поступал и т. Колесов. Во время завтрака он машину не останавливал, в резуль-

тате чего уплотнялся рабочий день и выработка увеличивалась, дохода на 15-футовую машину до 18,8 гектара в среднем.

Хорошая организация ухода за трактором обеспечивает лучшее его использование. Тов. Сталин, принимавший живейшее участие в совещании комбайнеров, глубоко вникал в детали комбайного хозяйства, имеющие непосредственное и весьма важное значение для правильного использования комбайна. Тов. Сталин спросил т. Андреева: «А как вы обеспечили хорошую работу цепей Галля?». «Я делал так, — отвечает т. Андреев, — через каждые три дня я снимал цепи Галля, клал их в ведро и проваривал в солидоле. И от этого они не так быстро изнашивались» (стр. 45). Тов. Капуста цепи Галля снимал каждый вечер и бросал в горячее масло, так как эти цепи требуют хорошей смазки. Заправку некоторые стахановцы организовали так, что после обеда (часа в 3) заправщики приезжали в поле к комбайнерам, а не наоборот. Комбайнеры брали от них все, что нужно, заправляли и продолжали работать дальше.

В организации лучшего использования стахановцами комбайнов сыграло крупнейшую роль постановление партии и правительства об оплате комбайнеров. Тов. Туюбаев так и говорит: «Мы работали в этом году лучше, чем в прошлом. Этому помогло решение ЦК партии об оплате комбайнеров и о ликвидации уравниловки и обезлички» (стр. 76). Тов. Боровик приводит следующий расчет, подтверждающий высказанное т. Туюбаевым положение. В 1934 г. комбайнер Хмынело убрал всего-навсего 45 гектаров и заработал 350 рублей. Другой комбайнер, Озеров, в прошлом году убрал 190 гектаров и заработал 257 рублей. В этом сезоне Озеров скосил 291 гектар и заработал 1723 рубля. «Такие успехи, — говорит т. Боровик, — мы имеем благодаря тому, что наше правительство под руководством товарища Сталина, который является инициатором этого дела, вынесло постановление о работе комбайнеров» (стр. 27).

Стахановцы-комбайнеры отмечали важную роль печати в деле развертывания стахановского движения. Тов. Колесов отмечает, что областная газета каждый день помещала на одной странице сообщение о дневной выработке, о простоях и их причинах и т. д. «Это очень, товарищи, подталкивало, — говорит он. — Когда приносят газету и ты видишь, что остаешься позади, так у тебя аж пятки колет в это время. Собираешь свой агрегат, говоришь, что вот были простои из-за того-то, давайте нажимать. Это нам очень много дало» (стр. 35). Не менее важную роль играет учет. В Погроменской МТС ежедневно вывешивалась на бункере сводка, в которой указывалось, какая машина простояла, какой комбайнер сколько сделал, кто сколько заработал, кто впереди идет, кто отстает. «Это тоже очень здорово подталкивало, — говорит т. Колесов. — Когда начинаешь отставать, промежду своих товарищей на агрегате и между товарищами, которые заключили договор, начинаются разговоры, люди начинают шуметь» (стр. 35).

На всесоюзном совещании передовики-комбайнеры в порядке самокритики отмечали целый ряд недостатков в своей работе, которые они обязуются устранить. Тов. Агеев отмечает, что комбайнеры еще не овладели агротехникой, высокими урожаями. Товарищи Колесов и Бурухин указывают на большую потерю времени, связанную с переездами. Приходилось иногда работать на 27 участках, доходящих порой до одного гектара. Участки для работы не всегда готовятся заранее.

«Кадры решают все». В отношении использования комбайнов этот лозунг т. Сталина является особенно важным. Стахановцы-комбайнеры рассказывали о том, как выковывались кадры высокомеханизированного социалистического земледелия. По возрасту комбайнеры так же, как и трактористы — молодежь, бодрая, энергичная, инициативная советская молодежь. Среди 600 тыс. трактористов имеется 480 тыс., или 80%, молодежи. На совещании комбайнеров из 197 участников молодежи до 25 лет было 84. Во время речи т. Борина произошел

следующий диалог. Тов. Сталин спрашивает его: «Сколько вам лет? Борин. Мне 27 лет. Сталин. А выглядите вы совсем молодым. Борин. Я молод, потому что я живу в Советской стране, где хорошо воспитывают и где хорошо жить (аплодисменты). Молотов. Вот это хорошо сказано» (стр. 24). Тов. Борин работал на комбайне 42 дня и за 42 дня он убрал 780 гектаров, сэкономил 9,5 центнера горючего и заработал 4 тысячи рублей. Тов. Боровик рассказывает, что в 1934 г. он выработал 173 гектара, в 1935 же году—472 гектара, заработал 2 700 рублей и сверх того получил еще вознаграждение за экономию 478 килограммов бензина. «Я чувствую себя хорошо, — говорит он, — и живу хорошо: имею две комнаты кроме кухни, имею 8 стульев, кровать, обстановку, купил себе корову и имею кабанчика, который тянет до 200 килограммов» (с м е х, а п л о д и с м е н т ы) (стр. 28). Почти каждый из выступавших на совещании говорил о громадном повышении заработка в связи с применением стахановских методов работы; говорил о том, что жить стало лучше и веселее. Достижения в этом отношении поразительны, особенно если сопоставить теперешний уровень культурно-бытового благополучия с тем, который был у тех же комбайнеров в бытность их единоличными крестьянами — бедняками и середняками. Тов. Капуста говорит о том, как в Советском союзе под руководством партии стало жить лучше и веселее, как он при старой власти спал под припечком, на конюшне. Сейчас он имеет три комнаты, кухню, сарайчик, корову и свинью. «Товарищи, я вспоминаю прошлые годы, — рассказывает т. Полагутиц... — Я пас скотину кулака девять лет, меня пороли плетью. В настоящее время я живу — не знаю как сказать, — кулак не кулак (с м е х). Мы теперь кулаков сжили. Живу я очень хорошо...» (стр. 38—39). Выработал т. Полагутин 1 005 гектаров, сэкономил горючего 1 666 килограммов, заработал 5 400 рублей, у него есть теперь мотоцикл, есть гармонь, корова, дом, поросенок, куры, ружье, велосипед. Тов. Полагутин говорит: «Я имею все, что для меня нужно. В настоящее время я живу прекрасно» (стр. 39). Вот конкретное выражение результатов колхозного строя, результатов применения стахановских методов работы в использовании комбайнов.

Стахановское движение в сельском хозяйстве, как и в других отраслях народного хозяйства, ведет к использованию скрытых резервов, к снижению себестоимости, к безубыточности предприятий на основе невиданных темпов роста производительности труда и лучшего использования материальных ресурсов предприятий. В результате лучшего использования комбайнов ряд совхозов уменьшает число комбайнов, потребное для уборки хлебов на той же посевной площади. Так, Феодосийский зерносовхоз вместо 86 комбайнов, имеющихся в совхозе в настоящее время, сможет в 1936 г. обойтись 50 комбайнами, а остальные передаёт в МТС для обслуживания колхозов (из речи т. Капусты). Целинский совхоз рассчитывает обойтись 40 комбайнами вместо имеющихся теперь 64 комбайнов.

Стахановцы-комбайнеры показывают на практике, как труд сельскохозяйственный в наших условиях превращается в разновидность индустриального труда, как происходит процесс стирания грани между трудом умственным и физическим, как уничтожается противоположность между городом и деревней. Это очень хорошо выразил т. Полагутин: «Вот мы сейчас приезжаем в Москву и видим, что в Москве живут хорошо, культурно, а мы хотим, чтобы наша деревня жила, как Москва (аплодисменты). Мы хотим деревню сравнить с Москвой. Сейчас мы приезжаем в Москву, и нам нравится: народ такой культурный, чистый. И мы сделаем так, чтобы Москва к нам пришла поинтересоваться, насколько деревня стала культурной, чистой (а п л о д и с м е н т ы). И мы это сделаем» (стр. 40). Так бодро и уверенно заканчивает свою прекрасную речь один из лучших комбайнеров-стахановцев Советского союза, награжденный орденом Ленина.

С особой теплотой и любовью передовики-комбайнеры относятся к Красной армии. Для многих из них она была школой не только оборонного дела, но и школой грамоты, школой техники. Тов. Шакиров — комбайнер Базарно-марановской МТС, Татарской АССР, говорит: «Жизнь стала хорошей и веселой. То, что сказал товарищ Сталин, это верно. Я раньше был безграмотным. Был в Красной армии, научился грамоте, научился любить машину, технику. Благодаря этому стал одним из лучших комбайнеров Татарской республики. Кроме того я стал ворошиловским стрелком» (аплодисменты) (стр. 83). Другой комбайнер, т. Кривцов, рассказывает следующее: «До 1934 года я не был связан с техникой. В 1934 году я впервые сел на комбайн, впервые сел на трактор. Это мне позволила сделать наша родная Красная армия. Благодаря правильному руководству со стороны товарища Ворошилова я достиг этого (бурные аплодисменты. Весь зал стоя приветствует товарища Ворошилова. Раздаются крики «ура» и возгласы: «Да здравствует Красная армия», «Да здравствует товарищ Ворошилов!»). Я пришел в армию из деревне, я был совершенно темным человеком, я вокруг себя ничего не видел.

Сталин: А теперь оратор! (смех, аплодисменты). И хороший оратор. Ворошилов: Прекрасный оратор.

Кривцов: Выходя из Красной армии, я поставил перед собой задачу — во что бы то ни стало работать на машине. Я сразу поступил на курсы комбайнеров и благодаря правильным решениям партии и личной заботе товарища Сталина (аплодисменты) мне удалось освоить технику и доказать практически, что наш советский комбайн может убирать лучше, нежели убирают в любой передовой капиталистической стране» (аплодисменты) (стр. 69—70)

Стахановцы-комбайнеры готовы в любой момент встать грудью на защиту горячо любимой родины. «Мы, стахановцы, — говорит комбайнерка т. Чернова, — не только должны уметь работать на комбайнах и тракторах, но и быть готовыми к обороне страны» (стр. 48). Эту же мысль выразил т. Колесов следующими словами: «Так же, как мы сумели под руководством нашей партии и вдохновителя стахановского движения — великого вождя товарища Сталина (аплодисменты) сломать в сельском хозяйстве все старые нормы и создать свои новые нормы, так же мы, сидящие здесь, сумеем по призыву партии и правительства пересечь, если это нужно, со своей машины на танки и переломать все замыслы фашистов, которые посягнут на наши границы» (аплодисменты) (стр. 36). С горячей и страстной речью о готовности комбайнеров-стахановцев в любой момент пересечь со степных комбайнеров на лошадь, на танк, на бронепоезд и доказать свое умение воевать и побеждать, выступил т. Агеев, комбайнер Армавирской МТС, участник гражданской войны.

Совещание комбайнеров-стахановцев происходило при ближайшем личном участии т. Сталина, т. Молотова и других членов Политбюро и правительства. Совещание это, как и ряд других совещаний стахановцев с членами ЦК партии и правительства, является чрезвычайно ярким проявлением советской демократии, проявлением единства руководства страны и народных-масс нашей социалистической родины.

Книга о совещании комбайнеров — важнейший документ нашей эпохи. Она явится настольной книгой всех интересующихся сельским хозяйством и социалистическим строительством. Издана она быстро и внешне оформлена безукоризненно.

ДАВИД РИКАРДО. Сочинения, т. II, «Начала политической экономики и податного (бложения)», Соцэкгиз, 1935, стр. ХХХХ+295.

По отношению к Рикардо можно следующим образом перефразировать известную французскую поговорку: самый глубокий и добросовестный буржуазный экономист (а таковым бесспорно является Д. Рикардо) не может дать больше того, что возможно для буржуазной теоретической экономики. Руководящей предпосылкой всех экономических рассуждений Рикардо является положение о вечности и естественном характере капитализма. В своих высказываниях об опытах Оуэна Рикардо сформулировал свое убеждение о невозможности и нерациональности социализма. В письме к Троруэру от 8 июля 1819 г. Рикардо писал: «Может ли кто-либо из здравомыслящих людей верить, вместе с Оуэном, что такое, как он проектирует, общество будет процветать и производить больше, чем когда-либо производилось равным числом людей, если их усилия будут стимулироваться интересами общества вместо их частных интересов? Разве опыт веков не против него? Он ничего не может противопоставить этому опыту кроме одного или двух мало достоверных случаев обществ, которые благоденствовали на основе общности благ, но где народ находился под могущественным влиянием религиозного фанатизма».

Исходя из убеждения в вечности капитализма, Рикардо закрывал себе путь к признанию других общественно-экономических формаций. Поэтому для него заранее исключалась возможность постановки центральной задачи политической экономики — изучения экономического закона движения общества как закона возникновения, развития и гибели отдельных общественно-экономических формаций. В связи с этим все абстракции Рикардо имеют метафизический характер, они отражают неизменную, неподвижную, застывшую экономику. Там, где Рикардо рассматривает динамику капитализма (например изучая тенденции прибыли, земельной ренты, заработной платы), он берет процессы изменения в чисто количественном аспекте, не связывая их с качественными сдвигами в экономической структуре. Рассматривая капитализм как естественный способ производства, Рикардо не мог установить противоречий между производительными силами и производственными отношениями. В отмеченных выше динамических процессах (например в падении нормы прибыли) он видит лишь отражение противоречия между обществом и природой, отражение факта ухудшения условий производства хлеба. В этих вопросах Рикардо крепко шел на поводу у Мальтуса.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Рикардо, который свел все категории к исходной категории — стоимости и труду, не смог генетически вывести из исходной категории все последующие. Рикардо не мог показать перехода товаров в деньги, денег в капитал и т. д., ибо он не видел диалектического развития противоречий товарного производства, которое (развитие) отражается в движении категорий политической экономики. Не понимая отличия простого товарного хозяйства от капиталистического и их взаимосвязи, Рикардо не мог

показать процесса превращения стоимости в цену производства. Отсюда — многочисленные ошибки и сомнения Рикардо, о которых он так часто упоминает в своей переписке.

Рикардо не мог выскочить из рамок буржуазного экономиста, но в рамках буржуазной экономии он достиг максимальных высот. В его системе научная буржуазная политэкономия достигла «своего последнего, непреходимого предела» (Маркс). «Хотя и ограниченный этим буржуазным горизонтом, Рикардо анализирует буржуазную экономию, имеющую в глубине совершенно иной вид по сравнению с тем, чем она кажется на поверхности, с такой теоретической остротой, что лорд Бруэм мог о нем сказать: «Казалось, будто мистер Рикардо упал с другой планеты»¹. Величайшая заслуга Рикардо заключается в том, что он освободил теорию трудовой стоимости от многочисленных противоречий, имевшихся у А. Смита, и попытался объяснить все категории политической экономии, исходя из теории трудовой стоимости. Этим самым он положил серьезное начало последней. Зародыши теории трудовой стоимости имелись еще в работах В. Петти (в XVII столетии), но только у Рикардо трудовая теория стоимости превратилась в научную систему буржуазной политэкономии.

Теория трудовой стоимости имеет свою внутреннюю логику. Она органически связана с теорией прибавочной стоимости. Научная добросовестность Рикардо проявилась в том, что прибыль он фактически рассматривает как прибавочную стоимость, как вычет из стоимости, произведенной рабочим. Понимание этого факта дало возможность Рикардо сформулировать положение об антагонизме в движении заработной платы и прибыли. Рикардо конечно не мог создать теории прибавочной стоимости, ибо последняя не вмещается в рамки буржуазной политической экономии, ибо она своим острием направлена против капитализма. Но даже те зародыши теории прибавочной стоимости, которые имеются в работах Рикардо, не могли не доставить больших хлопот буржуазным экономистам. Когда после 1830 г. «пробил смертный час для научной буржуазной экономии» (Маркс), когда вульгарная апологетика все сильнее начала вытеснять последние остатки объективного анализа, тогда все больше теория Рикардо начала вызывать беспокойство среди вульгарных экономистов. Весьма остроумно сформулировал причины растущего недоверия к Рикардо неизвестный русский рецензент перевода Рикардо, сделанного Зибером, и перевода некоторых работ Родбертуса: «Не говоря о строгой научности взглядов Рикардо и Родбертуса, их сочинения имеют еще ту побочную, но по нынешнему времени очень важную цену, что оба названные писателя стоят вне всяких подозрений по части благонадежности. Рикардо — богатый банкир и основатель буржуазной, или классической политической, экономии, Родбертус — крупный землевладелец по общественному положению и консерватор по политическим убеждениям. Это не Марксы и Лассали, состоящие в подозрении. И если тем не менее эти состоящие и не состоящие в подозрении люди сходятся на известных теоретических положениях, то уже это одно совпадение намекает, что здесь-то именно и лежит истина»².

Буржуазная политическая экономия выбрала два метода обезвреживания «подозрительной» теории Рикардо: метод полной дискредитации Рикардо и метод признания его и вместе с тем выхолащивания всяких научных элементов из его теории. Остановимся на наиболее характерных представителях обеих тенденций.

Представители разных вульгарных направлений делали очень резкие выпады против Рикардо. Пальма первенства по части резкости критики принадлежит Кэри, который рисует Рикардо в роли опасного мятежника и бунтаря, в роли поджигателя гражданской войны. «Система Рикардо, — писал Кэри, — есть си-

¹ Маркс, К критике политической экономии, изд. 1932 г., стр. 82—83.

² «Отечественные записки», 1882 декабрь, стр. 2М.

стема вражды и стремится возбуждать войну как между сословиями, так и между нациями... Сочинение его есть настольная книга для демагога, стремящегося к власти путем войны, грабежа и присвоения. Его учение несовместимо с тем, что мы познаем посредством изучения правильно наблюдаемых фактов, и несостоятельно само по себе. Так что чем скорее оно будет опрокинуто, тем выгоднее это в интересах землевладельца и нанимателя, мануфактуриста и механика и вообще всего человечества». Обвинения Кэри были настолько несуразны, что не могли получить поддержки даже в вульгарной политэкономии. Основное обвинение Рикардо шло по линии того, что он оказал губительное влияние на развитие политэкономии, что он направил ее по неправильному пути. Весьма резко сформулировал это обвинение один из основателей «математической» школы Дживонс. «Способный, — писал он, — но обладавший нескладной головой человек, Рикардо направил колесницу экономической науки по ложному пути».

Рикардо обвиняли в том, что он внес лишь путаницу в экономическую науку. Весьма решительно высказывался в этом духе Ингрэм. Для того чтобы показать, что Рикардо стоит бесконечно ниже Адама Смита, Ингрэм указывает, что «труд Рикардо, как вклад в науку о человеческом обществе, во всяком случае не выдерживает самого поверхностного сравнения с «Богатством народов».

Для того чтобы сильнее дискредитировать Рикардо, некоторые экономисты старались доказать отсутствие всякой оригинальности в его работах. Например Гасбах писал, что «все, что он (т. е. Рикардо. — И. Б.) предлагает, представляет чужую духовную собственность».

В своих попытках дискредитации учения Рикардо некоторые экономисты не останавливались перед тем, чтобы облить помоями его личность. Наиболее сгущены нападки против Рикардо в этом направлении в работе Адольфа Гельда *Zwei Bücher zur Sozialen Geschichte Englands*.

Мы не будем останавливаться на критике всех этих многочисленных «мошек», пытающихся облять Рикардо. Маркс неоднократно отмечал научную добросовестность Рикардо. «Если понимание Рикардо, — писал Маркс, — в общем соответствует интересам промышленной буржуазии, то только потому, что ее интересы совпадают с интересами производства или производительного развития человеческого труда и постольку, поскольку совпадают. Где интересы производства и производительной силы труда вступают в противоречие с интересами буржуазии, Рикардо столь же прямолинейно выступает против буржуазии, как в других случаях против пролетариата и аристократии»¹.

Наряду с попытками дискредитации Рикардо в буржуазной литературе имеются еще более многочисленные попытки нарядить его в тогу самого рядового вульгарного экономиста. Неспособные к диалектической постановке вопроса, буржуазные экономисты не понимают, что наличие глубокой принципиальной разницы между учением Рикардо и Маркса не исключает преемственной связи между этими учениями. Историческая связь, существующая между экономическими теориями Рикардо и Маркса, слишком режет буржуазный глаз. Отсюда всяческие попытки замазать эту связь, оторвать Рикардо от Маркса. Весьма характерным для этих попыток является пользующийся большой известностью комментарий К. Дилья к «Основным началам» Рикардо. По мнению Дилья, Рикардо и Маркса связывает лишь то, что они не являются субъективистами в теории стоимости. «Указанный общий основной фактор всех объективных теорий ценности, а именно, что они считают возможным игнорировать эти субъективные определяющие начала, составляет главный пункт единомыслия между Марксом и Рикардо»². Но этим ограничивается общность Рикардо и Маркса. Затем начинаются глубочайшие расхождения: Рикардо рассматривается как представитель теории издержек производства, Маркс — как представитель теории трудовой стоимости. Неудиви-

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I, стр. 210, изд. 1931 г.

² К. Дилья, Комментарий к «Основным началам» Д. Рикардо, стр. 119.

тельно, что при такой постановке Диль считает возможным сделать следующий вывод: «Отклонения (теории Маркса от Рикардо — *И. Б.*) столь существенны, что единогласие имеет место лишь в частностях»¹. Вся эта линия на максимальный отрыв Маркса от Рикардо имеет определенный практический смысл. Это видно из следующего утверждения Дили: «Рикардо вообще никогда не выставлял теории прибавочной ценности; ее нет у него даже в зачатке. Не только для отдельных исключительных случаев», но и для важнейших явлений хозяйственной жизни Рикардо наряду с трудом придавал самостоятельное значение при определении ценности и другому фактору — капиталу»². Исходя из своей трактовки учения Рикардо, Диль критикует ту критику теории основного и оборотного капитала Рикардо, которую Маркс дает во втором томе «Капитала» (гл. XI). Если Маркс упрекает Рикардо в непоследовательности (в смешении деления на постоянный и переменный капитал с делением на основной и оборотный капитал), то Диль совершенно отрицает здесь всякое проявление непоследовательности со стороны Рикардо. «Именно разграничение между основным и оборотным капиталом служит показателем того, в какой мере самостоятельное значение при образовании ценности Рикардо придавал «капиталу» наряду с «трудом»³.

Диль можно поблагодарить за то, что он делает хоть одну маленькую уступку — он видит одну общую черту между Рикардо и Марксом, выражающуюся в том, что оба не были субъективистами. Однако не все буржуазные экономисты идут даже на эту уступку. Некоторые пытаются превратить Рикардо в субъективиста или во всяком случае в эклектика. Наиболее крупным представителем этой тенденции является Маршалл. Последний, ссылаясь на неясность изложения Рикардо, делает отсюда вывод: «Поэтому, если мы хотим его понять, мы должны его великодушно толковать, более великодушно, чем он сам толковал А. Смита»⁴. Маршалл так великодушно комментирует Рикардо, что уступает ему приоритет на целый ряд своих идей. По мнению Маршалла, Рикардо были известны все основные идеи теории предельной полезности. В частности Рикардо, мол, проводил различие между совокупной и предельной полезностью вещи⁵. То обстоятельство, что Рикардо имел неосторожность не изложить своей теории предельной полезности, Маршалл объясняет тем, что этот вопрос для Рикардо считался более ясным. Конечно при таком «великодушном» «комментировании» Рикардо (Маршалл рассматривает «Основные начала» как заметки, написанные для своих знакомых, как заметки, не претендующие на то, чтобы дать какую-то цельную концепцию) можно связать с какими угодно теориями.

Подлинный Рикардо как представитель теории трудовой стоимости неприемлем для современной буржуазной экономики. Поэтому она старается нарядить его в самые различные костюмы, загримировать и замаскировать его подлинное учение так, чтобы замазать опасное родство с Марксом.

Условия для знакомства русского образованного общества с учением Рикардо были совсем иными, чем условия для знакомства с учением А. Смита. Первые два десятилетия XIX в. были годами усиленного интереса в России к А. Смиуте. В официальном органе министерства внутренних дел «Санктпетербургском журнале» (август 1804 г., стр. 133—136) было дано изложение учения Адама Смита. По распоряжению министра финансов Васильева Политковский сделал перевод «Богатства народов» в 1804—1806 гг. За короткий период вышел целый ряд работ, излагающих теорию А. Смита. Так, в 1805 г. вышел учебник Х. Шлецера,

¹ Там же, стр. 119.

² Там же, стр. 98.

³ Там же, стр. 101.

⁴ Marshall, Principles of economics, p. 813.

⁵ Ibid. 814.

записанный всецело в смитовском духе. В 1807 г. вышла книга Герреншанда (изданная «по высочайшему повелению») «О новейшем государственном хозяйстве», пропитанная идеями Смита. О «Феории Адама Смита» писал проф. Балудьянский в «Статистическом журнале» (1808 г.). В 1812 г. вышел перевод книги Сарториуса «Начальные основания народного богатства» в духе Смита. В 1817 г. проф. И. Нейман напечатал «Исследование правил политической экономии по системе Ад. Смита». Итак идеи Смита пропагандировались в целом ряде работ.

Огромный успех идей Смита в России в начале XIX в. объясняется рядом причин. Прежде всего это объясняется тем, что в «Богатстве народов» очень ярко выражены фритредерские идеи, которые соответствовали интересам господствующего класса крепостной России — помещичьего класса. Известную роль сыграло и то обстоятельство, что А. Смит не целиком освободился еще от влияния физиократической теории, он отдает некоторое предпочтение земледелию перед промышленностью. Описывая в третьей книге «Богатства народов» рост городов и их влияние на земледелие, А. Смит отмечает, что такой порядок является искусственным. Смит считает более естественным тот порядок, при котором развитие городов следует за развитием земледелия, а не наоборот. Такой порядок он в частности находит в Америке. Аграрные симпатии Смита должны были импонировать дворянству России. Наконец то обстоятельство, что Смит наряду с эзотерическим методом применял экзотерический, что у него причудливым образом переплетаются идеи трудовой стоимости с различными вульгарными теориями, должно было облегчить проникновение идей Смита в вульгаризованном виде в среду дворянской интеллигенции. Наиболее прогрессивные представители последней использовали также положение Смита о преимуществах «свободного» труда над принудительным (т. е. капиталистически организованного труда над рабским и крепостным) для борьбы с крепостным правом.

Совершенно иная обстановка была в России для проникновения идей Рикардо. Годы, следующие за изданием «Основных начал» Рикардо, были годами усиливающейся реакции в России. В связи с этим наблюдается затишье и в экономической литературе. Приблизительно с этого момента было запрещено писать по наиболее актуальному вопросу той эпохи — по вопросу, стоящему в центре всех экономических споров, по вопросу о крепостном праве. Наиболее передовые люди той эпохи и в частности наиболее образованные среди экономистов, Н. Тургенев и Пестель, очевидно не успели познакомиться с экономическим учением Рикардо. Основная работа Н. Тургенева «Опыт по теории налогов» вышла первым изданием в 1818 г., вторым в 1819 г. Очевидно в ту эпоху иностранные книги не скоро получались в России. Во всяком случае Н. Тургенев не делает никаких упоминаний о Рикардо, который так много внимания уделил вопросам теории налогов. Приблизительно около 1820 г. Пестель написал свою черновую работу «Практические начала политической экономии» (опубликовано в «Красном архиве» за 1925 г., № 13). Пестель делает многочисленные ссылки на А. Смита, Сэя, Сисмонди, но ни разу не упоминает имени Рикардо.

Наступившая при Николае I реакция еще менее могла способствовать широкому знакомству русского читателя с экономическим учением Рикардо.

Теория последнего, как известно, своим острием направлена против землевладельческого класса. Это делало Рикардо совершенно неприемлемым для русского дворянства, которое играло руководящую роль в ту эпоху не только в области политики и экономики, но и культуры. В этом отношении не только А. Смит, но даже Сисмонди пришлось значительно больше ко двору помещичьей интеллигенции 20-х, 30-х, 40-х годов России. В наиболее влиятельном журнале той эпохи «Дух журналов» (издавался с 1815 до 1820 г.) печатались переводы из сочинений Сисмонди. Последний импонировал русским дворянам прежде всего своей защитой патриархального хозяйства. Его критика капитализма использовалась крепостниками для защиты положения о том, что крепост-

ным крестьянам живется значительно лучше, чем наемным рабочим. Русская промышленная буржуазия была в ту эпоху слишком слаба, для того чтобы претендовать на самостоятельную роль.

С этой точки зрения любопытно посмотреть отзыв о Рикардо, который дается в одном из наиболее старых русских учебников по политической экономии, Степанова¹. «Я, — пишет он, — осмеливаюсь упрекнуть Рикардо в другом гораздо значительном, недостатке, а именно, в том, что он чрезвычайно кажется холодным, равнодушным в своих мнениях о природе и человеке. От того в разных местах своего творения он представляется даже зловещим². В чем проявляется это равнодушие, по мнению Степанова? Для того чтобы ответить на этот вопрос, возьмем высказывание его по вопросу о ренте. «Одно из важнейших исключительных мнений Рикардо, — пишет Степанов, — это, что доход от земли последственно становится ужасным для потребителей. Мысль эта слишком прискорбна для человечества. Рикардо, при высоком уме, повидимому, был равнодушным наблюдателем явлений природы»³. В этих lamentациях Степанова чувствуется уязвленный классовый интерес дворянина-помещика.

Крупнейшим фактором, тормозившим знакомство более широких кругов русской интеллигенции с экономическим учением Рикардо, было усилившееся влияние западноевропейских вульгарных экономистов. Очень скоро, приблизительно после 1815 г., монопольное прежде влияние А. Смита начинает вытесняться все растущим влиянием Сэя. В 1816 г. Политковский (переводчик смитовского «Богатства народов») переводит книгу Сэя под заглавием «Сокращенное учение о государственном хозяйстве или дружественные разговоры, в которых объясняется, каким образом богатство производится, делится и потребляется в обществе». В том же 1816 г. была издана на русском языке другая книга Сэя «О торговом балансе». В 1817 г. был издан перевод книги Сэя «Об Англии и англичанах», в 1828 г. — «Начальные основания политической экономии» Сэя, в 1833 г. — его «Катехизис политической экономии». Таким образом к тридцатым годам русский читатель имел целый ряд переведенных работ Сэя. Около этого времени были переведены другие работы вульгарных экономистов, преимущественно французских, например Дроза «Политическая экономия» (1832 г.) и др.

При том огромном влиянии Сэя и других французских вульгарных экономистов на русскую академическую науку, которое устанавливается с 20-х годов, отношение к Рикардо было весьма прохладным. Весьма часто встречаешь критические вылазки против Рикардо с позиций господствующих вульгарных теорий. Так например Бутовский, автор первого «солидного» русского учебника по политической экономии (в трех томах под заглавием «Опыт о народном богатстве», 1847 г.) упрекает Рикардо в том, что он способствовал «к навлечению на нее (т. е. на политическую экономию. — П. Б.) столь несправедливого упрека в забвении начал нравоучения». Для того чтобы подкрепить свое возражение, Бутовский ссылается на авторитет... Дюнойе.

Вернадский, один из наиболее влиятельных русских экономистов 50-х годов, критикует Рикардо с позиций «сладчайшего экономиста» Бастиа. Весьма любопытна его оценка рикардовской теории ренты: «Эта теория принята была почти всеми английскими экономистами и долго считалась вообще непогрешительной. Только в последнее время явились опровержения и сомнения в верности заключений. Действительно, она не может вполне удовлетворить нас после тех фактических изысканий и теоретических замечаний, которым подверглась со стороны Бастиа, Карэ (т. е. Кэри. — П. Б.) и др. На нее должно смотреть более

¹ Т. Степанов, Записки о политической экономии, ч. I, 1844 г., ч. 2, 1848 г.

² Там же, ч. I, стр. XXXI.

³ Там же, стр. 300.

как на зародыш истинной теории владения, а не как на полное ее выражение»¹. По Вернадскому получается, что сильнее Бастиа... зверя нет.

Нужно отметить, что и передовые элементы тогдашней России не могли удовлетвориться учением Рикардо, который не дает критики капиталистического производства. Уже в 40-х годах чувствуется весьма заметное влияние западноевропейских утопических социалистов. Это влияние в экономической теории переплетается с влиянием Сисмонди как романтического критика капитализма. Одним из наиболее передовых экономистов 40-х годов был очень даровитый, к сожалению, рано скончавшийся В. А. Милютин. В своих замечательных статьях, написанных по поводу выхода в свет указанной выше книги Бутовского², В. Милютин обвиняет Рикардо в том, что он ограничил круг экономического исследования вопросами богатства, полезности, стоимости. «Отрешаясь от действительности и ее интересов, они (т. е. Рикардо и его ученики — И. Б.) вращались исключительно в сфере безжизненных абстракций и по большей части оставались чуждыми всем живым вопросам, шевелившим умы их современников и вытекавшим логически из экономической жизни европейских обществ»³. В. Милютин обвиняет Рикардо в том, что тот за производством не видел живого человека: «Если человек и являлся в науке, то являлся не как свободный производитель или потребитель, а единственно как машина, способствующая производству, как представитель той или другой производительной силы»⁴.

В конце 50-х и в 60-х годах, в годы усилившегося общественного движения, усиливается интерес и к Рикардо. Первая статья на русском языке, где о Рикардо говорилось не мимоходом, не вскользь как об одном из многочисленных представителей смитовской школы, где Рикардо уделяется очень крупное место, была статья Ю. Жуковского «Смитовское направление и позитивизм в экономической науке»⁵. Само заглавие статьи весьма характерно. Рикардо в работе Жуковского фигурирует лишь как один из смитианцев. Ю. Жуковский однако был совершенно неспособен понять дух учения Рикардо, которое он пытался изложить (в приведенной выше статье, а также в книжке «История политической литературы XIX столетия», т. I, 1871 г.). Если теория подлинного Рикардо была направлена против землевладельческого класса, то «теория» того же Рикардо в интерпретации Жуковского служила орудием апологетики земельной ренты. Такое толкование (с особым выпячиванием мальтузианских элементов в его теории) не могло способствовать глубокому усвоению идей великого автора «Начал политической экономии».

Итак, до 70-х годов, т. е. в течение больше полувека после выхода в свет «Начал политической экономии», в России не было ни одного перевода Рикардо, ни одной русской работы, излагающей его учение, ни одной серьезной критической статьи, посвященной Рикардо. Он оставался великим незнакомцем для русского читателя. При этих условиях ничего не было удивительного в том всеобщем незнании Рикардо, которое констатировал Зибер в своем предисловии к русскому переводу Рикардо 1873 г. «Мы убедились на основании многочисленных опытов, — писал Зибер, — что важнейшие части учения Рикардо в их взаимной последовательности и связи или совершенно неизвестны русской читающей публике или известны весьма недостаточно» (стр. XIII).

Зибери принадлежит честь первого серьезного исследования на русском языке о Рикардо — «Теория ценности и капитала Рикардо» (1871), о которой упоминает Маркс в предисловии ко второму изданию «Капитала». Эту работу он в

¹ Вернадский, Очерк истории политической экономии, 1858, стр. 155.

² «Современник», 1847 г., кн. 10, 11, 12.

³ Там же, кн. II, стр. 5.

⁴ Там же, стр. 6—7.

⁵ «Современник», 1864, кн. 10 и 11.

переделанном виде выпустил в 1885 г. под заглавием «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях». Зибер дал весьма добросовестную для буржуазного экономиста трактовку экономического учения Рикардо и Маркса. Как буржуазный экономист Зибер не мог уловить в марксизме основного — его революционной материалистической диалектики. Поэтому он не мог уяснить всей значимости переворота, произведенного Марксом, не мог уяснить всей глубины различия между Марксом и Рикардо. Зибер, с одной стороны, «марксизирует» Рикардо, не видит его противоречий, которые отражали реальные противоречия, с другой стороны, по отношению к Марксу в том виде, как его изображает Зибер, применимо определение Бонара: Маркс был большим рикардianцем, чем сам Рикардо.

Если Диль отрицает даже наличие зародыша теории прибавочной стоимости у Рикардо, то Зибер впадает в другую крайность — он устанавливает у Рикардо развернутую, законченную теорию прибавочной стоимости. «В только что изложенном учении Рикардо мы встречаем, — пишет Зибер, — уже вполне отчетливое решение всех задач, находящихся в связи с вопросом о происхождении чистого дохода из производительности труда, при условии купли-продажи рабочей силы... Что же оставалось автору «Капитала» прибавить к этому, помимо более точной, подробной и понятной формулировки? А только то, что производительность труда наемного рабочего не есть явление, существующее вне условий пространства и времени, а составляет результат приложения прибавочной работы в течение прибавочного времени для создания прибавочной ценности или продукта. Не знаем, нужно ли после этого доказывать, что если бы А. Смит и Рикардо сказали А, то Марксу предстояло сказать Б»¹.

Работа Зибера о Рикардо осталась первой и единственной серьезной монографией на русском языке, посвященной великому экономисту, написанной в период до Октябрьской революции.

В 1873 г. вышел первый русский перевод Зибера «Начал политической экономии», а в 1882 г. он выпускает перевод «Сочинений» Рикардо (включая не только «Начала», но и его статьи). Эти переводы составили крупное событие в русской экономической литературе. На тусклом сером фоне тогдашней русской экономической литературы выход в свет переводов Рикардо должен был ощущаться как нечто оживляющее, бодрящее.

Русские профессора той эпохи не набили себе руку на вульгаризации Рикардо, на искусстве превращения его в дюжинного представителя вульгарных теорий. В рецензиях той эпохи прямо писалось о связи Рикардо и Маркса. Об этой связи весьма остроумно писал упомянутый выше неизвестный рецензент «Отечественных записок». Об этой связи открыто (и без всяких упреков) писал неизвестный рецензент крупнейшего либерального журнала той эпохи «Вестника Европы» (1883 г., кн. 10, стр. 823). «Из положений Рикардо выведены существенные основы новейшего научного социализма, представляемого К. Марксом и его последователями, что не мешает однако социалистам нападать на отдельные взгляды и принципы английского теоретика». Это «однако» восхитительно. Неизвестный рецензент намекает на неблагодарность социалистов по отношению к Рикардо.

Следующий русский перевод «Начал политической экономии» был издан только через 26 лет — в 1908 г. (если не считать сокращенного и весьма неудачного перевода с французского, сделанного для библиотеки экономистов, изд. Солдатенкова). Такой длительный срок, потребовавшийся для переиздания перевода Рикардо, не говорит о наличии очень интенсивного интереса к последнему.

¹ Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, 1885, стр. 357—358.

Сам Зибер не обольщался на этот счет большими надеждами. В своем предисловии к переводу Рикардо (изд. 1873 г.) он пессимистически заявляет: «Насколько будет он (т. е. перевод. — *И. В.*) читаться — это, конечно, вопрос, на который даже приблизительно не сумеют ответить не только переводчики, но, полагаем, и самые опытные из русских издателей. Вкусы нашей публики удивительны и изменчивы: сплошь да рядом читаются у нас книги, самый вопрос о пользе издания которых на русском языке является более нежели спорным, и, наоборот, множество хороших и полезных книг зачастую обременяет собой по целым годам шкафы наших столичных и провинциальных книжных магазинов (предисловие к изд. 1873 г., стр. XIII). Пессимизм Зибера имел под собой некоторые основания. У нас есть одно косвенное показание о том, как медленно расходилось издание перевода Рикардо. В рецензии на издание сокращенного перевода «Начал» Рикардо для библиотеки экономистов (Солдатенкова), напечатанной в «Русском богатстве» в 1895 г. (№ 13, стр. 41), сказано: «Полный перевод Рикардо был издан в 1882 г. и, сколько нам известно, до сих пор не разошелся». Итак за 13 лет перевод сочинений Рикардо не успел разойтись. Как это странно звучит для нашей эпохи, когда громадные тиражи классиков расходятся в течение нескольких месяцев!

Любопытно сравнить рецензии на переводы Рикардо 1882 и 1908 гг. Это сравнение проливает свет на эволюцию отношения к Рикардо. В рецензиях 1882 г. открыто указывается на связь Рикардо и Маркса. В рецензиях 1908 г. эта связь старательно обходится. В этом отношении очень характерна рецензия одного из виднейших русских буржуазных экономистов В. Дмитриева на перевод 1908 г.¹ В предисловии к этому переводу отмечается актуальность изучения Рикардо в свете революции 1905 г. Это робкое замечание переводчика вызывает гневную тираду со стороны рецензента. Вряд ли была надобность, пишет он, «прибегать для оправдания своевременности появления нового издания Рикардо к весьма натянутому и совершенно необоснованному указанию на близкое отношение, якобы существующее между идеями Рикардо и современным моментом русской революции» (см. предисловие). Дмитриев протестует также против всяких попыток указать на классовые корни рикардианской теории. Он считает необоснованной попытку доказать, что теоретические построения Рикардо вовсе не так абстрактны, как это принято думать, и стоят на самом деле в самой тесной связи с конкретными условиями современной ему действительности «Мы, — спешил заявить Дмитриев, — вообще относимся весьма отрицательно ко всем попыткам объяснить теоретически взгляды того или иного писателя влиянием исторических условий, в которых ему приходилось жить и действовать». Малейшие попытки материалистически истолковать Рикардо действуют на Дмитриева, как красный платок на быка. Он приходит в бешенство. В общем Дмитриев своим примером показывает, что русская академическая наука начала текущего столетия оказалась на уровне Западной Европы в деле фальсификации и вульгаризации учения Рикардо.

Пророк бурного роста производительных сил в капиталистической форме, подлинный Рикардо оказался не по плечу пигмеям вульгарной политической экономии. Крупнейшего экономиста, положившего серьезное начало теории трудовой стоимости, они пытаются превратить в карлика, излагающего обыденную теорию издержек производства. Развернутое изучение подлинного Рикардо стало возможным только в стране социализма, который так категорически отрицал великий английский экономист. Такова диалектика истории — классик буржуазной экономии сделал немало, для того чтобы облегчить работу классиков пролетарской экономии, в первую очередь Маркса. Огромный, все растущий интерес к

¹ «Критическое обозрение», 1908, вып. IV, IX, стр. 54—55.

Рикардо в нашей стране составляет полную противоположность тому отсутствию интереса к Рикардо, которое характерно для последнего периода в буржуазных странах, в связи с ростом всяких мистических и т. п. теорий¹. С этой точки зрения новое издание «Начал политической экономии» (являющееся в значительной мере перепечаткой издания 1929 г.) большим тиражом в 20 тыс. экземпляров представляет очень положительный факт. На очереди — издание статей Рикардо и в особенности его писем, которые ни разу не выпускались на русском языке.

¹ За годы послевоенного капитализма темпы издания «Начал» Рикардо резко снизились. Так, в Германии перевод Рикардо издавался в 1821 г. (перевод Шмидта), в 1837—38 гг. (Перевод Баумштарка), в 1877 г. (перевод Баумштарка), в 1905 г. (выправленный Дилем), в 1923 г. (перевод Вентинга). С 1923 г. больше переводов не издавалось. На родине Рикардо — в Англии — после 1821 г. (когда вышло третье издание) «Начала» издавались в 1843, 1891, 1895, 1908, 1912, 1929 гг. И здесь в послевоенные годы мы имеем значительное замедление в деле издания Рикардо.

В. В. Савин, Основы экономики социалистической торфяной промышленности, изд. ОНТИ НКТП СССР, 1935 г., стр. 239, тираж 1200 экз., ц. 6 руб.

В последние годы было несколько попыток создания учебников по отраслевой экономике. Но эти попытки, как отмечалось в печати, оказались неудачными. Под прикрытием марксистской фразеологии преподносился букет схоластической болтовни, случайно подобранных материалов, а подчас и «вольные» рассуждения, извращающие политику партии в важнейших вопросах развития промышленности.

Значительный интерес представляет, разумеется, попытка создания учебника по экономике торфяной промышленности. Огромная роль торфа в развитии производительных сил страны и отдельных районов вытекает из того, что он является в ряде районов основным видом местного топлива и местной топливно-энергетической базой. Правильно поэтому делает В. Савин, пытаясь выявить тесную связь вопросов экономики торфа с общими вопросами топливного хозяйства и экономики промышленности.

В главе о естественных ресурсах торфяной промышленности автор систематизирует основные данные по торфяным и общим энергозапасам в разрезе их географического размещения. Он освещает роль отдельных районов в развитии торфяной промышленности.

Значительный материал собран автором в главе о значении торфяной промышленности в народном хозяйстве страны. Эта, как и главы, посвященные вопросам технической реконструкции и географического размещения торфяной промышленности, принадлежат к наиболее содержательным разделам работы. Автор освещает состояние торфяного хозяйства в дореволюционной России, состояние и условия развития торфяной промышленности в СССР и роль торфа в электрификации страны. Тут же дан анализ основных причин недостаточного развертывания добычи и использования торфа.

Однако серьезным недостатком в освещении этого вопроса является неполное выявление отрицательных моментов в работе торфяной индустрии. Этот анализ должен был быть более подробным и тесно увязанным с постановлениями партии и правительства о Донбассе и о ж.-д. транспорте, которые имеют и к торфяной промышленности самое непосредственное отношение.

В главе об основных проблемах технической реконструкции торфяной промышленности помимо общих вопросов освещены наиболее актуальные, практические вопросы технической реконструкции: о новых освоенных способах добычи торфа, внедрении фрезеформовочных машин и торфяных комбайнов, реконструкции элеваторного способа и внедрении гидроэлеваторного. Освещены также некоторые вопросы механизации производственных процессов (сушка, уборка и подготовительные операции), проблемы обезвоживания и вторичной переработки торфа.

Автор показывает, что в торфяной индустрии произошли за последний период решающие изменения. На основе гигантских успехов социалистической индустриализации и внедрения достижений советской научно-технической мысли торфяная промышленность поднялась на уровень современного механизированного и

электрифицированного производства, добилась механизации основных процессов и изменения профиля торфяной индустрии.

Несмотря на содержащийся в этой главе значительный материал, серьезным недостатком ее является слабое освещение вопросов освоения торфяной техники.

Остальные главы посвящены основным фондам, проблемам себестоимости, труда и кадров. В них освещены некоторые вопросы динамики основных фондов, эффективности капиталовложений, амортизации и др.; вопросы уровня, структуры и динамики себестоимости; вопросы производительности труда и кадров и т. п.

Уровень и полнота освещения затронутых в книге вопросов различны. Правильно освещены отдельные стороны техники производства и технической реконструкции, хотя автор и прошел мимо ряда вопросов и не в полной мере учитывает основные проблемы технической реконструкции торфяной индустрии. Значительно хуже обстоит там, где В. В. Савин пытается дать экономический анализ и самостоятельную оценку вопроса.

Автор настойчиво пытается доказать, что он делает попытку «заложить основы, начало новой научной дисциплины, изучающей торфяную отрасль нашей социалистической промышленности» (стр. 8). Он делает упор на то, что экономика торфяной отрасли должна заниматься разрешением теоретических проблем, лишь мимоходом разрешая отдельные вопросы практики. Автор считает, что так как торфяная экономика является «теоретической дисциплиной», то практические вопросы отраслевой экономики «...не являются основными, центральными...» (стр. 17).

К сожалению в этой только что вышедшей книге все цифры за редким исключением кончаются 1932 г. Анализ устарелых данных без учета живого опыта работы торфяной промышленности за 1933—1934—1935 гг. приводит автора к ряду грубейших ошибок.

Так, в главе «О себестоимости» автор пишет: «Таким образом, если по всей социалистической промышленности мы имеем тенденцию к понижению себестоимости..., — то в торфяной промышленности наблюдается совершенно обратная тенденция» (стр. 170).

И дальше в той же главе: «...за все годы социалистической реконструкции торфяная промышленность имеет постоянное возрастание себестоимости ее продукции не только по средним сводным показателям, но и по каждому отдельному виду готовой продукции» (стр. 170—171).

Автор в данном месте указывает, что «...в 1931 г. фактические данные превышают плановые в гораздо большей мере, чем это имеет место в 1932 г., т. е. фактическая себестоимость в последний год пятилетки в большей степени приближается к плановой, чем фактическая стоимость торфа в предыдущем году» (стр. 191). Но он спешит предупредить читателя, что «...указанную здесь тенденцию приближения фактической себестоимости к плановой нужно отнести не столько к достижениям торфяной промышленности в области борьбы за снижение издержек производства, сколько к «достижениям» планирования себестоимости» (стр. 192).

Борьба за снижение себестоимости в торфяной промышленности не всегда велась с той настойчивостью и решительностью, как этого требовала партия, в этой борьбе имелся ряд недочетов. Но это не дает автору права делать те выводы, которые мы привели выше.

Средняя себестоимость тонны торфа с 21,51 коп. в 1933 г. спустилась до 20,28 коп. в 1935 г. Эта сумма включает также хлебную прибавку в размере 3 руб. на каждую тонну. Это означает, что фактическая себестоимость снизилась на 4,23 коп.

Разумеется, эти цифры еще весьма неудовлетворительны. Резервы торфяной промышленности в области снижения себестоимости очень значительны. Но следует в то же время учесть, что торфяная промышленность осваивает ряд новых способов добычи (добыча производится шестью способами) и снижение себестоимости коснулось всех способов добычи. Исключение представляет крайне трудоемкий резной торф, в добыче которого имеется много существенных недо-

статков в деле организации труда. Но удельный вес добычи резного торфа с 1,7% в общей добыче 1933 г. упал до 1,0 в 1934 г., а в 1935 г. составляет лишь 0,6%, и следовательно о решающей роли его в торфяной промышленности не может быть и речи.

Между тем В. Савин утверждает, как мы видим, что возрастание себестоимости продукции касается не только сводных показателей, но и всех видов готовой продукции.

Интересны в этой связи данные по отдельным элементам себестоимости.

В 1933 г. расходы на вербовку составляли на тысячу рублей готовой продукции 116 руб. 30 коп., а в 1935 г. — 86,7 коп. Общецеховые расходы с 444 руб. 9 коп. сократились до 271 р. 9 к. Расходы на материалы составляли в 1933 г. на тонну торфа около 56 руб., а в 1935 г. — 39 р. 6 к. Расходы по цеховой заработной плате на тысячу рублей продукции составляли в 1933 г. 70 руб., а в 1934 г. — 63 р. 9 к., а по административно-управленческому аппарату вместо 91 руб. в 1933 г. 63 р. 1 к. в 1934 г. 1.

Но «афоризмы» автора не ограничиваются вопросами себестоимости. Автор идет дальше. Он указывает, что если для всей промышленности характерна тенденция роста эффективности использования основных фондов, то в торфяной промышленности имеет место «обратная тенденция» (стр. 97). Автор пишет: «...для торфяной промышленности пока что характерна закономерность снижения производительности всей ее материально-технической базы и в частности всех основных фондов в целом» (стр. 97, разрядка моя. — М. Ф.).

Ошибочность подобного утверждения очевидна. Элементарна истина, что социалистическая торфяная промышленность не имеет отличных от всей социалистической промышленности закономерностей. Даже при наличии существенных недостатков, бесспорно имеющих в деле использования основных фондов торфяной индустрии, нельзя конечно говорить о каких-то особых «закономерностях», присущих торфяной индустрии.

Корни же этих недостатков в работе торфяной промышленности кроются в первую очередь в трудностях процесса освоения новой торфяной техники, слабом внимании к задачам создания постоянных технических и рабочих кадров, кустарщине в работе, совершенно недостаточном внимании к вопросам организации труда и использования механизмов. Между тем, в условиях торфяного производства, являющегося в частности особо трудоемким процессом, эти моменты сыграли очень серьезную роль.

Торфяная промышленность имеет все возможности для повышения эффективности использования основных фондов. «Главнейшей задачей в области торфодобычи является усиленное развитие и применение стахановских методов работы к наличным механизмам торфяной промышленности, так как только это может обеспечить лучшие условия работы торфяной промышленности и помочь изжить недостаток в рабочей силе, который будет ощущаться торфяной промышленностью постоянно до тех пор, пока у нее во многих предприятиях будут преобладать кустарные методы»².

Для теоретического уровня характерны следующие высказывания автора: «Известно, — говорит он, — что стоимость продукта определяется не тем, какова его потребительская стоимость, а тем, сколько на производство затрачено общественного труда. Это так, потому что труд в разных условиях имеет и различную производительность. Все это классически объяснено и доказано в учении Маркса о дифференциальной ренте» (стр. 165).

¹ Эти, как и последующие, цифровые данные получены нами в Главторге.

² В. И. Межлаук. Доклад о народнохозяйственном плане на 1936 г. на 2-й сессии ЦИК Союза ССР, «Правда» 21/1 1936 г.

Касаясь проблем амортизации, автор говорит: «Амортизацией называется процесс превращения через производственное снашивание основных форм в денежную форму, которая, накапливаясь, обеспечивает восстановление основных фондов» (стр. 100).

Торфяная промышленность успешно разрешила ряд серьезных технических проблем, осваивает ряд новых методов добычи и переработки торфа, проводит дальнейшую механизацию производства. Но в области торфяной промышленности весьма значительны еще «издержки» освоения. Много еще предстоит поработать над вопросами механизации торфяного производства. Слабо еще поставлены изучение и использование ценного опыта других смежных отраслей промышленности. Весьма важным по сей день является в торфяной промышленности изучение технического опыта этой отрасли промышленности в капиталистических странах. Между тем автор этим весьма важным вопросам не уделяет надлежащего внимания. Очень мало говорится в книге о вопросах освоения техники. Но зато имеются вредные элементы технического зазнайства. Автор отрицает существование торфяного производства как отрасли промышленности в условиях капитализма. Он пишет: «...торфяная промышленность в подлинном значении этого слова, т. е. как крупное промышленное производство, является промышленностью только социалистического хозяйства, промышленностью, не находящей соответствующего места в капиталистической хозяйственной системе...» (стр. 15). Нет слов, только в условиях социалистического хозяйства возможно действительное разрешение торфяной проблемы. Только социалистическая торфяная промышленность смогла практически поставить перед собой и реализовать задачи внедрения в торфодобычу и торфоиспользование ряда новейших технических достижений западноевропейской и советской торфяной техники. Но несмотря на слабое по сравнению с нами развитие торфяной промышленности в большинстве капиталистических стран, вряд ли полезно пренебрежительное отношение к вопросам использования новейшего технического опыта торфяного производства в ряде капиталистических стран. Во всяком случае автор не обосновал подобного отношения. Приведенные им цифры о капиталистической торфяной промышленности мало убедительны, ибо например цифры добычи торфа в капиталистических странах ограничиваются 1926 г. Небольшие масштабы добычи торфа в ряде капиталистических стран не исключают возможности на некоторых участках отдельных крупных технических усовершенствований, лучшие из которых должны быть нами использованы.

Говоря о достижениях в области рационализации процессов топливосжигания, автор ограничивается утверждением, что в этой области «...Советский союз уже стоит на уровне американской техники» (стр. 75). Между тем и на этом участке, несмотря на исключительные достижения в области рационализации теплового хозяйства, нашим энергетикам еще немало надо поработать над проблемами рационализации топливосжигания, чтобы достигнуть той эффективности в степени рационализации, какой добились на некоторых передовых станциях Соединенных штатов и Западной Европы.

Мы не касаемся ряда других вопросов. Весьма странным например является данное автором объяснение различий в темпах роста производительности труда торфяниц и торфяников. Так автор говорит, что «...резкое различие в темпах роста производительности труда торфяниц и торфяников объясняется особенностями технической реконструкции в торфяной промышленности» (стр. 200). Как будто механизация влияет понижающе на производительность женского труда! В книге много общих рассуждений, выходящих за пределы вопросов торфяной промышленности. Но вместе с тем в книге обойден ряд коренных вопросов торфяной индустрии.

Совершенно недостаточно показаны автором роль торфа и значение его как богатого комплекса сырья. Из этого недостаточного показа комплексного характера торфяного сырья вытекает и другой недостаток — слабое освещение

проблемы комбинирования в торфяной промышленности и связь ее с другими отраслями.

Известно, что торфодобыча является одним из трудоемких производств. Механизация решает успех торфопроизводства. Но в книге нет даже главы о механизации. Вопросы механизации освещены поэтому недостаточно и несколько разбросанно. Известно далее решающее для торфодобычи значение транспортного хозяйства, плохая работа которого служила одной из основных причин невыполнения рядом торфяных районов производственных планов. Но и проблема транспорта оказалась обойденной. Даже в главе о себестоимости, в которой автор указывает, что транспортные расходы составляют решающую статью себестоимости, полностью обойдены вопросы транспорта, ибо это, говорит автор, «дело самостоятельного труда»!

Исключительное значение имеет для торфяной промышленности постановление партии и правительства о Донбассе и перестройке транспорта. Но об этих постановлениях он упоминает лишь вскользь.

Очень остро стоит в торфяной промышленности проблема кадров. Эта отрасль промышленности отличается весьма слабой насыщенностью техническими кадрами, но в главе о рабочих кадрах (размером—4—5 страниц) главное внимание уделено лишь проблеме вербовки, а вопрос подготовки постоянных рабочих кадров, вопросы текучести, организации труда и т. п. обойдены.

В торфяной индустрии накопился весьма значительный опыт, имеющий значение не только для торфяной, но и для других отраслей промышленности. Выросли и кадры, которые могут и должны обобщить этот опыт и создать удовлетворяющий потребностям подготовки кадров учебник по отраслевой экономике.

Louis Mumford, Technics and Civilisation. New York, Harcourt Bracc and C^o, 1934, 2-d ed., 495 p.

Автор книги Мемфорд, профессор социологии в Колумбийском университете, представляет собою заметную фигуру в научном мире США. В прошлом редактор «Sociological Review» (Лондон), автор «Истории утопий», он с 1932 г. является членом технической гугенгеймовской ассоциации и секретарем Региональной плановой ассоциации США. В своих прежних работах он защищал идеи планового городского благоустройства и всестороннего оздоровления жизни путем усиления «органического начала» в современной культуре. Внешняя «радикальность» Мемфорда — результат растерянности буржуазного ученого, не видящего выхода из тупика, в который зашел капитализм.

Настоящая работа была написана в 1930 г., в эпоху «всемирного экономического краха», по выражению автора (стр. 264). Угроза крушения капиталистической системы, тождественная для Мемфорда с «разрушением всего строя нашей цивилизации» (стр. 320), заставила автора подвергнуть критическому анализу весь современный ему строй с технической и экономической точек зрения. Целью этого исследования должны были явиться «практические предложения по переориентировке нашей цивилизации» (стр. 6).

Автор находится под сильным влиянием В. Зомбарта (и частично Шпенглера), с одной стороны, Т. Веблена и В. Брэнфорда — с другой. Сам же он считает себя в этой и прежних работах последователем в первую очередь шотландского биолога Патрика Геддеса (стр. 475).

Следует особо остановиться на отношении Мемфорда к Марксу. На Маркса в книге сделано ссылок больше, чем на кого-либо из перечисленных авторов.

Мемфорд отмечает «социологическую проникновенность» Маркса, считает «Капитал» «первым достойным истолкованием современного общества» (стр. 464) и т. д.

Тем не менее марксизм так же далек от писаний нашего автора, как небо от земли. Классовая природа буржуазного профессора не дает ему возможности даже понять Маркса.

Философия истории Мемфорда в основном сводится к следующему: важнейшим элементом общественного строя является «технологический комплекс», присущий данной эпохе.

Влияние этого «комплекса» на надстройки у Мемфорда повсюду дано механистически. Производственные отношения или совсем выпадают из поля зрения Мемфорда, или им отводится второстепенная роль одного из элементов «окружающей среды» (environment). Мемфорд начинает свой анализ лишь с того времени когда «технологический комплекс» общества принял характер «машинерии» («the machineery») в широком смысле слова.

«Весьма длительная и многообразная подготовка современной машинной эры» начинается, по Мемфорду, с X в. Автор не согласен с учением Шпенглера о фаустовском духе как причине первых механических изобретений и называет

эти технические достижения «занесенными ветром семенами других культур» (стр. 108—109). Особенное значение в подготовке современной техники, по Мемфорду, играли механические часы, изобретенные к XIII в. Автор считает, что «часы, а не паровая машина были ключевой машиной (key machine) современной мышленной эры» (стр. 14).

Во всех этих рассуждениях Мемфорд обнаруживает полнейшее непонимание различий между механизмом (например часами) и машиной и между отдельной машиной и «машинерией» (машинной системой). Говоря об «агентах механизации», т. е. факторах, способствующих развитию «машинерии» после изобретения часов, Мемфорд наряду с развитием капиталистических отношений перечисляет (совсем в духе Зомбарта или Шпенглера) такие факторы, как «монастырская рутина, технические изобретения, протестантские строгости, магические изыскания и т. д.» (стр. 59).

Раз возникнув, «машинерия» проходит в своем развитии «три последовательных, но перекрывающих друг друга и взаимно проникающих фазы» (разрядка автора) — эотехническую, палеотехническую и неотехническую» (стр. 109). Хотя, выражение «палеотехника» введено еще П. Годдесом, но данная периодизация не является общепринятой даже у авторов, по установкам близких к Мемфорду. Так например у Веблена (the instinct of Workmanship) соответствующие эпохи называются «эра ремесла» и «эра машинной промышленности», причем последняя без всякого подразделения. Зомбарт также отправляется от совершенно иных признаков.

По Мемфорду, три фазы развития «машинерии» характеризуются в энергетическом и сырьевом отношении: первая — «комплексом воды и дерева», вторая — «комплексом угля (т. е. пара. — В. В.) и железа»; третья — «комплексом электричества и сплавов» (стр. 110).

Эта периодизация является поверхностной и решительно расходится с основными этапами развития экономики и техники. Игнорируя своеобразие общественных отношений, проявляющихся в технике того или иного периода, Мемфорд под названием «эотехники» объединяет совершенно разнородные типы техники расцвета феодализма (XI—XIV вв.) и мануфактурного периода (XVI—XVIII). «Палеотехника» хронологически как будто соответствует периодам промышленного переворота и промышленного капитализма. Но в дальнейшем Мемфорд устанавливает наличие «палеотехники» и в современном империализме. Хронологические рамки «неотехники» столь же расплывчаты.

Отсюда между прочим полное непонимание Мемфордом специфики советской техники, которую автор пытается разделить на «палеотехнику» и «неотехнику» и отождествить с одноименными «технологическими комплексами» капиталистических стран.

Анализу «эотехнической фазы», охватывающей 1000—1750 гг., посвящена глава III.

Основным (кроме указанного выше) дефектом этого анализа является (несмотря на особенно частые выдержки из «Капитала») совершенно неправильное изображение бурной эпохи первоначального накопления с ее кровавыми и грязными методами — в виде какого-то золотого века. Эта реакционная идеализация прошлого, заставляющая автора предвзято подходить к «эотехнике», губит ряд интересных экскурсов, содержащихся в III главе (о применении дерева, о стекловом производстве, о мельницах и т. д.). Автор например заявляет, что применение водяных мельниц обеспечило все «победы человеческого духа», «не прибегая к рабству» (стр. 118). И это несмотря на то, что как раз во второй половине этого периода началась эра плантационного рабства (с XVI в.), приведшего к вымиранию целых племен.

Далее Мемфорд сознательно почти ничего не говорит о роли пороха и огнестрельного оружия в деле подготовки капиталистического способа

производства, относя «орудия разрушения» наряду с орудиями пытки к «эффектам эотехнического хозяйства».

Для Мемфорда переход от «эотехнической» эры к «палеотехнической» является не закономерным историческим процессом, а несчастной случайностью, «прыжком в варварство» (стр. 154).

Для автора возникновение «горнопромышленной цивилизации» (как он называет капитализм XIX в.) с ее «черными районами» — Нью-Джерси, Питтсбурга и Рура, с ее дымом, смрадом, изможденными грязными рабочими и бездушными капиталистами в черных сюртуках является внезапным грехопадением и прежде всего грехопадением эстетическим.

Глава IV, посвященная анализу «палеотехники», рисует этот «технологический комплекс» и его влияние на положение рабочего класса в самых мрачных тонах. Но эта критика много выиграла бы в научности и последовательности, если бы она направлялась в первую очередь на общественный строй, а не на технику, не на «машинную систему». «Действительная значимость палеотехнической фазы, — заключает автор, — состоит не в том, что она произвела, а в том, к чему она привела: от эотехнического к неотехническому хозяйству».

«Неотехника» явилась, согласно Мемфорду, некоторым возвращением к «эотехнике», которой автор так сочувствовал. С хронологическими рамками «неотехники» дело обстоит неясно. Ее элементы в виде водяных турбин и электрических аппаратов оказываются одного возраста с «палеотехникой». Из дальнейшего однако явствует, что для «неотехнического комплекса» типичными являются гидроэлектростанции, радио, автоматическое производство, двигатели внутреннего сгорания и т. д. — словом, все то, что мы относим к эпохе империализма (считая ее с 1890—1900 гг.).

Но тут же перед автором, доказывавшим все время, что характер «технологического комплекса» определяет устройство общества, встает вопрос: почему же в капиталистических странах, где все перечисленные достижения давно вошли в жизнь, «неотехника» привела не к золотому веку, а ко все более растущему обнищанию трудящихся, кризисам и мировой войне?

Сначала Мемфорд пытается сгладить острые углы проблемы или даже уйти от нее. Неожиданно оказывается, что мировая война «явилась результатом палеотехнического режима» (стр. 165), хотя и велась уже в разгар «неотехнических» открытий.

Однако факты упрямы, и Мемфорду приходится отказаться от механистического взгляда на роль технологического комплекса и выдвинуть на первый план «социальное применение неотехники» (стр. 263).

«Как цивилизация мы еще не вошли в неотехническую фазу», — отмечает Мемфорд. «Мы просто использовали наши новые машины и виды энергии для дальнейшего развития процессов, начавшихся под знаком капиталистических и милитаристических начинаний» (стр. 265). «Мы продолжаем поклоняться богам-близнецам — Маммону и Молоху, не говоря уже о более адских диких племенных богах» (стр. 264). «Новая техника, — говорит автор, — «кристаллизуется» в старых формах». — Мемфорд неспособен дать сколько-нибудь вразумительное объяснение законов такой «кристаллизации». Он отделяется взятой у Шпенглера геологической аналогией. В геологии, мол, тоже иногда при сохранении внешнего вида горной породы последняя наполняется новыми составными частями и становится «псевдоморфом».

Мы-то знаем, что для империализма, являющегося высшей стадией капитализма, описанное выше использование техники является отнюдь не «псевдоморфным», глубоко органичным, что монополии порождают тенденцию к загниванию. Мемфорд же, критикующий наиболее кричащие противоречия капитализма, упорно старается доказать читателю, что сам по себе этот строй хорош, но временно пошел по ложному пути. Однако заблудший капиталистический грешник может

вновь приобщиться к праведной жизни. Профессор Мемфорд спешит предложить капитализму еще один (который по счету?!) рецепт спасения. Эта конкретная программа уничтожения всех противоречий капитализма при сохранении самой системы излагается в последней главе, носящей название «Ориентация».

Бездушная «машинерия» должна быть реформирована. В ней таятся, — вещает Мемфорд, — всяческие опасности, «возникшие из самого существа машинерии и ее особой связи с военным делом, горным делом и финансовым капиталом» (стр. 367). Здесь опять-таки характерно сведение финансового капитала к одному из факторов свращения «машинерии» с пути истинного наряду с горным делом, которое Мемфорд ненавидит как таковое (из эстетических соображений) независимо от строя, которому оно служит.

По Мемфорду, следующая ступень технического развития должна быть более «органической и глубоко человеческой». Она явится завершением «неотехники» и получит имя «биотехники». Но в качестве предпосылки для ее достижения Мемфорд, этот респектабельный секретарь капиталистической Плановой ассоциации, предлагает не более не менее как введение «коммунизма»!

Но не изумляйтесь, читатель. Речь идет об особенном коммунизме, приемлемом даже в салонах «просвещенных» буржуа. По словам Мемфорда, его коммунизм далек от «мессианского абсолютизма и узкой воензированной тактики, за которую цепляются официальные коммунистические партии» (подчеркнуто автором), а также не следует «политическим методам и социальным учреждениям Советской России, как бы ни были достойны восхищения советские мужество и дисциплина». Отмахиваясь с благочестивым ужасом от программы «официальных коммунистических партий», Мемфорд в то же время не может полностью игнорировать отличия общественных условий в СССР от условий других стран. Так, он отмечает: «Советская Россия сделала великолепную попытку уничтожения денежных норм и интересов» (стр. 264) и т. д. Однако революционного своеобразия советской социалистической системы в целом, своеобразия путей развития нашей техники он не понимает, не может и не хочет понять. По мнению автора, у нас имеется «то же смешение и переплетение» «палеотехники» и «неотехники», «что и везде» (стр. 264). Он считает «палеотехническими» «пережитками» наши заводы-гиганты и тракторный парк социалистического земледелия, так как они портят воздух, или метро, так как оно усугубляет скученность (?! — В. В.) в Москве» (стр. 264). Можно себе представить, как отнесся бы Мемфорд к стахановскому движению, возникшему в такой «палеотехнической» отрасли, как горное дело. Несомненно отрицательно, так как для Мемфорда каменноугольная промышленность как таковая представляется злом. Эстетствующий профессор договаривается до того, что «принимает» (выдавая свидетельство в благонадежности) лишь советские гидростанции, зеленые насаждения в городах, меры по охране труда и еще некоторые моменты. Хотя автор пытается остаться в пределах чисто технического анализа, но, уподобляя наше производство капиталистическому производству XIX в., он перекликается с нападками на наше строительство со стороны контрреволюционеров всех мастей; включая сюда и троцкистов.

Он предлагает нечто иное — специально изобретенный им «бейзик-коммунизм» (basic communism) (стр. 403). Мемфордовский «коммунизм» должен, по замыслу изобретателя, разрешить все коренные проблемы производства и распределения. Он заключается между прочим в «политическом контроле над производством». Иначе говоря, предполагает «собственность (государства. — В. В.) на землю, капитал, кредит и машины». Мемфорд прибавляет: «Конечно это означает революцию, будет ли последняя гуманной или кровавой, разумной или зверской (brutal), совершится ли она гладко или путем ряда яростных толчков, ударов и катастроф, — все это зависит в значительной степени от умственного уровня и моральных качеств теперешних руководителей промышленности и их оппонентов»

(стр. 421). Всерьез ли ставит Мемфорд вопрос о революции? Конечно нет. Он только пугает финансовую олигархию призраком восстания масс. Мемфорд напоминает тех высмеянных Брюсовым «товарищей интеллигентов», которые в своих кабинетах «гадали — в огне ль, на дыбе ль погибнет старая Европа» и в ужасе разбежались при первых раскатах революции (а многие безоговорочно стали в ряды защитников старого строя, — добавим мы). Иначе, Мемфорд ставил бы вопрос о движущих силах революции, о диктатуре пролетариата и о многом другом, чего наш катедер-«коммунист» тщательно избегает. Тогда он не противопоставлял бы «зверское», «кровавое» выступление масс «гуманному» и «разумному» реформизму своих единомышленников, как зло добру. Поэтому весьма обстоятельные рассуждения Мемфорда об устройстве будущего общества выглядят по-маниловски. Никакого реального пути к реализации намеченных планов не указано.

К слову сказать, поразительно, до чего бедно воображение автора «Истории утопий» при описании будущего «бейзик-коммунизма». Даже человеческие потребности, по Мемфорду, будут осторожно расти лишь до определенного уровня, а затем стандартизуются, и человечество займется моральным самоусовершенствованием (стр. 395—399).

Таким образом на деле «бейзик-коммунизм» является не чем иным, как новым вариантом того «социализма в англо-саксонском смысле», о котором Герберт Уэллс говорил с т. Сталиным. По указанию т. Сталина, этот «социализм» в лучшем случае означает «некоторое обуздание наиболее необузданных отдельных представителей капиталистического профита, некоторое усиление регулирующего начала в народном хозяйстве»¹ без потрясения основ капитализма. К Мемфорду в лучшем случае применимы следующие слова т. Сталина о людях «с наилучшими намерениями», неспособных даже «поставить вопрос о взятии власти», без чего невозможно «перевернуть мир»². Но вернее, что и эти намерения у Мемфорда отсутствуют.

Мемфорд, знакомый с послевоенным развитием капитализма и с нашим социалистическим строительством, проявляет такую потрясающую беспомощность в своих практических планах лишь ввиду упорного желания остаться «в штате» буржуазии. Уважаемый профессор принадлежит к числу тех интеллигентов, о которых т. Сталин, говоря о технической интеллигенции капиталистического мира, сказал: «Нет, мало имеется охотников порвать со своими хозяевами и начать реконструкцию мира!»³.

¹ «Вопросы ленинизма», стр. 601, изд. 10-е.

² Там же, стр. 606.

³ Там же, стр. 605.

Новинки иностранной литературы

Loria Achille. *Dinamica economica. Studio sulle leggi delle variazioni*. Torino, Unione Tipografico-editrice torinese, 1935—XIII, 326 p.

Акилле Лориа — тот самый, которому Маркс оказал материальную помощь и презрительно морщился от «его неприятной лести»¹, и который после смерти Маркса выступил с инсинуациями о «сознательных софизмах» Маркса и получил уничтожающую характеристику от Энгельса в предисловии к III тому «Капитала», — этот Акилле Лориа еще жив (ему теперь 78 лет) и пишет книги. В 1922 году он выпустил свое очередное экономическое произведение и в предисловии указал, что это его последняя книга. Однако, как старик в романе Сейфуллиной «Виринея», который решив, что бог ему велел помереть, лег заранее в гроб, но, пролежав три дня, встал и принялся за свои дела, так и Лориа, прождав несколько лет, решил выпустить новую книгу — об «Экономической динамике».

Задачей этого труда Лориа является анализ всевозможных изменений в экономической жизни. Лориа строит целую систему этих изменений. В первой главе он дает такую классификацию изменений: 1) по их происхождению; 2) по тем условиям, в которых они осуществляются; 3) по важности объекта, к которому они относятся; 4) по их «нормальности»; 5) по экстенсивности; и 6) по интенсивности. Кроме того Лориа различает «изменения количественные, которые меняют экстенсивность и интенсивность какого-нибудь явления, без перемен» его сущности, и изменения качественные, которые, наоборот, меняют его совсем» (стр. 5). Далее, Лориа различает изменения по их направлению (положительные и отрицательные), по продолжительности, и по степени их обособленности, или согласованности. В следующей (второй) главе Лориа рассматривает «стихийные элементарные изменения», причем делит их на изменения, относящиеся к производству, к обращению и распределению. Третья глава посвящена у Лориа «стихийным интегральным изменениям», четвертая — «изменениям системы». О том, что представляют собой эти «изменения системы», дает довольно смутное представление пример, приведенный для «пояснения» самим Лориа: «Перемирие на войне является обратимым (reversible) изменением системы, а закон, устанавливающий минимум зарплаты, или законодательство о налогах, являются элементарными необратимыми изменениями системы» (стр. 131). «Изменения системы» Лориа делит на «элементарные», «сложные» и «интегральные», причем среди «элементарных» он в свою очередь различает относящиеся к производству, обращению, распределению, «перераспределению» (redistribuzione). В качестве образца «сложного изменения системы» Лориа приводит «введение покровительственных пошлин при одновременном уменьшении количества перепродаж товаров, проводимом с целью нейтрализовать вызываемое пошлинами повышение розничных цен» (стр. 149).

Примером «интегрального изменения системы» Лориа считает историю СССР.

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 568.

Он говорит о «русской революции», что она «несомненно представляет собою наиболее грандиозное и величественное (solepne) интегральное качественное изменение системы из всех, которые когда-либо зарегистрировала история» (стр. 151). На протяжении десятка страниц Лориа излагает этапы экономического развития Советского союза, начиная с комбедов и кончая второй пятилеткой. Изложение это отличается феноменальным невежеством и непониманием того, что происходит в СССР. Это вполне объяснимо, если учесть классово-враждебные нам позиции Лориа. Они определяли и источники, которыми пользовался Лориа. В их списке у него значатся и писания меньшевиков Далина и Загорского, и инсинуации других белоэмигрантов из Риги и Берлина; и «откровения» реакционных профессоров вроде американца К. Гувера. Лишь изредка попадают книги и статьи наших советских экономистов, например работа т. Эвентова о зарплате в СССР.

Однако надо отдать справедливость Лориа. Старик обнаружил пожалуй некоторую смелость в условиях режима Муссолини, по-своему оценив «интегральное изменение системы» в СССР. «Итак — пишет он в заключение, — Россия переходит от одного изменения к другому, все время стремясь найти форму неопределенного дохода (особый термин у Лориа, означающий, по сути дела, трудовой доход. — Я. С.), которая давала бы возможность полного использования производительных сил. Если она найдет эту форму, то к теории и к жизни прибавится новая страница, пораженному миру будет возведено новое откровение, и Ленин, наряду со своим великим соседом Прометеем даст человечеству, раздираемому вековым неравенством, очистительный огонь» (стр. 162).

В следующей (пятой) главе книги Лориа разбирает «сочетания изменений», причем опять в соответствии со своей схемой рассматривает эти сочетания в отношении к производству, обращению, распределению, перераспределению и т. д. Шестая глава посвящена Лориа «спонтанным» и «систематическим» пределам изменений. Для характеристики того, что Лориа понимает под всеми этими «сочетаниями изменений» и «пределами», приведем несколько примеров. «Обратная корреляция, — заявляет он, — существует между изменениями в производительности земли и согласовании трудовых усилий, ибо это последнее тем интенсивнее и шире, чем производительность земли меньше» (стр. 173). «Существует строгое соотношение между количеством употребляемого капитала и продолжительностью работы. В самом деле, значительные затраты капитала, делая сравнительно большим количество капитала, обреченное на бездействие на фабриках, создают тем самым стимул к удлинению продолжительности работы. Следовательно, всякое увеличение капитала — зарплаты, основного капитала или сырья — должно вызывать удлинение труда. Существует также строгое соотношение между изменениями различных производственных методов в том смысле, что применение какого-нибудь технического нововведения делает возможным другое нововведение» (стр. 174).

Эти примеры в достаточной мере характеризуют тот теоретический уровень, на котором находится работа Лориа. Это — типичное произведение вульгарной экономии, в котором самые общие и плоские суждения подкрепляются не менее общими и плоскими примерами. К рубрике «сочетаний изменений» Лориа относит например промышленные циклы, причем ограничивается лишь такого рода замечаниями о них: «Существует прямое сочетание между фазами коммерческого цикла и соотношением между депозитами «по требованию» и на срок. В периоды коммерческой экспансии сокращается доля депозитов на срок...» и т. д. (стр. 230). «Флуктуации коммерческого цикла влияют также на изменения состава общего дохода. Так, в периоды подъема, в которые борьба между доходами менее интенсивна, преобладают консолидированные доходы, между тем как в периоды упадка преобладают доходы изменчивые (fluctuant!)» (стр. 231).

Что касается «пределов изменений», то тут Лориа глубокомысленно замечает,

что «именно пределы величины и продолжительности или иначе пространства и времени, поддерживают известную устойчивость экономического мира, т. е. обладают по существу консервативной функцией» (стр. 316). «Пределы» эти заключаются, по Лориа, в том, что всякие изменения вызывают рост факторов, противодействующих их дальнейшему увеличению.

В седьмой главе Лориа занимается описанием «актуальных изменений», которые произошли после войны. В первой части он говорит об «отрицательных изменениях» — об общем упадке производства, о падении сельского хозяйства, о сокращении торговли, об уменьшении народонаселения под влиянием войны 1914—1918 гг., а во второй части излагает «положительные изменения» с 1924 по 1929 г. — рост населения, развитие промышленности и т. д., которые затем опять сменяются у него «отрицательными изменениями» во время кризиса... На вопрос о том, каковы же перспективы в этой смене «положительных и отрицательных изменений», Лориа отвечает, что он не верит в «окончательное свержение капиталистической экономики». Лориа не согласен с учением Маркса о пролетарской революции, он присоединяется к тем буржуазным экономистам, которые, по его словам, «мечтают в различных формах о таком экономическом порядке, который, хотя его очертания теперь еще неясны, был бы во всяком случае избавлен от теперешней неустойчивости» (стр. 350).

По сути дела вся книга Лориа о «законах изменений», несмотря на всю свою сложную схему и детально разработанную терминологию, несмотря на то, что слово «изменение» склоняется в чей на все лады, убеждает читателя в том, что сам автор не видит никаких перспектив в этих изменениях, что его собственное отношение к ним может быть сформулировано словами старинной мещанской французской поговорки: «plus ça change, plus ça reste la même chose» (чем больше все меняется, тем больше все остается по-старому). Впрочем Лориа и сам не скрывает своего скептицизма относительно перспектив своей «экономической динамики». Последней главе книги он дал название «Неизменность изменений». В ней он хотя и признает вечность и непрерывность изменения, говоря, что «согласно современной науке... мир надо понимать как систему изменений» (стр. 353), но в то же время отрицает существование какого-либо закона, какого-либо общего движения этих изменений. «В то время как раньше искали одну необходимость, тяготеющую над людьми и над человеческими обществами, позднейшая наука не находит ничего, кроме разнообразия и отклонений» (стр. 354). «Поэтому, — заключает Лориа, — можно вполне сказать, что вся экономическая наука сводится к учету изменений» (стр. 358).

Таков пессимистический взгляд Лориа на «экономическую динамику» и на задачи экономической теории. Этот взгляд вполне понятен, если принять во внимание методологическую установку, теоретико-экономические взгляды и социально-политические чаяния Акилле Лориа. Он трактует об экономических «изменениях», не видя и не будучи в состоянии видеть диалектики общественного развития, возникновения развития и гибели общественных формаций. В результате все его «изменения» напоминают не движение потока, а зыбь на неподвижном озере. Проникнутый мещанско-филистерским духом профессор, «катедер-социалист», как его назвал Энгельс в одном из своих писем к Бернштейну¹, Лориа всю жизнь исходил в своих построениях из незыблемости капиталистического строя. Закон движения капиталистического общества был всегда для него книгой за семью печатями, и поэтому теперь, взявшись на склоне лет своих за анализ «экономической динамики», он приходит к объективно ложному и субъективно для самого себя безнадежному выводу, что, мол, «экономических изменений» много, что они очень сложны и взаимно связаны, но что среди всех этих изменений мир топчется на одном месте...

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 289.

Книга Лориа и сам ее автор кажутся в условиях Италии 1935 года, на XIII году «эры» фашистской диктатуры, курьезным анахронизмом.

Розовый либерализм автора, сочувственно кивающего на сокращение рабочего дня до 7 часов в СССР (стр. 133), отдающего предпочтение профсоюзам, построенным по производственному принципу, перед профсоюзами по профессиям (стр. 218—219), высказывающегося довольно холодно о фашистской «корпоративной системе» (стр. 150) и т. д., странно выделяется среди писаний фашистских и filoфашистских экономистов. Насколько понизился уровень экономической мысли в современной Италии, если даже такой вульгарный, путанный и плоский экономист, как Акилле Лориа, оказывается на целую голову выше всех этих де Стефани, Джини, Ганджеми, Курато и прочих апостолов «корпоративистской» экономической премудрости!

Corbett, James F. and Herschkowitz, Minnie L. Modern Economics. New York, The Macmillan Company, 1935, X+601 p.

Написанная преподавателями Нью-утрехтской высшей школы в Нью-Йорке: книга о «Современной экономике» представляет собой руководство для преподавателей политической экономии и студентов. Она разделена на главы, соответствующие лекциям или урокам, причем каждая глава снабжена библиографическим указателем и подробно разработанным вопросником. В книге четыре части. В первой — вводной — дается краткая характеристика феодального общества и излагается история развития капитализма. Вторая часть посвящена описанию капиталистического хозяйства, которое авторы называют «системой прибыли». Тут они изображают колебания цен, организацию капиталистических предприятий, взаимоотношения между издержками производства и прибылью и вопросы регулирования прибылей и товарных цен. Третья часть занимается вопросами «социального контроля в сложном обществе». Под «сложным обществом» авторы понимают современный монополистический капитализм в том виде, в каком он существует в США. В этой части описываются вмешательство государственной власти в хозяйственную жизнь, правительственное регулирование конкуренции, проблемы кредита, взаимоотношения между государством и банками, регулирование цен на мировом рынке. Специальная часть книги посвящена характеристике рузвельтовского «New Deal», причем авторы разбирают экономическую политику Рузвельта с точки зрения ее влияния на потребителей, рабочих и капиталистов. В заключительной части книги намечаются перспективы «нового социального порядка», который, по мнению авторов, нарождается в Америке.

В соответствии с распространенным в настоящее время в США учением «институциональной» школы, авторы считают, что задачей политэкономии является изучение «социальных институтов», под которыми они понимают «обычный способ жизни или поведение, общее многим людям» (стр. 3). Одним из важнейших институтов современного общества они считают частную собственность. «Частная собственность теперь все еще является общепризнанным и популярным институтом в нашей стране» (стр. 30). Однако частная собственность нуждается, по их мнению, в дополнении в виде «социального контроля».

Подвергнув критике недостатки «неограниченной конкуренции», авторы строят свой идеал будущего «видоизмененного капитализма». «В будущем, — заявляют они, — мы можем ожидать расширения социального контроля над предприятиями, частные интересы которых противоречат обществу благу» (стр. 31).

Особенно подробно авторы останавливаются на выяснении того, что такое прибыль и в чем заключаются ее недостатки. Они упрекают современного дельца в том, что он «пользуется периодом процветания, но не берет на себя никакой ответственности за результаты депрессии... Рабочие, которые были уволены, и инвесторы, которые были разорены из-за того, что нельзя больше извлекать прибыли, могут рассчитывать на поддержку только со стороны самого общества»

(стр. 70—71). Чтобы избежать такого положения, авторы требуют «социального контроля», который, как они заявляют, «должен помочь нам осуществить изложенный нами идеал» (стр. 71).

Значительное внимание уделено в книге вопросу о том, как организуются современные предприятия. При этом в отличие от ходовых буржуазных учебников берется не единоличный предприниматель, а изображается, как функционирует монополистическая «корпорация» американского типа. Описав способы исчисления издержек производства в такой корпорации, авторы разбирают вопрос о том, какими методами можно осуществлять «контроль над прибылями и ценами», в особенности контроль, со стороны правительственных органов. «Если народ, — говорят они, — через посредство своего правительства позволяет крупным предприятиям приобретать монополистическую власть над промышленностью, то народ должен защищать свои интересы, как рабочих и потребителей, путем установления тех или иных форм правительственного контроля над ценами и производством в таких отраслях промышленности» (стр. 249). В частности много внимания авторы уделяют вопросам правительственного контроля над «предприятиями общественного пользования» (public utilities).

Часть книги, посвященная кредиту и банкам, содержит обоснование необходимости и желательности той системы денежного обращения, которая была установлена в США с 1934 года (Gold Bullion Standard), а также характеристику американской банковской структуры и взаимоотношений между правительством и банками.

В соответствии с новейшими течениями в буржуазной экономической мысли США авторы уделяют целую главу вопросу о «потребителе». В качестве исходного пункта для своих рассуждений они изрекают следующую «истину»: «Уровень жизни, которым может пользоваться американская семья, определяется четырьмя условиями: 1) размерами семьи; 2) суммой получаемого денежного дохода; 3) стоимостью жизни и 4) способностью семьи покупать разумно и экономно» (стр. 427). Авторы выясняют всю трудность покупать разумно и экономно в Америке, где этому мешает надувательство торговцев, недобросовестная реклама т. д., и восхваляют деятельность правительственного учреждения по исследованию вопросов потребления (Consumers' Research), созданного для защиты интересов потребителей.

Учебник Корбетта и Гершковича содержит довольно любопытный отдел о рабочих. Тут они не только проливают слезу о «дамокловом мече потери работы, который висит над головой рабочего» (стр. 444), но и выступают в защиту профсоюзов рабочих и против «компанийских союзов». Они говорят о недовольстве рабочих своей участью (стр. 457—459) и описывают структуру и деятельность Американской федерации труда, причем останавливаются даже на «левом крыле профдвижения», на характеристике различных видов стачек и других форм экономической борьбы.

В последней главе, посвященной «возникновению нового социального порядка», авторы дают краткое описание советского строя, с одной стороны, и фашистской «корпоративной системы», — с другой, и отвергают и то и другое. Они считают американских рабочих не классово-сознательными, а «job-conscious» т. е. заинтересованными только в зарплатке и не интересующимися «политикой».

Таково содержание нового американского учебника по политэкономии. Как видно из нашего краткого обзора, этот учебник построен по совершенно иному плану, чем обычные буржуазные руководства по политэкономии. Задачей всякого такого учебника обязательно является апологетика капитализма. Этой же цели служит и данный учебник. Но он не соответствовал бы своему назначению, если бы продолжал преподносить учащим и учащимся обычные рассуждения о социальной гармонии в стиле Сея, Бастиа и в особенности Кэри. В современных условиях монополистической Америки, раздираемой глубочайшими социально-эконо-

мическими противоречиями, такие рассуждения показались бы устарелыми, наивными и нелепыми даже школьникам. Поэтому Корбетт и Гершкович не скрывают существующих в американском хозяйстве антагонизмов. Они стараются только придать им нужное апологетическое освещение. Они подвергают «критике» некоторые стороны капиталистического строя, но исключительно для того, чтобы тут же указать на универсальное средство излечения недостатков — на «социальный контроль», осуществляемый государством в лице рузвельтовской администрации. Вместе с тем книга явно заострена против левого крыла американского рабочего движения и старается выпадами против СССР и советской системы отвлечь рабочих от мысли о возможности революционного выхода из противоречий, раздирающих американский капитализм.

Учебник Корбетта и Гершковича выполняет по-новому свою задачу апологетики монополистического капитализма. Вот почему он с мая 1935 года выдержал уже два издания. Буржуазия США видит повидимому в нем неплохое идеологическое орудие для защиты своего господства.

Fritz, Alois. Die wirtschaftliche Bedeutung der Konsumentenhaltung. Nürnberg, Verlag der Hochschulbuchhandlung. Kröschke und Co, 1933, 123 S.

В настоящее время среди буржуазных экономистов модным стало изучение вопросов потребления и структуры потребительского спроса. Литература по этому вопросу все время обогащается новыми книгами, брошюрами, журнальными статьями. Течение это особенно усилилось в результате современного кризиса перепроизводства, который поставил перед предпринимателями практический вопрос о стимулировании потребления их товаров, а перед буржуазными экономистами выдвинул общий «социальный заказ» — изучить потребителей и потребление и найти пути хотя бы к некоторому увеличению спроса. Задача весьма благодарная в условиях обнищания широких трудящихся масс. В США вопросы потребления занимается ряд исследовательских институтов, в особенности принадлежащих к системе Brookings Institution. Там под руководством проф. Маультона (Moulton) выпускается целая серия книг о потреблении. Недавно например вышла книга *America's Capacity to Consume*. В Германии этими вопросами занимается проф. Вильгельм Ферсгофен (Wilhelm Vershofen) со своими учениками и последователями. Но судьба германских исследований несколько иная, чем в США. На протяжении ряда лет и американские и германские экономисты ломали свои ученые головы над вопросом о том, как повысить потребление без резкого изменения существующего платежеспособного спроса. В Германии фашизм, занявшийся приспособлением всего капиталистического хозяйства к реваншистской и захватнической войне, привел, как известно, к тому, что в стране стал ощущаться недостаток в целом ряде товаров (текстиль, жиры, мясо и т. д.). В связи с этим перед буржуазными экономистами был поставлен новый «социальный заказ»: облечь в наукообразную форму требование фашистской диктатуры о сокращении и видоизменении потребительского спроса на некоторые товары.

Этот «социальный заказ» и выполняет Алоиз Фриц, ученик и последователь проф. В. Ферсгофена. В своей книге, вышедшей в серии *Nürnbergger Beiträge zu den Wirtschafts- und Sozialwissenschaften* А. Фриц берет в качестве исходного пункта «потребителя вообще». «Перед нами, — говорит, он, — человек, положение которого характеризуется неразрывными экономическими связями с другими людьми» (стр. 3). Однако в дальнейшем выясняется, что «человек» этот имеет возможность покупать радиоприемники, автомобили и т. д. и что следовательно ни к рабочим, ни к трудовому крестьянству, ни к городской мелкой буржуазии его отнести нельзя. «Человек» этот преимущественно буржуазный потребитель. Такая пози-

ция, молчаливо занятая автором, дает ему возможность совершенно отвлечься от вопроса о платежеспособности со всеми связанными с ним неприятными социально-экономическими выводами и заняться «психологией» потребителя. «Рыночный субъект» у него поглощен конечно всякими сравнительными «оценками» товаров, вытекающими из его общей «психической установки» (стр. 6). «Посредством мгновенных возбуждений, — повествует Алоиз Фриц, — возникают аффектуальные импульсы и ведут к неожиданным решениям насчет покупки» (стр. 10). При этом покупаемый товар должен, по словам автора, обладать тремя видами пользы: физической, психической и социальной (стр. 13).

При такой «психологической» установке автор, вместе с проф. Ферсгофеном, естественно приходит к выводу, что существуют только две причины изменения потребительского спроса, а именно: «1) изменения, вызываемые переменой жизненных привычек потребителя, и 2) изменения, обуславливаемые растущим господством моды». Автор становится в позу обличителя современных нравов и упрекает потребителей в том, что «общая жизненная установка, оценка смысла и цели жизни с чисто материальной стороны способствовали возникновению экономической эпохи преувеличенного возбуждения потребностей и воспитания спроса» (стр. 57).

Поставив таким образом всю проблему потребления на «психологическую» и «моральную» основу, автор намечает приемлемое для фашистской диктатуры ее разрешение в высокой сфере «идеалов», «духа», «мировоззрения» и тому подобной театральной бутафории гг. Гитлера, Геббельса и А. Розенберга. «Разрешение экономических проблем, — заявляет автор, — не может быть достигнуто без обновления духа, без содействия совершенно изменившегося в своей психологии потребителя. Его дух, его идеи, его мировоззрение, его смысл и содержание жизни определяют его поведение, а поведение, в свою очередь, определяет формы, задачи, цели и смысл хозяйства» (стр. 61).

В полном соответствии с видами и установками фашистской диктатуры находится и общее заключение, к которому приходит автор. «Изменение воззрений человека, — говорит он, — является предпосылкой укрепления хозяйства». Намекая на те «огромные затруднения», которые причиняет хозяйству «поведение потребителей», Алоиз Фриц пишет: «Окончательное разрешение этих затруднений с чисто экономически-рациональной точки зрения мы считаем невозможным, ибо ни твердая политика по отношению к потребителям, ни сплошь организованное плановое хозяйство (если что-либо подобное вообще возможно) не в состоянии уничтожить неустранимую напряженность экономических противоречий... Но если мы согласны между собой относительно содержания и цели нашей жизни, то нам нетрудно будет найти путь такого урегулирования нашего хозяйства, какое нам желательно, т. е. приспособить хозяйство к цели нашей жизни».

Книга заканчивается весьма недвусмысленным «советом» потребителям: «Кто как потребитель понимает, что его капризы в удовлетворении своих потребностей вредят хозяйству и создают неслыханные опасности для государства и народа, тот осознает ненужность своих капризов при удовлетворении потребностей и будет их преодолевать» (стр. 118).

Такова «теория поведения потребителей», созданная Алоизом Фрицом. Эта «теория» весьма симптоматична для внутреннего состояния фашистской Германии: перебои в снабжении то одними, то другими видами предметов потребления стали там постоянными, и понадобилась «научная литература» для их объяснения и всяческого приукрашивания. Эту «научную литературу» и поставляют услужливые экономисты типа Ферсгофена, Дэхнера, Фрица Алоива и т. п.